

А.А.Кокошин

Армия и политика

Советская
военно-политическая
и военно-стратегическая
мысль, 1918-1991 годы

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1995

Ц 35/26 + ТЗ/26

ББК 63.3 (2)
К59

Кокошин А.А.

К59 Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы. — М.: Междунар. отношения, 1995. — 288 с.

ISBN 5-7133-0857-X

Член-корреспондент РАН Андрей Афанасьевич Кокошин в своей новой работе исследует эволюцию советской военной доктрины, анализирует взгляды военно-политического руководства СССР на соотношение политики и военной стратегии, угрозу безопасности стране, вероятность, характер и способы ведения будущей войны. Во Введении и Заключении содержится анализ современных проблем национальной безопасности России.

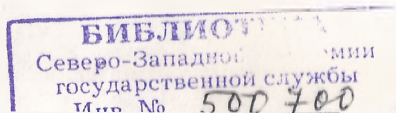
Для специалистов, слушателей военных академий и военных учебных заведений, а также читателей, интересующихся российской историей.

К $\frac{0503020000 — 046}{003(01) — 95}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-7133-0857-X

- © Кокошин А.А., 1995
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва "Международные отношения", 1995

*В год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне
живым и мертвым победителям посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Военные вопросы традиционно занимали особое место во внешней и внутренней политике нашего государства — и Российской империи, и Советского Союза. Применительно к советскому периоду постулированные цели — превзойти развитые капиталистические страны по производительности труда — в реальности уступали место задаче обеспечения преобладающей военной мощи.

Нельзя считать, что все ясно в достаточно полном определении генезиса высокого уровня военизации экономики и общества в Советском Союзе. Многие историки справедливо указывают на следующий источник такого феномена: руководители советского государства выросли из гражданской войны, не имея до этого опыта государственного управления в условиях мирного времени. Октябрьская революция 1917 года и гражданская война в России 1918 — 1922 годов, идеология пришедшего к власти радикальнейшего крыла российской социал-демократии заложили своеобразный «генетический код» советской военно-политической и военно-стратегической мысли и соответствующей линии поведения.

Отталкиваясь от остроидеологизированного видения мира, советские военно-политические стратеги проповедовали доктринальные установки на протяжении многих десятилетий, прежде всего ориентировавшиеся на бескомпромиссное, с самыми решительными целями, ведение войны «вплоть до полного разгрома» противника и торжества социализма во всемирном масштабе. Официально эта линия продолжала доминировать и тогда, когда она уже не соответствовала реальной внешнеполитической практике. Такие установки предопределяли характер многих оперативно-стратегических концепций и планов, структуры и состава Вооруженных Сил нашей державы, их

дислокации. Сами же Вооруженные Силы рассматривались как орудие не столько государства, сколько безраздельно правящей партии, орудие, находившееся под ее непосредственным контролем, осуществлявшимся с помощью разветвленной сети политорганов, выросших из революционных военных советов и институтов политкомиссаров периода гражданской войны, а также под контролем служб безопасности, тоже подчинявшихся партии.

Степень контроля над Вооруженными Силами Советского Союза со стороны партийного руководства была, как и многое другое в СССР, беспрецедентной. Этот контроль обеспечивал не только предельно жесткие политические и идеологические рамки деятельности для армии и флота, но и распространялся на быт, культуру, на личную жизнь практически каждого военнослужащего. Тем не менее среди политработников Вооруженных Сил было много достойных людей, внесших свой весомый вклад в обеспечение обороноспособности страны.

Для многих военных профессионалов, верой и правдой служивших своему Отечеству, а не определенному режиму, такой контроль был делом крайне непривлекательным и даже унижительным. Его трудно сопоставить с системой гражданского руководства и контроля вооруженных сил, которая сложилась в Европе и в Северной Америке начиная с XIX века, а во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки — со второй половины XX века. Но в конце концов настал момент, когда эта всепроникающая советская система контроля над Вооруженными Силами заостенела, во многом стала работать сама на себя, а не на высшее партийное руководство.

Гражданская война в России носила предельно ожесточенный характер. Она началась и проходила в обстановке разрухи и в то же время высокой милитаризации экономики страны, по объективным причинам порожденной еще первой мировой войной. Усиление негосударственного невоенного сектора экономики, формирование гражданского общества и парламентаризма были прерваны в России в результате мировой, а затем и гражданской войн.

Методы мобилизации промышленности, сельского хозяйства, населения в целом на решение общих задач экономического развития страны во многом были заимствованы из опыта гражданской войны, а также из опыта управления экономикой периода первой мировой войны в

Англии и особенно в Германии. Такие методы окончательно возобладали, когда стало ясно, что в условиях нэпа и кадры, и государственные институты советской системы работать не могут, что возникла опасность утраты политической власти большевиками, оказавшимися в основном не готовыми к гибкому управлению многоукладной экономикой.

С конца 20-х — начала 30-х годов военизация страны усиливается. Формируется соответствующий тип экономики, подчиненный в значительной мере задачам военного строительства. Но и там, где решались не задачи развития и обеспечения армии и флота, а общие вопросы народного хозяйства, в первую очередь применялись военизированные методы управления экономикой. К тому же в результате репрессий возникла разветвленная сеть ГУЛАГа, позволявшая использовать труд миллионов заключенных в самых разных сферах — от лесоповала до создания суперсовременных по тем временам систем вооружения.

Сильный толчок в военизации СССР дали приход к власти в Германии национал-социалистов и начавшаяся бурная ремилитаризация этой страны. На парирование создававшейся угрозы были брошены крупные ресурсы, работала мысль ведущих советских военных теоретиков и военачальников, конструкторов, оружейников.

Победа в Великой Отечественной войне стала огромным вкладом нашего народа в сохранение мировой цивилизации, в становление новой системы международных отношений. Ценой невероятных потерь, сверхнапряжения и на фронте, и в тылу была сломлена самая мощная, наиболее отлаженная и продуманная военная машина германского нацизма, подмявшая под себя почти всю Европу. Эта машина имела мощную теоретическую базу военного искусства, военной стратегии, в основе которой лежали труды Клаузевица. Его хорошо знали в Германии не только фельдмаршалы и генерал-полковники, но и многие кадровые лейтенанты.

Победа советского народа была тем весомее, что в германской военной машине, несмотря на поражение в первой мировой войне, традиции военного искусства не прерывались, как в России, не уничтожались в массовом порядке профессионалы, в том числе военные интеллектуалы, составлявшие костяк армии и флота, военной промышленности. Даже чистка 1944 года, после покушения на Гитлера полковника фон Штауффенберга, в Германии

намного уступает по своим масштабам сталинским репрессиям 1937 — 1938 годов в нашей стране, достигшим своего апогея в мирное время.

Завершение второй мировой войны знаменовало собой гигантский сдвиг в мировой политике, второй за сравнительно короткий промежуток времени после первой мировой войны и Октябрьской революции в России. В сфере непосредственного влияния и даже контроля Советского Союза оказались страны Восточной и Центральной Европы, половина Кореи, Монголия. Идеологическим, политическим и военным союзником стала крупнейшая в мире по населению страна — Китай, причем союзником независимым. Такого гигантского усиления роли в мировой политике Россия не знала ни во времена зенита славы Петра Первого, ни при Екатерине Второй, ни даже после разгрома Наполеона и вхождения русских войск в Париж в 1814 году.

Качественно новый фактор всей военно-политической обстановки после второй мировой войны представляло ядерное оружие, скачкообразно, на несколько порядков, повысившее разрушительную мощь военных действий. Обладателями ядерного оружия с небольшим разрывом во времени стали оба противостоящие друг другу государства — США и СССР, что резко ограничило возможности его применения не только как боевого средства, но и как инструмента политического давления.

Ядерное оружие превратилось не только, а во многом и не столько, в военное или военно-политическое средство, но в важный символ статуса государства, определяя его место в мировой иерархии (недаром в конце концов официальными обладателями ядерного оружия стали помимо США и СССР три других постоянных члена Совета Безопасности ООН: Англия, Франция и КНР). Появление ядерного оружия оказало огромное влияние на военно-политическое и военно-стратегическое мышление в целом.

Советской военной мыслью, к сожалению, последствия появления ядерного оружия, массового оснащения им вооруженных сил противоборствующих сторон осознавались медленнее, чем это было необходимо. Теория ядерного сдерживания была в Советском Союзе и остается в Российской Федерации недостаточно глубоко разработанной, а тем более усвоенной политической элитой и военным командованием. Это в определенной мере снижает политическую

эффективность ядерного оружия для обеспечения национальной безопасности страны, в известной степени девальвирует те огромные вложения в ядерную мощь, которые были сделаны несколькими поколениями нашего народа.

Распад колониальной системы создавал возможности еще большего расширения влияния и контроля Советского Союза в «третьем мире», чем руководство СССР не преминуло воспользоваться. И здесь в послевоенный период советское правительство пошло по пути, существенно отличавшемуся от того, который был избран строителями Российской империи. Последняя формировалась постепенным приращением территорий, непосредственно примыкавших к ядру страны, к тому, что было уже включено в Российское государство. Соответствующим образом формировалась географически и сфера влияния — примыкая преимущественно к границам государства. Значительная же часть усилий Советского Союза сосредоточилась на таких регионах и странах, о которых даже не мечтали самые горячие сторонники расширения влияния России в дореволюционное время. Индонезия, Чили, Никарагуа, Ангола и Мозамбик — вот далеко не полный перечень стран, куда в разные отрезки времени послевоенного периода были брошены огромные ресурсы, которые могли быть намного более продуктивно использованы по другим направлениям даже в рамках той же политической стратегии СССР. В угоду идеологии были преданы забвению не только экономические, но и реальные геополитические интересы России.

История подтверждает, что формирование империй никогда не обходилось без применения организованной военной силы. Но если, например, при создании английской или голландской колониальных империй движущей силой была торговля и капитал заставлял привлекать вооруженные силы государства для осуществления и закрепления имперских завоеваний, то в случае с Россией события преимущественно развивались по-иному. Доминировали не экономические интересы, а интересы безопасности — как они трактовались господствующей элитой страны, а зачастую и подавляющей частью населения Российского государства (военное сословие составляло значительную долю российской элиты).

Внешняя политика царской России всегда была изрядно военизированной. В XVI — XIX веках угроза применения

силы и само ее применение оставались вполне общепризнанными методами достижения политических целей. Другое дело, что содержание этих политических целей для многих государств составляли весьма конкретные, корыстные экономические интересы прежде всего господствующей элиты, но в то же время и значительной части общества в целом, при особой роли средних слоев, так называемого «среднего класса». Национальный эгоизм стал одним из мощнейших факторов подъема и становления современных высокоразвитых стран. В нашей стране и в досоветский, и в советский периоды национальный эгоизм в силу целого ряда причин был выражен сравнительно слабо.

Поддержка ряда направлений национально-освободительного движения, стран «социалистической ориентации» в «третьем мире» стала одной из важнейших составляющих внешней и военной политики Советского Союза — особенно на рубеже 50 — 60-х годов. Российские ресурсы тратились на создание, поддержание и развитие сразу трех «империй» — зоны «третьего мира», стран народной демократии (впоследствии социалистического содружества) и собственно окраин самого Советского Союза. Последнее прежде всего касалось Средней Азии, которая была сравнительно новой частью Российского государства, значительно отличавшейся от сформировавшейся к середине XIX века основной территории Российской империи не только степенью экономического развития, но и эτικο-культурными и социальными характеристиками. В 60-е годы глобальное противостояние СССР и США с их союзниками по НАТО и другим блокам сопровождалось острым идеологическим и военным противостоянием СССР и китайского гиганта, возникшим в результате конфликта между хрущевским руководством СССР и маоцзэдуновским руководством КНР. В подобном сложнейшем геополитическом положении Россия оказывалась в новой и новейшей истории едва ли не впервые со времени политико-дипломатической изоляции Николая I накануне Крымской войны 1853 — 1856 годов.

Такого перенапряжения ресурсов не могло выдержать ни одно государство в мире, сколь бы мощным аппаратом контроля над обществом оно ни обладало, сколь бы богатой людскими и материальными ресурсами ни была метрополия. Наличие этих трех «империй» не позволяло вкладывать ресурсы в укрепление ядра Российского госу-

дарства, Советского Союза, прежде всего коренных российских земель. Разорилась, пришла в глубочайший упадок русская деревня, на протяжении веков поставлявшая стране солдат, которые неоднократно поражали мир своими подвигами там, где не справлялись государственные мужи и полководцы.

Не удалось реализовать накопленный образовательный и культурный потенциал народов Советского Союза для достижения высокого уровня развития экономики, достойных условий жизни населения. Оказался незавершенным процесс формирования средних слоев, «среднего класса», в первую очередь обеспечивающих устойчивость поступательного социально-экономического и политического развития любого современного общества и государства.

Наша страна приобрела способность производить сверхсложные технические системы — свойство немногих высокоразвитых стран мира; но и это одно из важнейших достижений российско-советской цивилизации оказалось не использованным в той мере, в какой было необходимо для экономики в целом, для благополучия российского народа. Эта способность преимущественно проявлялась в военной и ядерной сферах. Применение же ее в ядерной энергетике омрачилось для нас чернобыльской трагедией.

Слаборазвитой по современным стандартам оказалась бытовая культура нашей многоэтнической и многонациональной страны. А бытовая культура играет куда более важную роль в самоидентификации страны в мировом сообществе, в обеспечении ее подлинного суверенитета, чем это было принято считать в СССР.

Франция во многом именно благодаря высокому уровню бытовой культуры (тонко понятому Шарлем де Голлем и голлистами в целом) сумела после войны отстоять свою самобытность и свою суверенность в очень непростых для нее экономических, идеологических, политических и военно-стратегических условиях. Это сказалось на военной и военно-промышленной политике страны, в значительно большей мере независимой от США, нежели любое другое западное государство.

События конца 80-х — начала 90-х годов, наряду с некоторыми достижениями, обернулись для многострадальной России новыми крупными потрясениями. Попытки реформы экономики и глубоких политических преобразований в сжатые сроки привели к краху всех трех «импе-

рий». История России говорит о том, что события 80 — 90-х годов отнюдь не фатальны для нашего Отечества. Если говорить о том пространстве, на котором оформились Российская империя в XVIII — XIX веках и Советский Союз в XX веке, то здесь еще могут произойти крупные изменения, ведущие к возникновению сверхдержавы с новыми параметрами силы и влияния.

Крах трех «империй» сопровождался потрясениями в Вооруженных Силах нашей страны — одном из важнейших институтов любого государства. В России получило широкое распространение суждение, что столь большие усилия в военной сфере оказались ненужными и даже контрпродуктивными. По любым историческим меркам за предельно сжатый срок руководство СССР и России вынуждено было в сложнейших условиях выводить свои войска не только из стран распавшегося Варшавского Договора и Монголии, но и с территорий ряда бывших республик Советского Союза, что оказалось особенно болезненным, тяжелым. Последствие этого — горы оружия в странах СНГ, в некоторых районах России. Резко сокращены были расходы на закупки вооружений и военной техники, на оборонные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Распалась традиционная система мобилизационной подготовки страны, а новая так и не появилась.

Возникла ситуация, весьма типичная для национальной российской истории: от чрезмерной военизации страны, в прямом и опосредованном выражении, маятник качнулся в противоположную сторону. Появилась угроза утраты оборонного потенциала государства со всеми вытекающими отсюда последствиями для реального обеспечения суверенитета страны.

Остро встал вопрос об определении оптимального места Вооруженных Сил и оборонной промышленности в новой России, в нарождающемся в муках гражданском обществе и демократической политической системе. Оно точно должно соответствовать реальным потребностям обороноспособности России, поддержанию благоприятных для России балансов сил в различных районах мира. Найти такой оптимум в сложнейших экономических условиях очень непросто, но крайне необходимо.

Способствовать этому должно развитие новой военно-политической и военной мысли России, опирающейся на богатое наследие прошлого, учитывающей и взлеты, и па-

дения отечественной военной теории на протяжении более 70 лет существования советского государства, ее достижения и поражения в прошлом.

Трагично, что многое из советской военной мысли, особенно то, что было рождено в 20-е и 30-е годы, так и осталось почти невостребованным. Это обернулось тяжелейшими потерями для армии и флота и для нашего народа в целом. Подавляющее большинство военных теоретиков и стратегов были репрессированы, а их труды запрещены. Имена таких крупнейших военных мыслителей, как Снесарев, Верховский, Зайончковский, Иссерсон, остаются менее известными для отечественной образованной публики, чем имена зарубежных военных теоретиков Дуэ, Митчелла, Гудериана, Лиддел-Гарта, писавших в то же время. Но хочется верить, что труды выдающихся российских военных ученых советского периода станут частью нашего культурного наследия в целом, что они будут стимулировать свежую, неординарную мысль у всех тех соотечественников, кто серьезно занимается проблемами национальной безопасности России, вопросами обеспечения ее обороноспособности.

Среди забытых имен особо хотелось бы выделить имя Александра Андреевича Свечина. Будучи профессиональным военным, пройдя две большие войны (русско-японскую и первую мировую), он смог в своих трудах углубиться в вопросы международной и внутренней политики, экономики, оплодотворив тем самым собственно военную мысль. По свидетельству ветерана-генштабиста, полковника, доктора исторических наук В.М.Кулиша, книгу «Стратегия», автором которой был дважды (!) репрессированный А.А.Свечин, тайком держали у себя многие высшие офицеры Генштаба и командующие Красной Армии во время Великой Отечественной войны и частенько обращались к ней за мудрым советом.

А.А.Свечина отличают строгая логика, раскрепощенная, освобожденная от всяких догм и кокетства мысль, научная и гражданская честность. Именно поэтому его трудам посвящена значительная часть предлагаемой вниманию читателя книги. Будучи сначала генералом царской армии, затем служа в Красной Армии, А.А.Свечин не заискивал перед новой властью, не чернил прошлого, но и не уклонялся от освещения темных мест в российской военно-политической и военной истории дореволюционного периода.

В результате репрессий конца 30-х годов крупный пласт представителей российской, советской военной и военно-политической науки был на многие годы почти полностью исключен из интеллектуальной жизни нашей страны. Отечественная военная теория не просто топталась на месте, во многом она откатилась назад на целые десятилетия. Навыки взаимодействия между наукой и практикой в военных областях оказались почти утраченными. Не удивительно, что у многих военачальников-практиков, а также партийных и государственных руководителей сложилось по меньшей мере скептическое отношение к военно-научным работам этого периода.

В 80-е годы, с запозданием на несколько десятилетий по сравнению с развитыми странами Запада, в Советском Союзе активизировалась разработка отечественных военно-политических и военно-экономических концепций гражданскими учеными при активном участии ряда отставных военных ученых и специалистов. Однако этот процесс в силу целого ряда причин не получил должного развития.

Такова была главная тенденция в общественных науках в нашей стране, многие направления которых по большому счету предстоит фактически создавать заново. В целом положение в общественных науках в России оказалось (в силу их особой уязвимости со стороны идеологии и политики) гораздо хуже, чем в науках естественных, где советский период нашей истории знаменовался многими выдающимися достижениями мирового класса.

Период перестройки не принес сколько-нибудь крупных продвижений вперед в общественных науках, несмотря на то что были сняты практически все идеологические барьеры. Многие обществоведы занялись актуальной с политической и социально-экономической точек зрения публицистикой. Это было, по-видимому, неизбежным и в значительной мере полезным явлением, готовившим почву для нового этапа в развитии общественных наук.

Автор надеется, что этой книгой будет внесен некоторый вклад в непростой, но чрезвычайно необходимый для Отечества процесс формирования новых подходов к военно-политической и военно-стратегической теории, в решение такого важнейшего для нашего государства и общества вопроса, как взаимоотношения армии и политики.

Материалы, использованные в книге, представляют, конечно, только видимую часть «айсберга» советской во-

енной мысли. Повышенный по сравнению со многими другими странами уровень секретности в Советском Союзе, установившийся с 30-х годов, привел к тому, что в открытой печати рассматривались преимущественно общие проблемы военного дела, а многие важные детали, конкретные вопросы тщательно маскировались. Автору пришлось учиться читать между строк, определять «подводные течения» в закрытой от внешнего мира военной науке, чтобы сделать какие-либо выводы на основе этих материалов. Тем не менее такого рода материалы, рассмотренные в достаточно большом объеме, в масштабе нескольких десятилетий, по мнению многих отечественных специалистов, дают определенное представление об основных параметрах реальной военно-политической стратегии СССР. Это может подтвердить и сам автор с учетом собственного практического опыта.

Автор осознает, что данная работа была бы более основательной, если бы в ней подробно и многогранно излагался политический контекст — внутренний и международный, в котором формировалась советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. К сожалению, такой контекст присутствует лишь фрагментарно.

Автор попытался сосредоточиться на трех ключевых, как ему представляется, темах: (1) соотношении политики и военной стратегии, (2) оценках угроз безопасности СССР, характера будущей войны и способов ее ведения, а также на (3) соотношении наступления и обороны в советской военной стратегии. Конечно, в ряде случаев границы между этими темами, особенно между второй и третьей, оказываются весьма условными, что нередко случается в любом историческом, политологическом или социологическом исследовании.

Вопросы соотношения политики и военной стратегии в современных условиях, когда существуют гигантские арсеналы ядерного оружия, продолжают волновать умы, являются подчас предметом острых внутривнутриполитических дебатов, в том числе и на высшем государственном уровне.

Рассматривая эволюцию оценок угроз безопасности СССР, характера будущих войн и средств их ведения, автор старался следовать определенному более или менее инвариантному методу исследования, который характерен как для историко-теоретических, так и для прикладных работ. Метод этот требует:

— анализа общего видения мира, в том числе системы международных отношений, сущности главных конфликтов и противоречий в них;

— определения главных источников угроз, их социально-политических характеристик;

— определения представлений о будущей войне, прежде всего в ее политических чертах, анализа вероятных политических целей войны (ограниченный либо тотальный ее характер);

— характеристики основных военно-стратегических черт будущей войны, ее масштаба, соотношения между позиционностью и маневренностью, темпов ее ведения (скоротечная или затяжная), определения начального периода войны; для ядерной эпохи добавляется вопрос о возможности ведения «ограниченной» ядерной войны, а также о большой войне с применением лишь обычных вооружений государствами, имеющими ядерное оружие, и т.п.;

— сопоставления роли различных видов вооруженных сил и родов войск.

Далеко не все эти вопросы удалось осветить в равной мере для каждого периода. Непростым было и определение критериев отбора теоретиков и исследователей, труды которых были использованы в книге. В конце концов пришлось остановиться на следующих критериях: (1) принадлежность исследователя к высшим и верхним эшелонам командования Вооруженными Силами; (2) высокий уровень его авторитета и популярности в профессиональных военных и политических кругах.

Поиски трудов, обобщающих эволюцию советской военной мысли на протяжении достаточно длительного времени, не увенчались успехом. Наиболее полной оказалась работа полковника И.А.Короткова «История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 — июнь 1941» (М., 1980), в которой, несмотря на весьма жесткие условия того времени, содержится множество важных сведений.

Большую помощь автору оказали ценные советы и практические замечания военных профессионалов — ученых и практиков, генеральных конструкторов: ныне покойных генерал-полковника Н.А.Ломова, генерал-лейтенанта М.А.Мильштейна, генерала армии В.П.Дубынина, генерал-полковника В.П.Миронова, академика Г.Н.Флерова; ныне здравствующих — Маршалов Советского Союза С.Л.Соколова и В.Г.Куликова, академиков Б.В.Бун-

кина, Е.А.Федосова и А.Г.Шипунова, генералов армии М.А.Гареева и В.Н.Лобова, генерал-майора И.С.Даниленко, генерал-лейтенанта М.С.Виноградова, генерал-майора В.С.Белоуса, профессора, доктора исторических наук Д.М.Проектора, генерал-майора Г.В.Батенина, генерал-полковника В.В.Скокова, полковника Л.С.Семейко, генерал-майора, профессора М.М.Касенкова, генерал-полковника В.В.Коробушина, генерал-полковника Г.А.Михайлова, контр-адмирала В.С.Пирумова, контр-адмирала Р.А.Зубкова, генерал-лейтенанта, профессора А.Н.Витковского и др.

Весьма полезным был требовательный и в то же время благожелательный разбор всей рукописи, проведенный профессором, доктором исторических наук полковником В.М.Кулишом. Исключительно ценной оказалась совместная исследовательская работа с профессором, генерал-майором в отставке В.В.Ларионовым.

Многие идеи, касающиеся проблем, лежащих на стыке политики и военной стратегии, удалось обсудить, «испытать на прочность» в ходе совместного семинара группы ученых АН СССР и Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР «Политика и военная стратегия», сопредседателем которого был автор.

Автор выражает глубочайшую признательность своей бессменной помощнице в подготовке этого труда А.К.Юсуповой, а также О.В.Луканиной. Много терпения проявила моя жена Наташа, благодаря которой не только удавалось сохранить должный ритм работы, но и было исправлено немало огрехов в рукописи, отработан и проверен ряд идей и исторических нюансов оценок, вошедших в книгу.

Особая благодарность — кандидату исторических наук Л.А.Завальной, с большим знанием дела выполнившей трудоемкую работу по подготовке рукописи к изданию.

Глава I

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Официальной датой рождения Красной Армии считается 23 февраля 1918 г., когда состоялись первые боевые столкновения красноармейских отрядов с подразделениями германских войск, предпринявшими попытку продвижения в сторону Петрограда через Нарву и Псков (декреты Совнаркома об образовании армии, флота, о принципах их комплектования, об организации и военном управлении датированы январем 1918 г.). Таким образом, спустя три с половиной месяца после Октябрьской революции большевики, вопреки навешанным классиками марксизма моделям всеобщей вооруженности народа, создали регулярный военный инструмент политической власти. Гражданская война в России, начавшаяся в том же году и длившаяся до 1922 г., сопровождалась насилием в самых различных проявлениях и в огромных масштабах. Генерал-полковник Д.А.Волкогонов писал, что гражданская война «стала одним из жесточайших выражений тотального насилия не только в военной области, но и в экономической, социальной, духовной»¹. Это была остро идеологизированная схватка. Спектр участвовавших в ней политических сил, вовлеченных идеологией, был огромен. По многим параметрам он оказался значительно шире того, который характеризовал, например, гражданскую войну в Соединенных Штатах в 60-е годы XIX в. или гражданскую войну в Испании в 30-е годы XX в.

В ходе гражданской войны на территории бывшей Российской империи возникло 40 различных государственных образований, в той или иной мере претендовавших на суверенитет, в том числе имевших или стремившихся иметь собственные вооруженные силы. Начало войны гражданской совпало с завершением первой мировой войны и переключением внимания вышедших из борьбы противников на Россию, осуществление прямой военной интервенции, консолидацию усилий по всемер-

ной поддержке социально-политических сил, вступивших в вооруженную борьбу с советской властью, прежде всего наиболее организованных и непримиримых, известных как «белые» (белое движение).

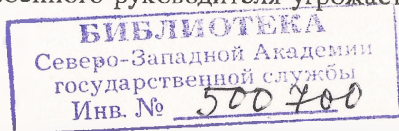
Гражданская война в России изобиловала примерами самых причудливых переплетений политического и военного курсов. В ее ходе возникали неожиданные военно-политические коалиции, недолговечные, но ощутимо влиявшие на ход вооруженной борьбы. Выдвигались ярчайшие личности, роль которых в теоретической разработке вопросов политики и стратегии, а также в их практическом воплощении была очень заметной.

Многие стороны этой войны до сих пор еще не получили достаточного освещения в отечественной исторической науке в силу общих негативных явлений, характерных для советской общественной мысли не только в сталинский период, но и после него. Поэтому автору, попытавшемуся разобраться в вопросах взаимодействия политики и войны, во многом пришлось опираться не только на работы советских военных теоретиков 20-х годов, но и на хранившуюся в его семье память о тех годах, на то, что запомнилось из бесед с друзьями и товарищами деда — участниками гражданской войны.

1. Революционные военные советы и политические комиссары

Одним из наиболее ярких проявлений того, как политика «вторгалась» в дела войны, было создание революционных военных советов — республики, фронтов и армий (реввоенсоветов), а также должности политического комиссара. Введение института комиссаров было закреплено решениями VIII съезда Российской Коммунистической партии (большевиков) [РКП(б)] в марте 1919 года. Реввоенсовет Республики (РВСР) работал как военно-политический орган, направлявший оперативно-стратегическую деятельность главнокома и тылового штаба РВСР².

Выступая на Всероссийском съезде военных комиссаров 7 июня 1918 г., народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкий особо подчеркивал их права на самый жесткий контроль: «...если комиссар заметит, что кто-то со стороны военного руководителя угрожает революции, ко-

миссар имеет право беспощадно расправиться с контрреволюционером, вплоть до расстрела»³. Вполне очевидно, что не только в контрольных функциях состояла роль комиссаров. Они прежде всего были полномочными представителями пришедшей к власти и воюющей за свое государственное утверждение партии большевиков, элементами найденной в экстремальных обстоятельствах революции и гражданской войны структуры политического руководства вооруженной борьбой.

В числе членов реввоенсоветов фронтов и армий, руководителей политотделов были такие известные партийные деятели, как К.Е.Ворошилов, И.В.Сталин (Джугашвили), Бела Кун, С.И.Гусев (Драбкин), Я.Б.Гамарник, С.М.Киров (Костриков), С.Орджоникидзе и другие, занимавшие впоследствии высокие партийные и государственные посты.

Такого рода институтов не знали армии государств — участников первой мировой войны, не было их и в воинских формированиях белого движения. Этот институт в измененном виде существовал в Красной Армии и на флоте и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сохранился он также в послевоенные годы (в виде института заместителей командира по политической работе, начальников политотделов и членов Военного совета армий, округов, флотов). Лишь в 1989 — 1990 годах начинает подниматься вопрос о его упразднении.

Возникновение этих институтов, в известной мере аналогичных институту политических комиссаров Конвента времен Великой французской революции, в значительной степени было вызвано тем, что во главе многих частей и соединений Красной Армии оказались либо выдвинувшиеся из солдатской массы командиры, не обладавшие должным политическим кругозором, либо бывшие офицеры и генералы царской армии (или, как ее еще называли в то время, старой армии, имея в виду то, что после Февральской революции 1917 г. и крушения монархии Романовых армия перестала быть царской, но все основные ее институты и подавляющая часть командного состава оставались прежними).

Надо заметить, что последних на службе в Красной Армии было гораздо больше, чем принято считать. Офицерский корпус старой армии перед Октябрьской революцией 1917 года составлял около 250 тыс. человек. 30% бывших офицеров не служили ни в белой, ни в Красной

армиях. Около 75 тыс. служили в Красной Армии⁴. Далеко не все они были сторонниками советской власти. Большинство попали в Красную Армию по мобилизации⁵. Однако немалое число офицеров видели в советской власти единственную реальную альтернативу царскому режиму и Временному правительству, единственную силу, которая могла бы отвечать их надеждам на предотвращение развала огромной страны, а в создание России вложили свои кровь и пот многие поколения российского офицерства. Одним из важных мотивов службы бывших царских офицеров в Красной Армии было недовольство значительной части политического и военного руководства белым движением, вооруженными силами контрреволюции, которая оказалась в большой зависимости от иностранных государств и давала обещания предоставить последним особые права в России после победы над большевиками и т.п.

В.И. Ленин оценивал роль бывших царских офицеров следующим образом: «Вы слышали о ряде блестящих побед Красной Армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать Армию...»⁶. «И только при помощи их Красная Армия могла одержать те победы, которые она одержала»⁷, — подчеркивал Ленин. Идея привлечения на службу в революционной армии военных специалистов старого режима была характерна для марксистской традиции и восходила еще к Ф.Энгельсу, который в 1851 году писал, что победившему пролетариату необходимо будет привлечь на свою сторону возможно большее количество офицеров⁸.

Дебаты о характере и масштабах привлечения бывших офицеров и генералов к службе в Красной Армии принимали подчас весьма острый политический характер. Так, в марте 1919 года эта тема была одной из ключевых в выступлении на VIII съезде РКП(б) группы делегатов из состава так называемой «военной оппозиции». Один из лидеров «военной оппозиции» (ядро которой образовали «левые коммунисты») В.М. Смирнов утверждал, что военным специалистам нельзя доверять командных постов и давать право единолично решать оперативные вопросы, что их функции должны носить лишь совещательный характер. Он выступал против твердой дисциплины, закрепленной Уставом внутренней службы армии, видя в этом «пережитки самодержавно-крепостнических порядков». «Военная оппози-

ция» ратовала за выборность командного состава, фактическое сохранение партизанского характера вооруженных сил. При этом «военная оппозиция» отстаивала и расширение прав партийных ячеек в армии, предоставление им контроля над всей армейской работой. Против «военной оппозиции» активно выступил В.И. Ленин, которого поддержало большинство съезда. Тем не менее резолюция «военной оппозиции» получила весьма значительное число голосов делегатов — 95; ее противники — 174.

При наличии общего политического и стратегического руководства вооруженной борьбой со стороны Совета народных комиссаров и Реввоенсовета Республики военными делами ведали также главнокомандующий (главком) и начальник Полевого штаба РВСР (Генштаба РККА). На посту главкома в период гражданской войны находились бывшие полковники службы Генерального штаба царской армии И.И. Вацетис и С.С. Каменев, а на посту начальника штаба — бывшие генералы Н.И. Ратталь, Ф.В. Костяев, П.П. Лебедев.

В Красной Армии были хорошо известны бывший подполковник царской армии А.А. Корг, командовавший 6-й армией; бывший войсковой старшина (подполковник) Ф.К. Миронов, командовавший 2-й Конной армией; бывший полковник царской армии А.И. Егоров, командовавший 10-й армией, прославившийся организацией обороны Царицына, затем руководивший войсками Южного фронта, а позднее — Юго-Западного фронта*; бывший полковник Н.Н. Петин — начальник штаба тех же фронтов, ставший в 30-е годы первым начальником инженерных войск Красной Армии; бывший генерал-лейтенант царской армии В.Н. Егорьев, командовавший войсками Юго-Западного, а затем Южного фронтов; бывший полковник Б.М. Шапошников, занимавший пост начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР**; бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер — первый командующий морскими силами Республики; бывший контр-адмирал А.В. Нимитц, командовавший в 1920–1921 годах морскими сила-

* Александр Ильич Егоров в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов Советского Союза. Занимал посты начальника Генерального штаба РККА, заместителя народного комиссара обороны. Уничтожен в результате сталинских репрессий 1937 — 1938 годов.

** В 1940 году Борис Михайлович Шапошников стал Маршалом Советского Союза. Он дважды, в том числе в Великую Отечественную войну, занимал пост начальника Генерального штаба.

ми Республики, и многие другие. Большинство из них были выпускниками Николаевской военной академии Генерального штаба, известной своим высоким уровнем не только военной, но и общеобразовательной подготовки, в том числе по истории, юриспруденции, иностранным языкам. Значительное число военных интеллектуалов царской армии занималось научной и преподавательской работой в Красной Армии.

Когда в 1920 году возникла угроза со стороны Польши, на службе в Красной Армии оказался генерал от кавалерии Алексей Андреевич Брусилов — наиболее известный и популярный генерал царской армии периода первой мировой войны. Свой высокий авторитет и популярность он завоевал удачной операцией возглавлявшегося им Юго-Западного фронта в июне — июле 1916 года (Брусиловский прорыв), поставившей, по некоторым оценкам, Австро-Венгерскую империю на грань полного военного поражения. В мае — июле 1917 года, уже после падения монархии в России, он занимал пост Верховного Главнокомандующего Временного правительства.

В соответствии с Приказом Революционного Военного совета Республики №718 от 2 мая 1920 г. А.А.Брусилов был назначен председателем Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики⁹. Несмотря на столь высокое (формально) положение, у Брусилова, как показывает ставшая доступной только в 1989 году вторая часть его мемуаров, было весьма и весьма неоднозначное отношение к большевистскому руководству Советской России, на службе которого он находился. (После завершения работы Особого совещания Брусилов был в должности инспектора кавалерии РККА, а затем состоял для особых поручений при Реввоенсовете СССР.)

Вот как, например, описывает А.А.Брусилов свою реакцию на предложение заместителя народного комиссара по военным делам, заместителя председателя РВСР Э.М.Склянского обратиться к офицерам белой армии во главе с бароном Врангелем с воззванием остаться в России: «Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс все те, кто предан мне внутри страны и в рядах Красной Армии. Конечно, я поеду на юг с пентаграммой*, а вернусь с крестом и свалю захватчиков или безумцев в лучшем случае».

* Скорее всего, Брусилов имел в виду «красную звезду», ставшую эмблемой Красной Армии.

Далее Брусилов упоминает о том, что «в тот же вечер» он пригласил к себе «нескольких людей, которым вполне верил, но с которыми очень редко виделся, чтобы распределить роли. Мы все обсудили»¹⁰.

Поездка Брусилова на юг России, где заканчивала свое существование под ударами Красной Армии врангелевская армия, не состоялась, но воззвание Брусилова к офицерам этой армии появилось в печати¹¹.

Еще в 1917 году, если судить по воспоминаниям одного из лидеров белого движения генерала Антона Ивановича Деникина, Брусилов рассматривался наряду с генералом Корниловым как кандидат в военные диктаторы. Деникин явно отдавал предпочтение Корнилову (под знамена которого он встал в 1918 г.), считая, что «репутация Брусилова сильно подорвана оппортунизмом»¹².

В рядах командиров Красной Армии ярко выделялась своим военным талантом когорта бывших младших офицеров царской армии, среди которых — бывший поручик М.Н.Тухачевский, бывшие подпоручики К.А.Авксентьевский и И.П.Уборевич, бывшие прапорщики Р.П.Эйдеман, Т.Х.Эйхе, И.Ф.Федько, А.В.Павлов, Г.Д.Гай и др. В целом практически все командующие фронтами (за исключением М.В.Фрунзе) и подавляющее большинство командующих армиями в годы гражданской войны были бывшими генералами и офицерами старой армии. В последующие годы, с середины 20-х и особенно с начала 30-х годов, роль старых военных специалистов всячески начинают принижать. Особенно усердствовал в этом К.Е.Ворошилов. Приуменьшение роли старых военных специалистов оставалось характерным и для советской военной литературы фактически вплоть до конца 80-х годов, хотя в конце 50-х — начале 60-х годов «Военно-исторический журнал», руководимый генералом Н.Г.Павленко, предпринял ряд серьезных попыток объективной оценки их вклада.

Еще одну группу высших и старших командиров Красной Армии времен гражданской войны составляли бывшие унтер-офицеры и рядовые царской армии, выдвинувшиеся благодаря разным обстоятельствам, а также своим природным способностям, огромной энергии. Многие из них проявили себя отличными организаторами и тактиками. Но им, как правило, недоставало и общей, и профессиональной военной культуры. Ее недостаток некоторые из них восполнили в какой-то мере учебой в военных ака-

демиях Красной Армии и самообразованием. В этой группе прежде всего можно отметить командующего Перекопской ударной группой (1920 г.), военного министра и Главнокомандующего Народно-революционной армией Дальневосточной республики В.К.Блюхера*, командира Сводного конного корпуса Б.М.Думенко, командующего 1-й Конной армией С.М.Буденного**, его соратника О.И.Городовикова (некоторое время командовавшего, причем весьма неудачно, 2-й Конной армией), командира 1-го Конного корпуса Д.П.Жлоба, командующего Забайкальской группой Народно-революционной армии Дальневосточной республики Н.Д.Томина, начальника 4-й Кавалерийской дивизии С.К.Тимошенко*** и др.

Реввоенсоветы ограничивали, конечно, свободу рук командующих фронтами и армиями, они активно вмешивались во многие, в том числе и в оперативные, вопросы. Это в корне противоречило традициям, на которых воспитывался офицерский корпус царской армии.

Сложные взаимоотношения с политработниками неоднократно возникали и у тех красных командиров и командующих, которые не были в прошлом офицерами царской армии. Часто командиры и командующие, вышедшие из солдатской, казачьей или крестьянской среды, были заражены, как принято было говорить, «партизанскими настроениями», страстью к автономности, к демонстрации своей ин-

* Василий Константинович Блюхер в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов Советского Союза. В 1937-м принимал участие в процессе над М.Н.Тухачевским. В 1938-м сам стал жертвой сталинских репрессий. Подверглся зверским пыткам, затем был убит.

** Семен Михайлович Буденный также стал одним из пяти первых маршалов Советского Союза в 1935 году. Репрессии его миновали. В 1941—1942 годах занимал посты командующего фронтами и направлениями (группа фронтов). С порученными делами не справился. В результате был назначен командующим кавалерией Красной Армии. После Великой Отечественной войны трижды получал звание Героя Советского Союза. Умер в 1973 году в возрасте 90 лет.

*** Сергей Константинович Тимошенко в 1940 — 1944 годах был народным комиссаром обороны СССР. В 1940-м получил звание Маршала Советского Союза. В Великую Отечественную войну был представителем и членом Ставки Верховного Главнокомандования, командовал фронтами и группой фронтов (направление). Дважды Герой Советского Союза (1940 и 1965 гг.). Умер в 1970 году в возрасте 75 лет.

дивидуальности. Подчас это наносило серьезный ущерб делу, а иногда на этой почве возникали и кровавые драмы (вспомним бунт командарма 11-й армии Сорокина). Такого рода коллизии неоднократно возникали и в белой армии.

Взаимоотношения между командирами и политработниками неоднозначно складывались и в период Великой Отечественной войны. Далеко не все было гладко в этой сфере и в мирное время, после завершения Великой Отечественной войны.

По мнению ряда военных историков, наличие реввоенсоветов и политкомиссаров в Красной Армии во время гражданской войны в целом оправдало себя, учитывая особый характер этой войны. Однако в тот период далеко не всегда прямое вмешательство членов реввоенсоветов в сугубо военные вопросы — стратегические, оперативные и даже тактические — было эффективным и компетентным. Очень часто оно болезненно воспринималось командирами как посягательство на сферу их исключительных полномочий.

Двадцатисемилетний Михаил Николаевич Тухачевский, только что отличившийся, командуя армиями на Восточном, а затем Южном фронтах, откровенно заявил в январе 1920 года о своем неприятии вмешательства политики в военную стратегию. «Вмешательство политики в дела стратегии — чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций Главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять». Весьма критически высказывался Тухачевский и в адрес реввоенсоветов: «Реввоенсоветы, это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела»¹³.

В своем отрицании реввоенсоветов Тухачевский был не одинок и отражал распространенные в армии настроения. Об этом свидетельствует статья, опубликованная под псевдонимом «Альфа» в ведущем в то время печатном органе «Военное дело», в которой автор, опираясь на свой личный опыт работы в реввоенсовете одной из армий фронта, подверг их деятельность резкой критике. «Альфа» указывал прежде всего на то, как члены реввоенсовета, обладающие большими полномочиями, своими распоряжениями нередко запутывали работу командующих¹⁴.

Тухачевский в то же время выступал за единый высший орган по руководству войной для обеспечения опти-

мального взаимодействия между политикой и стратегией: «Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией тогда, когда руководство ими принадлежит одному лицу. У нас роль этого лица должен играть *Совет обороны*»¹⁵.

2. О господстве политики над военной стратегией

В представлении многих наших современников М.Н.Тухачевский — самая крупная фигура из уничтоженных Сталиным советских военачальников. ореол мученика плюс обширное военно-научное наследие сделали этого человека в глазах большинства наиболее значительным и ярким военачальником межвоенного периода. Тухачевский к тому же поражал современников другими своими дарованиями и широким кругозором. Обращалось внимание на то, что Тухачевский, предвидя характер новой мировой войны, настаивал на моторизации армии, был создателем парашютно-десантных войск, инициатором исследований и разработок в области ракетного оружия, одним из разработчиков новых оперативно-стратегических концепций (прежде всего теории «глубокой операции») и т.п. В послесталинский период и вплоть до недавнего времени он был как бы вне критики: статьи журналистов, писателей и даже профессиональных военных историков были полны, как правило, восторженных оценок. Недостаточно исследовались его взгляды, иногда далеко не безупречные, по военно-политическим и стратегическим вопросам, не говоря уже о том, что и вовсе опускалась проявленная им жестокость в подавлении антисоветских выступлений в Кронштадте и на Тамбовщине.

А между тем именно в стратегических вопросах точка зрения Тухачевского представляется интересной и во многом спорной. Она и была дискуссионной в 20-е годы. И как это ни парадоксально на первый взгляд, главным оппонентом М.Н.Тухачевского и его единомышленников — противников «вмешательства политики в дела стратегии» выступил не политкомиссар, не партийный работник, направленный в Красную Армию, а бывший царский генерал, перешедший на сторону советской власти вскоре после Октябрьской революции, — Александр Андреевич Свечин (1878 — 1938).

Взгляды Тухачевского и Свечина оказывались впоследствии различными и по целому ряду других важнейших вопросов — прежде всего относительно характера будущей войны, соотношения между наступлением и обороной, о чем речь пойдет в соответствующих разделах настоящей книги. По некоторым же более частным вопросам, например по вопросу о роли военно-морских сил в обеспечении обороны Советского Союза, их взгляды практически полностью совпадали.

Свечин был в Красной Армии личностью не менее известной, чем Тухачевский. Источником его авторитета стали, однако, не громкие победы в гражданской войне, а глубокие разработки в области военной истории, стратегии и оперативного искусства. Это отнюдь не означало, что Свечин был кабинетным ученым, кем-то вроде крупнейшего американского военно-морского теоретика А.Мэхена.

Окончив в 1903 году Академию Генерального штаба, Свечин принял активное участие в русско-японской войне. Первую мировую войну он начал командиром пехотного полка, познав реальный фронтовой быт, увидев суть войны изнутри такого важнейшего элемента военного организма, каким является полк. Закончил свою службу в царской армии в звании генерал-майора на посту начальника штаба армии.

В августе 1918 года Свечин стал вторым в истории Советской России и Красной Армии начальником Генерального штаба, получившего в то время наименование Всеросглавштаба. Пришел Свечин на этот пост в нелегкий момент — его предшественник, тоже бывший генерал царской армии, перебежал к белым, чем, естественно, вызвал к себе и себе подобным специалистам настороженное отношение.

На посту начальника Всеросглавштаба Свечин находился недолго — до октября 1918 года, после чего он занялся исследовательской и преподавательской работой в Военной академии РККА, ставшей в значительной мере наследницей Николаевской военной академии Генерального штаба.

До нас дошла характеристика на комкора Свечина, подписанная политкомиссаром Военной академии РККА, профессиональным революционером Р.А.Муклевичем*:

* Ромуальд Адамович Муклевич был членом партии большевиков с 1906 года. Участник Февральской и Октябрьской рево-

«Всесторонне образованный военный специалист... Весьма талантливый человек, остроумный пр[о]фессор», Свечин является ценнейшим профессором в Военной академии. Его занятия по стратегии, благодаря неизменной оригинальности замысла, всегда простого и остроумного, являлись в настоящем году одним из больших достижений на старшем курсе (прикладные занятия по стратегии — отчетная работа комкора).

...Парадоксальный по своей натуре, чрезвычайно ядовитый в общечитии, он не упускает случая подпустить шпильку по всякому поводу.

Однако работает чрезвычайно плодотворно»¹⁶.

Формирование А.А.Свечина как военного теоретика и педагога происходило не без влияния еще одного представителя российской школы военного искусства — профессора Николаевской академии Генерального штаба генерала Н.П.Михневича (1849 — 1927). В своих главных трудах «Стратегия» и «Основы русского военного искусства» Михневич развивал идеи гармонизации политики и стратегии, прослеживал взаимосвязь между внешней политикой, военным делом и «организацией государства», то есть его политическим строем и экономическим могуществом. Как истинный патриот России, он подчеркивал, что из всех европейских государств именно она «имеет в условиях своей народнохозяйственной жизни все необходимые данные для победы не только в экономической борьбе, но и в открытой вооруженной борьбе будущего»¹⁷. Заметим, это было написано вскоре после поражения России в русско-японской войне 1904 — 1905 годов, за несколько лет до начала первой мировой войны, и послужило как бы сигналом для поднятия воинского духа и оборонных усилий России. Н.П.Михневич, будучи почти на тридцать лет старше А.А.Свечина, разумно интерпретируя классические положения Клаузевица и на их основе продвигая вперед российскую военную мысль, являлся предтечей «свечинской» школы стратегии, проявившей себя в 20 — 30-е годы, к наследию которой мы обращаемся все чаще и чаще.

люций. В гражданскую войну — комиссар штаба Западного фронта, член Реввоенсовета фронта. В 1926 — 1931 годах был начальником Военно-Морских Сил СССР. Проявил себя как видный теоретик строительства Военно-Морского Флота СССР. Выступал за развитие сравнительно недорогого оборонительного флота, призванного прежде всего обеспечивать безопасность берегов страны. Уничтожен Сталиным в 1938 году.

Минуло всего два года после гражданской войны, как увидела свет первая фундаментальная работа А.А.Свечина в 3-х томах «История военного искусства». Этот труд до сих пор во многом остается непревзойденным не только в советской, но и, возможно, в мировой научной литературе на эту тему.

Мысль о примате политики по отношению к стратегии Свечин развил и углубил в своем главном труде — «Стратегия», вышедшем двумя изданиями в 1926 и 1927 годах. Здесь он весьма категорично заявил о праве политики вмешиваться в стратегию, в операции, то есть, по существу, его позиция была противоположной позиции Тухачевского.

Однако прямым объектом своей критики Свечин избрал не самого Тухачевского, а французского теоретика Леваля и немцев — Мольтке-старшего, Людендорфа и Гинденбурга, придерживавшихся аналогичных взглядов.

По Левалю, писал Свечин, войну следует рассматривать изолированно, как гигантскую дуэль двух наций. Правители должны специализироваться в политике, генералы — в стратегии. Политика имеет отношение к войне лишь постольку, поскольку она определяет в мирное время размер жертв, приносимых народом для организации вооруженных сил. Во время войны политика продолжает свою работу, но не затрагивая военных замыслов. Обсуждение вопросов стратегии с политиками, по Левалю, ведет к анемии, утрате воли и энергии. Политика — это опиум для стратегии; она ведет к бессилию. Политика нанизывает заблуждения, ошибки, уклонения, подрывает решимость, сбивает с пути, заставляет нервничать. Политик, понимающий что-нибудь в военном деле, — это химера. Нельзя отвлекать полководца вопросами политики от его прямых занятий¹⁸.

Взглядам этой группы военных теоретиков А.А.Свечин противопоставляет воззрения Бисмарка, отстаивавшего право политики на вмешательство в стратегию. «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер... Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики», — писал в 1927 году А.А.Свечин. «Политическое безголовье» Германии в начале XX в., по небезосновательному мнению

А.А.Свечина, отчасти характеризовалось «эмансипацией германской стратегии от политических директив»¹⁹.

Многочисленные ссылки А.А.Свечина, равно как и других военных теоретиков того времени, преимущественно на немецких авторов и опыт Германии не случайны.

В мировой истории едва ли найдется какое-либо государство, которое могло бы сравниться с Пруссией — Германией по отлаженности, эффективности военной машины, сохранявшейся (и воссоздававшейся) на протяжении жизни нескольких поколений — со второй половины XIX до середины 40-х годов XX в. Силу этой машины пришлось испытать на себе России, а затем Советскому Союзу в двух мировых войнах. Наряду с более ранним опытом взаимодействия России и Германии как непосредственно в военно-политической сфере, так и в культуре и политике в целом, это во многом определяет то внимание, с которым традиционно относятся в нашей стране к германской военной мысли*.

Создание впечатляющей военной машины в Германии — следствие деятельности германской политической элиты, экономических возможностей, социокультурных традиций значительной части населения, геополитического положения страны. Однако, будучи производной от политики и экономики, военная машина неоднократно вступала в более сложные, чем простое подчинение, взаимоотношения с политикой. Было бы преувеличением считать, что германская военная машина полностью подминала под себя политику. Однако она часто оказывала значительно большее воздействие на политику, чем это имело место в других государствах Европы, что в конечном счете дорого обходилось германскому народу.

Между тем именно Германия произвела на свет крупнейшего военного мыслителя, давшего классические формулировки взаимосвязи между политикой и войной, — Карла фон Клаузевица (1780 — 1831). Наиболее известная формула Клаузевица, зафиксированная в его предисловии к труду «О войне», гласит: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»²⁰.

* Немцев было немало на военной службе еще у русского царя Ивана IV Грозного в XVI веке, но особенно много их было принято на службу в русскую армию Петром Великим — наряду с шотландцами, австрийцами, голландцами и другими западноевропейцами.

Развивая и углубляя эту ставшую хрестоматийной формулу, Клаузевиц в своей книге писал, что «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»²¹. Говоря об особенностях войны, военных средств политики, он отмечал: «То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами. Это требование отнюдь не является незначительным, но, сколько бы сильно ни сказывалось его влияние на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же — только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели»²².

Клаузевиц вновь и вновь подчеркивал, что ни при каких условиях не должно мыслить «войну как нечто самостоятельное»; но необходимо ее «рассматривать как орудие политики». Именно такой подход позволил Клаузевицу различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются»²³.

В.И. Ленин развивал и дополнял положения Клаузевица собственными идеями, прежде всего применительно к социологическому анализу войны. «...Для марксистов, — писал он, — война есть продолжение политики, которую вели определенные правительства, представляющие определенные классы»²⁴. К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивал он, каждую войну рассматривали как продолжение политики определенных, заинтересованных государств и различных классов внутри них в конкретный исторический период: «С точки зрения марксизма, т.е. современного научного социализма, основной вопрос при обсуждении социалистами того, как следует оценивать войну и как следует относиться к ней, состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась»²⁵.

Советские ученые в 80-е годы, опираясь на работы В.И. Ленина, приходили к выводам о нескольких видах взаимосвязи между политикой и вооруженной борьбой²⁶. Эти выводы и стали своего рода концептуальной основой выросшего на базе марксизма и официально утверждаемого в бывшем Союзе так называемого «ленинского учения о войне и армии» (по существу, военной ветви марксистской философии).

Речь идет, во-первых, о **причинно-следственной связи** между войной и политикой. Войны начинаются тогда, когда агрессивная политика в той или иной форме требует военного конфликта, а противодействующие политические силы не могут его предотвратить.

Во-вторых, о сущностной **связи**, то есть об определении социального характера, исторического смысла войны в зависимости от политики.

В-третьих, о так называемой **«управленческой» связи**: политика руководит как самой войной, так и всей жизнью страны, мобилизуя все силы на достижение победы. Характер политической цели имеет решающее влияние для ведения войны. Центральным звеном здесь является определяющая роль политического руководства по отношению к военной стратегии.

Именно вопрос об «управленческой» связи между политикой и войной, политикой и военной стратегией весьма остро стоял при разработке советской военной доктрины и стратегии в 20-е годы.

Обращение к опыту европейской военно-политической мысли, как отмечалось выше, неизбежно приводило к трудам германских военных авторов. Многим военным деятелям разных стран и разной социально-классовой принадлежности импонировали взгляды Г.Мольтке-старшего на «управленческое» взаимодействие между политикой и военным делом, квинтэссенция которых была изложена им в «Военных поучениях фельдмаршала графа Мольтке». Фактически, как уже говорилось выше, подобных взглядов придерживались в период гражданской войны М.Н.Тухачевский и ряд группировавшихся вокруг него командиров Красной Армии.

Признавая в общих чертах положения Клаузевица, Мольтке писал: «Итак, политика, к сожалению, неотделима от стратегии». Однако сфера вмешательства политики в стратегию, по Мольтке, суживалась: «...политика используется войною для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее **начало и конец** (выделено мной. — А.К.)». Правда, при этом Мольтке признавал за политикой право «во все время войны повысит свои требования или довольствоваться меньшим успехом».

По Мольтке, «политика не должна вмешиваться в операции». Как подчеркивал фельдмаршал, «для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения,

политические же — лишь поскольку они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех на войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается — это исключительно ее дело²⁷. Делая такое заключение, Г. Мольтке был, по-видимому, далеко не искренен. Достаточно вспомнить его конфликты с Бисмарком по поводу того, как воспользоваться результатами побед немецкой армии в австро-прусской войне 1866 года и во франко-прусской войне 1870 — 1871 годов²⁸.

Нельзя не отметить, что в первое советское издание книги «Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке» (выпущенной под названием «Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению» в 1938 г.) главы «Война и мир» и «Война и политика», в которых он развивал соответствующие взгляды, не были включены. В предисловии же к этому изданию взгляды Мольтке подвергаются резкой критике: «...Взгляды Мольтке на войну и на связь между войной и политикой вдохновляли германскую военщину, что сказалось, в частности, на методах работы начальника генерального штаба фон Шлиффена перед империалистической войной». От Мольтке проводилась линия к Людендорфу, а от Людендорфа — к руководителям нацистской Германии: «В дальнейшем взгляды Мольтке получили новое выражение в требовании германской военщины, чтобы «вся политика служила войне» (Людендорф. Ведение войны и политики. — Берлин, 1922). Отсюда еще шаг к фашистскому истолкованию лозунга «тотальной войны», где стержнем и основой «политики» являются подготовка к ведению грабительской войны за новый передел мира и создание режима жесточайшего террора к народу»²⁹.

Несколько иначе рассуждал А.А.Свечин. Подчеркивая примат политики над военной стратегией, право высшего государственного руководства вмешиваться в решение оперативно-стратегических вопросов, он неоднократно повторял, что и политические решения должны соотноситься со стратегией, с военными возможностями, что политик должен внимательнейшим образом прислушиваться к мнению военных профессионалов, знать, как работает военная машина, каков военно-мобилизационный механизм государства. «Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией... Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах и как политика может повлиять

на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств»³⁰.

Свечин также настаивал на том, что изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операцией, должен отдавать себе ясный отчет в основных пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. «Стратегия — это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления»³¹.

Свечин также отмечал: «Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления». Углубляясь в анализ институционных аспектов взаимоотношений между политикой и стратегией, Свечин обращал особое внимание на роль генеральных штабов, которые внесли «в подготовку к войне тот дух планомерного распорядка, который составляет завоевание буржуазного мышления». По его словам, «в эпоху империализма... генеральный штаб должен оценивать всю мировую жизнь под особым углом зрения — плана войны». Если же «равновесие между генеральным штабом и политическим руководством нарушится, появляется угроза миру. Генеральный штаб со своей точки зрения всегда будет склонен к идее превентивной войны... к объявлению войны в тот момент, когда мы имеем максимальные преимущества в подготовке перед конкурирующим с нами государством, преимущества, которые вследствие энергичной его работы могут в ближайшие годы сойти на нет или даже измениться в обратную сторону (переворужение, военная реформа и т.д.)». Однако Свечин выступал и против «обращения политики в прислужницу стратегии»³².

Полемизируя с некоторыми зарубежными и советскими авторами, А.А.Свечин отмечал, что «ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные пло-

ды, как и в любой другой области». При этом он справедливо подчеркивал: «...нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом признать за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах»³³.

3. У истоков «единой военной доктрины»

В оформлении интегрирующей формулы взаимодействия между политикой и военной стратегией как в целом, так и в его «управленческом» аспекте едва ли не главную роль сыграла дискуссия о «единой военной доктрине» Красной Армии, проходившая с перерывами в 1920 — 1923 годах.

У ряда участников этой дискуссии были свежи в памяти попытки добиться разработки и принятия на вооружение царской армией «единой военной доктрины» еще перед началом первой мировой войны³⁴. Некоторые из них сами принимали в ней участие, а после Октябрьской революции стали известными теоретиками Красной Армии, в частности А.А.Незнамов и А.Зайончковский.

Тогда, например, генерал В.Е.Борисов предлагал в качестве основы для «единой военной доктрины» внедрить в русской армии суворовскую «Науку побеждать» применительно к новым историческим условиям*. Сердцевиной военной доктрины русской армии должна была стать смелая наступательная стратегия и тактика, соответствующая, по мнению генерала, духу русского солдата и призванная обеспечить победу России в будущей войне. В.Е.Борисов делил доктрину на две части — оперативную («взгляды») и воспитательную («уставы»). Сторонниками «единой военной доктрины» были также генералы А.Г.Елчанинов и А.А.Незнамов. Последний, будучи профессором Николаевской военной академии Генерального штаба, ратовал за создание такой военной доктрины, которая бы учитывала и предус-

* Автор тактического поучения «Наука побеждать» генералиссимус Александр Васильевич Суворов, граф Рымникский, князь Италийский (1730 — 1800) по праву считается одним из крупнейших русских полководцев. Он одержал выдающиеся победы в войнах Екатерины Великой с Турцией, а затем, в весьма преклонном возрасте, — с революционной Францией, нанеся в Северной Италии во главе русско-австрийской армии поражения таким незаурядным генералам, как Жубер, Макдональд, Моро. Суворов участвовал также в подавлении восстания польских конфедератов и восстания под предводительством Емельяна Пугачева.

матривала широкую подготовку государства, армии, народа к конкретной предстоящей войне³⁵.

Но в царской армии было немало и противников оформления «единой военной доктрины». Это — А.Зайончковский, Е.Кривцов, К.Адариди, Ф.Огородников и др. Они считали, что такая доктрина будет сковывать мышление и инициативу военачальников³⁶.

Целый ряд положений, которые можно назвать элементами доктрины, были отражены в «Уставе полевой службы» (1912 г.) и в положении «О полевом управлении войсками». Опубликование «Устава полевой службы» дало повод официальным кругам к изданию в 1912 году специального указа, запрещающего всякие дискуссии о военной доктрине. Основой указа было распоряжение императора Николая II начальнику Военной академии Генерального штаба, начальнику Генерального штаба и редактору «Русского инвалида» — основного в то время органа военной мысли. Генералу Янушкевичу, начальнику академии, он говорил: «Военная доктрина состоит в том, чтобы исполнять все то, что я прикажу. Прошу Вас передать Незнамову, чтобы он больше с этим вопросом не выступал в печати. Об этом я передам и "Русскому инвалиду"»³⁷.

Первый импульс дискуссии о военной доктрине Красной Армии дал опять же А.А.Свечин, сделавший доклад «Военная доктрина», опубликованный затем во втором номере журнала «Военное дело» за 1920 год. К сожалению, полного текста этого выступления Свечина не обнаружено, поэтому в данном исследовании пришлось пользоваться пересказом этого доклада в статьях его коллег*.

Наиболее заслуживающие внимания выступления по вопросу о том, что же должно быть содержанием военной доктрины, на какой опыт и традиции она призвана опираться, принадлежали А.Незнамову, И.Вацетису и И.Уборевичу.

А.Незнамов, в частности, предлагал такое толкование военной доктрины, изложенное им в журнале «Военное дело»:

«1. Как *взгляд на войну* данного общества и правительства, еще лучше всего народа, если он для этого до-

* После репрессий 1937 — 1938 годов в отношении командного состава РККА почти все, что связывалось с именем репрессированных, из библиотек изымалось и уничтожалось. Многие материалы, использованные в данной работе, получены из частных библиотек, где они хранились не без риска для владельцев.

зрел. Соответственно этому взгляду будут и внешняя политика вестись, и строиться вооруженные силы (до экономики и воспитания детей включ.).

2. Как *современные* чисто военные взгляды на эксплуатацию вооруженной силы на войне: то, что у немцев мы видели в их «Основных указаниях старшим войсковым начальникам» или у французов в «Reglement sur la conduite des grandes unites» и

3. Как вывод из обеих первых — (а) *полевой устав* армии, т.е. современный военный катехизис для второстепенных начальников, и (б) *прочие уставы* — общий символ веры для массы армии»³⁸.

Фактически Незнамов предлагал объединить в рамках военной доктрины в единую систему взгляды как на вопросы высшего военно-политического уровня, так и на вопросы оперативно-стратегического и тактического уровня.

Уборевич высказал свое несогласие с такой трактовкой понятия «военная доктрина». По его мнению, «такое определение представляется слишком широким, так как захватывает области, не имеющие прямого отношения к доктрине». В буквальном понимании, считал Уборевич, «доктрина есть учение, военная доктрина — военное учение; но это определение слишком общее, а более частное состоит в том, что военная доктрина есть то или иное понимание интеллектуальными силами данного военного мира сущности явлений войны и образа действий войск при различных их положениях»³⁹.

И.Вацетис в своей статье, опубликованной в журнале «Красная Армия», фактически уклонился от рассмотрения вопросов высшего военно-политического, а также и стратегического уровня. Основное внимание он уделил необходимости выработки единых тактических взглядов с упором на возрастающую роль новых технических средств ведения войны, подвергнув резкой критике традиции «доктрины холодного оружия», ставки на штыковую атаку пехоты и атаку конницы с «шашками наголо», имевшие место в России накануне первой мировой войны и принешие стране дополнительные огромные потери⁴⁰. Можно считать, что трактовка И.Вацетиса понятия «военная доктрина» ближе к тому, что в современных условиях принято на Западе, в том числе в США.

В дискуссии по военной доктрине Красной Армии не смогли принять участие многие командиры и политработ-

ники Красной Армии, находившиеся в то время на фронтах гражданской войны. Поэтому после завершения гражданской войны дискуссия вспыхнула вновь. Наиболее важными на этом этапе были выступления Михаила Васильевича Фрунзе, занимавшего в то время пост Главнокомандующего силами Украины и Крыма.

М.В.Фрунзе* — пример гражданского человека, профессионального революционера, ставшего крупным военачальником и военным теоретиком. Его называли «советским Клаузевицем», но в этом было некоторое преувеличение⁴¹, хотя масштабы и глубина его военно-теоретической деятельности весьма значительны.

Он попытался впервые очертить круг «общих идей и вытекающих из них практических задач», который и должен был составить понятие «единой военной доктрины». Фрунзе исходил из того, что военный аппарат, руководствуясь общегосударственной линией, создает прочное единство всех вооруженных сил на основе общности взглядов на характер военных задач и способы их выполнения. Он отмечал, что в военной доктрине прежде всего должен быть указан характер боевых столкновений — пассивная оборона или активные наступательные действия.

Суммируя взгляды различных военных авторов, М.В.Фрунзе выделяет две группы компонентов, которые должны, по его мнению, составлять военную доктрину: 1) техническую и 2) политическую группы. Техническую группу составляет все, что касается организационных основ Красной Армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же группе «относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач»⁴².

* М.В.Фрунзе родился в 1885 году в семье военного фельдшера. Учился в Петербургском политехническом институте. За революционную деятельность дважды приговаривался к смертной казни, оба раза замененной пожизненной ссылкой, откуда бежал. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Успешно провел ряд наступательных операций, командуя Южной группой Восточного фронта, а затем и всем Восточным фронтом в 1919 году против войск адмирала Колчака. Позже успешно командовал Туркестанским фронтом. В наибольшей степени прославился, командуя Южным фронтом, довершившим разгром белой армии под командованием барона Врангеля.

Фрунзе обладал богатой эрудицией в области истории, в первую очередь истории военного дела. Весьма интересен его анализ опыта зарубежных государств в разработке «единой военной доктрины». О кайзеровской Германии он писал: «Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощным военным аппаратом, стройной системой организации вооруженных сил и совершенно определенной военной идеологией, единой для руководящих элементов как армии, так и всей страны»⁴³. Фрунзе отмечал, что «основной чертой германской военной доктрины в ее технической части (т.е. чисто военной) является чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух... Воспитание и обучение всех войск шло в духе наступательной тактики и в конечном итоге подготовило такую совершенную по своей структуре и подготовке военную силу, которая после, на полях гигантских сражений империалистической войны, выявила в полной мере свои выдающиеся боевые качества»⁴⁴. Исключительно высоко М.В.Фрунзе оценивал германский Большой генеральный штаб, именуя его мощным и высокоавторитетным органом*.

Отвечая на вопрос о том, что было причиной высокого уровня военного дела в Германской империи накануне империалистической войны, М.В.Фрунзе писал: «Это было мощное экономически и политически капиталистическое государство с ярко выраженной империалистической окраской, государство, проводившее откровенно хищническую политику и, опираясь на свои материальные и культурные силы, стремившееся к мировой гегемонии. Наличие крупных конкурентов в лице других империалистических стран (Франция, Англия, Россия и др.), исторически ранее создавших го-

* Германская военная доктрина, военная стратегия, германское военное искусство в целом в 20-е годы высоко оценивались и другими советскими военными деятелями. Весьма примечательно в этом отношении сказанное в редакционном предисловии к книге молодого, но уже известного советского военного теоретика Г.Иссерсона, посвященной разгрому 2-й русской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 году: «Превосходство немецкой стратегической мысли сказалось не только в восточнопрусской операции, но и в продолжении всей империалистической войны 1914 — 1918 годов. Внимательное изучение действий нашего бывшего противника может служить средством воспитания в командном составе высоких качеств стратега, дерзновения и воли к победе, точности и ясности в оперативной работе». (Иссерсон Г. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). — М., Госвоениздат, 1926. — С.3.)

сударственно-национальные объединения и успевших захватить лучшие куски общемировой добычи, заставляет империалистическую Германию напрячь все свои силы в борьбе за мировое положение...»⁴⁵.

Иначе оценивал М.В.Фрунзе военную машину и военную доктрину Франции: «Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюренна и кончая Наполеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой, наступательной стратегии и тактики, военная доктрина армии Третьей республики уступала германской»⁴⁶.

Высокая, но в то же время критически выверенная оценка германской военной машины и военного искусства в первую мировую войну принадлежит А.А.Свечину. Он тонко и проницательно подметил многие ее недостатки, что дало ему полное основание сказать: «Немецкое военное командование было талантливое, быть может, оно было только на дюйм ниже того роста, который был необходим для победы, но этот недостающий дюйм — как раз тот, который отличает гения от простого смертного»⁴⁷.

Этот вывод А.А.Свечина оказался вполне применимым и к германскому военному командованию периода второй мировой войны, в ходе которой оно задумало и осуществило целый ряд весьма успешных и даже блестящих операций, но в целом ряде решающих моментов не оказалось на должной высоте.

Уважительное (а иногда и восхищенное, с оттенком зависти) отношение многих командиров Красной Армии к достижениям Германии в военной области в значительной мере обеспечило возможность взаимодействия между РККА и рейхсвером Веймарской республики в конце 20-х — начале 30-х годов. Это был период, когда СССР и Германия, будучи существенно ущемленными Версальским мирным договором, сблизились по целому ряду политических и военных вопросов.

На советской территории возникали немецкие центры, в которых происходила подготовка офицеров (немцы, согласно условиям Версальского мира, не имели права этого делать в Германии). Были на советской территории также танковые и авиационные центры. Как вспоминал Маршал Советского Союза А.М.Василевский, занимавший в годы Великой Отечественной войны пост начальника Генерального штаба, на маневрах 1932 года, где командование Красной Армии показало достоинства крупных (по тем време-

нам) механизированных соединений — танковых бригад, присутствовали военные атташе целого ряда армий, в том числе германский представитель. Но если представителям других стран раскрыли лишь часть реальной картины, то с немцами были более откровенны, но делали это тайно. Присутствовавший на маневрах фон Браухич, впоследствии генерал-фельдмаршал и один из гитлеровских командующих группами армий при вторжении в СССР в 1941 году, сделал тогда комплимент РККА, заявив, что все, что он наблюдал в СССР, делается «в лучших традициях немецкой военной школы». Судя по всему, многими этот комплимент был воспринят не без удовольствия⁴⁸.

После прихода в 1933 году к власти Гитлера отношения СССР с Германией резко изменились. Немецкие военные учебные центры на территории СССР были ликвидированы, стали пересматриваться и оперативные планы. Многие же участники былых контактов встретились потом как непримиримые противники на полях сражений Великой Отечественной войны...

Но вернемся к вопросу о военной доктрине.

В 1922 году М.В.Фрунзе предложил следующую формулировку «единой военной доктрины», признанную впоследствии в СССР классической: «"Единая военная доктрина" есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны»⁴⁹.

Несмотря на высокий военный и политический авторитет М.В.Фрунзе, «единая военная доктрина» Красной Армии была принята далеко не сразу. Более того, на каком-то этапе ее едва не отвергли.

В апреле 1922 года на XI съезде РКП(б) состоялось совещание военных делегатов съезда, продолжавшееся три дня. На совещании обсуждались 15 тезисов, принятых по предложению М.В.Фрунзе съездом командного состава Украины и Крыма. Фактически в этих тезисах речь шла о той же «единой военной доктрине», но авторы предпочли использовать термин «единое военное мировоззрение». Однако стоявшие у истоков «единой военной доктрины» генералы А.А.Свечин, А.А.Незнамов и ряд других на этом

совещании не присутствовали: они не были не только делегатами съезда, но и членами партии.

В чем же заключалось содержание этого «единого военного мировоззрения» в соответствии с рекомендациями Фрунзе? Речь шла о необходимости идеологической подготовки армии к войне с буржуазными государствами: «Факт глубокого, принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром — с другой, делает неизбежным столкновения и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим задачей политического воспитания Красной Армии является поддержание и укрепление ее в постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом»⁵⁰.

Выступал на этом совещании и М.Н.Тухачевский, солидаризируясь во многом с М.В.Фрунзе: «...если мы останемся на чистке сапог и метении полов, то всех задач мы не выполним, так как наши задачи шире, чем тактика мелких единиц, — есть еще и стратегия»⁵¹.

В этом выступлении М.Н.Тухачевский не повторял своих прежних мыслей об автономии стратега от политики, не высказывался критически в адрес реввоенсоветов, что уже было небезопасным. И в последующем он отошел от точки зрения, которой придерживался в январе 1920 года, стал высказывать более взвешенные оценки соотношения политики и стратегии. Так, он писал: «Война есть продолжение политики, но другими средствами. Однако это положение не означает, что политика прекращается во время войны». Более того, в отличие от Мольтке и Людендорфа Тухачевский признавал, что «дипломатия не прекращает своей деятельности после объявления войны»⁵². При этом Тухачевский подчеркивал, что война является «наиболее решительным и могущественным средством политики»; поэтому он выступал за всемерное повышение уровня организационной подготовки к войне, без чего даже сильная экономика не обеспечивает должного успеха. «...Английский империализм задавил германский, но эта победа была для него хуже пирровой. Германия выдержала гораздо большее напряжение, чем Англия и Франция, но, благодаря исключительно высокой боевой подготовке армии и сравнительно большей подготовке страны, это напряжение обошлось сравнительно легче германской буржуазии, и ныне Германия экономически растет быстрее и успешнее своих победителей...»⁵³.

Однако горячие и бескомпромиссные выступления Тухачевского против вмешательства политики в дела стратегии в начале 20-х годов не были забыты теми, кто впоследствии организовал и разыграл «дело», закончившееся уничтожением командарма в 1937 году.

В выступлении на совещании народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета страны Л.Д.Троцкого прозвучала весьма резкая критика в адрес М.В.Фрунзе и его единомышленников⁵⁴ (среди которых были крупные политработники С.И.Гусев и К.Е.Ворошилов). Троцкий обвинил авторов тезисов в «схоластике и утопии». Он различал историю войн и теорию войны, считая последнюю практическим руководством.

«При помощи марксистского метода, — говорил Троцкий, — можно облегчить себе в высокой мере общественно-политическую и международную ориентировку... Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав. Ошибка здесь в том, что под военной доктриной или, еще хуже, под «единым военным мировоззрением» понимают и общую нашу государственную ориентировку, международную и внутреннюю, и военные практические приемы, уставные правила и предписания, — и все это хотят как бы заново построить при помощи марксистского метода. Но наша государственная ориентировка давно строилась и строится марксистским методом, и строить ее заново из недр военного ведомства нет никакой надобности»⁵⁵.

Необходимо отметить, что по форме такой взгляд не вступал в противоречие с объективной природой первенства политики над стратегией и политичности последней как высшей сферы военного искусства. Вполне резонен был и сарказм по поводу изобретения «марксистского велосипеда» в военной науке и практике. Однако, по сути, и военные чутко уловили эту опасность, проводилась граница дозволенного для военной мысли по принципу «кесарю — кесарево», то есть партия, ее философия даст «реалистическую ориентировку» военным, а они должны заниматься своим делом. Абсолютизация роли политики и политиков, превращающая командира стратегического звена в военного ремесленника, дорого обошлась нам позже: накануне и в первый год Великой Отечественной войны в особенности.

В таком же духе Троцкий выступил и на самом съезде: «Я думаю и теперь, что единая военная доктрина, новейшие способы ведения войны, все дебаты на эту тему — все

это дело второстепенное. Гораздо, во много раз важнее — и во много раз труднее — сделать так, чтобы у красноармейца *не было ни одной вши*. Вот непосредственная, ближайшая доктрина». Далее Троцкий сформулировал главную задачу РККА на ближайший период: «Это — подготовка, выработка того кадра младших командиров, которые в старой армии назывались унтер-офицерами, а у нас — командирами отделений... И если у меня спросят, на что ориентируется сейчас Красная Армия, я отвечу: *на подготовку знающего, умелого, обладающего практическим навыком рабоче-крестьянского отделенного командира*. Такова первая задача Красной Армии и Коммунистической партии на предстоящее время»⁵⁶.

И в последующие годы Троцкий критически выступал в отношении «единой военной доктрины». В частности, на праздновании 4-й годовщины Красной Армии 18 февраля 1922 г. он говорил: «Если мне приходилось выступать против самообольщения словом «новая военная доктрина», «единая военная доктрина», то это, конечно, не значит, что я боюсь, товарищи, действительно нового слова в военном деле... но я пуще всего боюсь, чтобы из этого не выросло верхоглядства, которое успокаивает, усыпляет звонкими словами и позволяет людям не учиться только потому, что им кто-то обещал вынуть из жилета военную доктрину... новое откровение, всеспасающую новую доктрину»⁵⁷.

Критика Троцким концепции «единой военной доктрины» была тут же поддержана целым рядом теоретиков, группировавшихся преимущественно вокруг журнала «Военный вестник». Подчас их выступления носили характер подхалимажа. В частности, выступление Д.Петровского по поводу совещания военных делегатов XI съезда РКП(б)⁵⁸.

Дебаты в «Военном вестнике» показали, что в то время не было единогласия не только в вопросе о содержании «единой военной доктрины», но и в вопросе о ее необходимости для Красной Армии. Прошло несколько лет, прежде чем взгляды М.В.Фрунзе утвердились в качестве основополагающих. Об этом свидетельствует, в частности, следующее: в первом издании «Большой советской энциклопедии» (1928 г.) содержится определение, данное Фрунзе⁵⁹ понятию «военная доктрина».

К этому времени Л.Д.Троцкий уже перестал быть наркомвоенмором и утратил пост Председателя Реввоенсовета Республики в результате поражения в острейшей полити-

ческой борьбе со Сталиным, Зиновьевым и Каменевым. В 1924 году его на этих постах сменил М.В.Фрунзе.

За время своего пребывания на высших военно-политических постах Советского Союза Фрунзе вложил много сил в проведение военной реформы, последствия которой сказались на всем ходе предвоенного и даже послевоенного строительства Вооруженных Сил⁶⁰. По своим масштабам и глубине она мало чем уступала знаменитым милютинским реформам царской армии, проведенным в 60 — 70-е годы XVIII века⁶¹, не говоря уже о реформе военно-морского флота России, проводившейся великим князем Константином Николаевичем в это же время⁶².

Главой военного ведомства после смерти Фрунзе* стал Клемент Ефремович Ворошилов**.

* В 1925 году М.В.Фрунзе умер на операционном столе. Получила распространение версия, согласно которой таким образом он был устранен Сталиным.

** К.Е.Ворошилов родился в бедной семье. До 12 лет оставался неграмотным. Учиться в школе ему довелось всего две зимы. Но он много занимался самообразованием, жадно читал марксистскую литературу, чтением восполнял пробелы в знаниях. Во время Февральской и Октябрьской революций 1917 года выполнял поручения руководства большевистской партии. (В то время ему было 36 лет.) Так, в феврале 1917 года благодаря тесной связи с солдатами ему удалось поднять на восстание Измайловский гвардейский полк (см. Хорев А. Нарком Ворошилов // Красная звезда. — 1989. — 14 янв.). В ходе гражданской войны командовал 5-й Украинской армией, Украинской группой войск, 10-й и 14-й армиями. После этого К.Е.Ворошилов оказывается на посту всего лишь начальника 61-й стрелковой дивизии, затем некоторое время возглавляет группу войск в составе 61-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизий.

Ряд источников указывает на то, что Ворошилов не справился с командованием соединениями. В то же время он прославился личной храбростью, что снискало ему немалую популярность среди рядовых бойцов Красной Армии.

Новое восхождение Ворошилова начинается в ноябре 1919 г., когда он стал членом Реввоенсовета 1-й Конной армии, где заслужил свою первую боевую награду — орден Красного Знамени. К концу своей долгой жизни (Ворошилов скончался в 1969 г.) он имел две Золотые Звезды Героя Советского Союза (полученные в мирное время — в 1956 и в 1968 гг.), Золотую Звезду Героя Социалистического Труда (1960 г.), восемь орденов Ленина, орден Суворова I степени.

Позже К.Е.Ворошилов занимал самые высокие посты в государстве — был заместителем председателя Совета Министров СССР (1946 — 1953 гг.) и Председателем Президиума Верховного

Назначение Ворошилова на пост наркомвоенмора сопровождалось многими перемещениями в высшем и старшем военном составе Красной Армии. Ряд историков высказывают небезосновательное предположение, что цель этих перемещений состояла в том, чтобы нарушить, по крайней мере на время, сложившиеся связи, тем самым усложняя сопротивление командиров РККА новому руководству военного ведомства.

Вмешательство же политических руководителей в те сферы, которые должны быть доверены компетентным военным профессионалам, во второй половине 20-х годов становится все более и более доминирующей тенденцией. Стремление дать руководящие политические и идеологические указания по всем практическим вопросам жизни и деятельности государства со стороны партийного аппарата, возведенных в ранг вождей государственных и партийных лидеров на долгие годы становится едва ли не нормой общественно-политических отношений в СССР.

В 1929 году к 50-летию юбилею Сталина Ворошилов публикует работу «Сталин и Красная Армия», которая одна из первых фальсифицировала историю гражданской войны и Красной Армии, способствовала формированию командно-установочных, с одной стороны, и униженно-подчиненных — с другой, отношений между государственным (политическим) руководством и военным командованием, между политикой и военной стратегией. Отметим, что в это время из советской историографии рьяно вычеркивалась реальная оценка военной и политической роли в революции и гражданской войне находящегося в то время в изгнании Л.Д.Троцкого. Но весь парадокс состоял в том, что «антитроцкист» Ворошилов в проводимой им линии на абсолютизацию политики и идеологии в руководстве

Совета СССР (1953 — 1960 гг.). С 1921 по 1961 год (т.е. 40 лет!) был членом Центрального Комитета КПСС, затем снова вошел в его состав в 1966 году и оставался там вплоть до своей смерти. На протяжении 34 лет (1926 — 1960 гг.) Ворошилов был членом Политбюро (Президиума) Центрального Комитета КПСС.

Ворошилов был одним из первых деятелей партии и правительства, кто начал превозносить заслуги Сталина в гражданской войне. Тем самым он внес изрядную лепту в создание культа личности Сталина, в оформление его диктатуры и в конечном счете в формирование в СССР жесточайшего репрессивного режима. Его вина в уничтожении высшего эшелона командных кадров армии и флота в годы сталинских репрессий не может искупиться никакими личными заслугами.

военным делом мало чем отличался от своего предшественника.

М.Н.Тухачевский в результате перетасовки военных руководящих кадров занял один из высших военных постов — начальника штаба РККА, продолжал свои военно-теоретические изыскания. Он разрабатывал вопросы взаимоотношений между политикой и военной стратегией. Помня, видимо, о судьбе «единой военной доктрины», о резкой критике, которой подверглись ее сторонники, он предложил другой термин для понятия, которое интегрировало бы политику и военную стратегию, — «полюмоstrатeгия». Последняя рассматривалась Тухачевским и некоторыми его последователями как основа для разработки нового учения о войне — о ее сущности, методах и способах подготовки, о путях наиболее целесообразного использования сил и средств страны для победы⁶³. Тухачевский исходил из того, что Верховное командование, руководящее войной в целом, не может опираться только на военную стратегию, «чистую стратегию» старого типа, поэтому возникает потребность в какой-то новой, высшей стратегии.

Идея создания «полюмоstrатeгии», однако, не нашла сколько-нибудь широкой поддержки. Некоторые критики в попытке Тухачевского конструировать «полюмоstrатeгию» усматривали стремление не столько подчинить стратегию политике, сколько «подтянуть» политику к стратегии.

4. Концепция «интегрального полководца»

А.А.Свечин, наиболее подробно разработавший вопросы взаимосвязи не только между политикой и военной стратегией, но и в триаде «политика — стратегия — оперативное искусство», выдвинул концепцию «интегрального полководца». Он считал, что «войну ведет верховная власть государства», ибо «слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы можно было доверить его какому-либо агенту исполнительной власти».

«Наши представления о руководстве, — продолжал Свечин, — извращаются термином «верховный главнокомандующий»; мы связываем его с лицом, которому подчиняются действующие армия и флот и которое объединяет всю власть на театре военных действий. В действитель-

ности такой главнокомандующий не является верховным, так как ему не подчинено руководство внешней и внутренней политикой и всем тылом действующих армий, поскольку ему не принадлежит вся власть во всем государстве (выделено мной. — А.К.). Стратег-главнокомандующий представляет лишь часть руководства войной; очень важные решения принимают иногда помимо него, иногда вопреки ему. Полная мощь избранному полководцу — это устаревшая, впрочем никогда не отображавшая какой-либо действительности, формула»⁶⁴.

Эту идею интегрального полководца — своего рода военный кабинет министров с главой государства как верховным главнокомандующим — поддержал Борис Михайлович Шапошников, будущий начальник штаба РККА. Его труд «Мозг армии», вышедший в свет в трех томах в 1927 году, хотя и несколько уступал исследованиям Свечина, оказал заметное влияние на формирование стратегии военного руководства Красной Армией.

Шапошников писал: «...и Клаузевиц видел в главнокомандующем полководца без приставки «верховный», а потому нами начальник генерального штаба и рассматривается как «стратег-главнокомандующий», представляющий лишь часть руководства войной»⁶⁵.

Судьба работы Шапошникова оказалась значительно благоприятнее, чем судьба основного сочинения Свечина. После публикации трехтомник Шапошникова практически постоянно цитировался и упоминался всеми военачальниками и историками как классический труд, его изучение входило и входит в программу Академии Генерального штаба. Возможно, одной из причин этого было то, что свой труд Шапошников построил на разборе истории деятельности Генерального штаба Австро-Венгерской монархии, исчезнувшей после 1918 года с политической карты Европы, и в нем он не касался не только российского Генерального штаба и высшего командования Советской России в ходе гражданской войны, но и германского Генерального штаба, со многими деятелями которого в конце 20-х годов у руководства РККА установились хорошие отношения. Из бесед со знавшими Шапошникова ветеранами автору стало известно, что Шапошников сознательно выбрал такой своеобразный материал для анализа.

Идеи «интегрального полководца» нашли свое воплощение в организации высшего военно-политического ру-

ководства в ходе второй мировой войны не только в Советском Союзе, но и в Великобритании, США, а также Германии.

В конце 30-х годов в СССР практически прекратились дискуссии о соотношении между политикой и военной стратегией, что было связано прежде всего с установившейся диктатурой и культом личности Сталина, сконцентрировавшего в своих руках необъятную власть, и с системой социально-политического государственного управления, сложившейся в стране.

5. Трагедия 1937 — 1938 годов и новое поколение советских военачальников

Великая Отечественная война 1941–1945 годов внесла свои коррективы во взаимоотношения политики и стратегии, которые далеко не сразу приняли оптимальный характер.

Сосредоточение в руках политической верхушки непосредственного руководства войной, разработки стратегии, ее реализации в операциях было делом неизбежным в той тотальной войне, которую развязал германский нацизм. В этом отношении еще раз сбылись предвидения Свечина.

Однако Сталин, имевший в своих руках беспрецедентную по концентрации деспотическую власть, оказался не готов к руководству войной, начало которой к тому же отнюдь не совпадало с его ожиданиями. В своих мемуарах А.М.Василевский, в частности, писал, что Сталин в начале войны «был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Он мало опирался на Генеральный штаб, далеко недостаточно использовал знания и опыт его работников. Нередко без всяких причин поспешно менял кадры военачальников». По оценке А.М.Василевского, «в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге»⁶⁶.

К сожалению, Сталин, который в любом случае по иерархическому распределению ролей в системе высшего политического управления советским государством был бы вынужден взять на себя руководство будущей войной против фашистской Германии, не извлек военно-стратегиче-

ческих уроков из «непопулярной» (как ее называли в последующем) советско-финской войны 1939 — 1940 годов. Эта война протекала совсем не так, как планировало ее военное командование во главе с наркомом обороны К.Е.Ворошиловым, сопровождалась огромными потерями Красной Армии (много солдат гибло от обморожения), падением авторитета Красной Армии, не говоря уже о международном моральном авторитете СССР.

На обороноспособности страны, на формировании ее стратегии, на оперативном искусстве и в целом на военном управлении самым негативным образом сказались жесточайшие репрессии в отношении командиров Красной Армии, которые были частью огромных по масштабам репрессий в отношении партийных, государственных деятелей, в целом всех тех, кто в какой-то мере мог рассматриваться как «потенциальная угроза» сталинскому режиму. Они в еще большей мере, нежели это имело место в начале 30-х годов, деформировали отношения между политикой и стратегией, лишив военачальников инициативы, способности принимать самостоятельные решения в рамках отпущенных последним в нормальных условиях возможностей.

Самым громким в общей политике репрессий был процесс 1937 года над М.Н.Тухачевским, по которому проходила и целая группа видных военачальников*. В следующем году были уничтожены многие военачальники, входившие в состав суда над М.Н.Тухачевским, в том числе В.К.Блюхер.

В это время армия оказалась единственной общественно-политической средой, в недрах которой могла бы при определенных обстоятельствах созреть сила, способная противостоять диктатуре Сталина. Поэтому судьба ее наиболее популярных командиров была предрешена логикой развития сталинского режима. То, что среди крупнейших военачальников первым был репрессирован Тухачевский, связано, по-видимому, не только с его большим авторитетом в Красной Армии и его изысканиями на стыках политики и военной стратегии, но и с его личными взаимоотношениями со Сталиным. В 20-е и 30-е годы в командном составе РККА, да и в партийных верхах, многие знали, что М.Н.Тухачевский считал именно Сталина главным ви-

* В апреле-мае 1937 года были арестованы М.Н.Тухачевский, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, А.И.Корк, Р.П.Эйдеман, Б.М.Фельдман, а несколько ранее — В.М.Примаков, В.К.Путна.

новником неудачи, постигшей находившегося под его командованием Западного фронта под Варшавой в августе 1920 года. Тогда Сталин, будучи членом Реввоенсовета соседнего Юго-Западного фронта, совместно с командующим фронтом Егоровым не выполнил директивы Главкома Республики С.С.Каменева и не передал вовремя, как предписывала директива, три армии в распоряжение М.Н.Тухачевского.

Среди советских историков получила распространение версия, согласно которой немалую роль в процессе над М.Н.Тухачевским и его соратниками сыграли фальшивки, сфабрикованные германской политической разведкой под руководством Р.Гейдриха и В.Шелленберга и подброшенные Сталину через президента Чехословакии Бенеша⁶⁷.

После 1938 года репрессии пошли на спад, однако они отнюдь не прекратились. Так, новые удары по Красной Армии нанесли аресты командующего ПВО страны Г.М.Штерна, командующего ВВС Красной Армии П.В.Рычагова, главного инспектора ВВС дважды Героя Советского Союза Я.В.Смушкевича и ряда других генералов и офицеров. Некоторые репрессированные генералы были впоследствии освобождены и стали полководцами во время Великой Отечественной войны: К.А.Мерецков, К.К.Рокоссовский, А.В.Горбатов⁶⁸.

Масштабы сталинских репрессий против командного состава РККА оказались огромными, непомерными. Они охватили и высший командный состав, который мог бы возглавить оппозицию Сталину, но пошли гораздо глубже, поразили значительные круги не только старших, но и средних командиров.

В Красной Армии перед началом массовых репрессий⁶⁹

<i>насчитывалось:</i>	<i>из них репрессировано:</i>
5 маршалов Советского Союза	3
2 комиссара армии первого ранга	2
2 флагмана флота первого ранга	2
2 флагмана флота второго ранга	2
6 флагманов первого ранга	6
15 флагманов второго ранга	9
4 командарма первого ранга	2
12 командармов второго ранга	12
15 комиссаров второго ранга	15
67 командиров корпусов (комкоров)	60

28 корпусных комиссаров	25
199 командиров дивизий (комдивов)	136
397 командиров бригад (комбригов)	221
36 бригадных комиссаров	34

Почти весь высший и старший командный состав и политические работники этого уровня были расстреляны либо умерли в заключении. Под этот удар попали и члены партии, и беспартийные, и бывшие дворяне, и выходцы из рабочих и крестьян, и бывшие царские офицеры и генералы, и красные командиры, которыми стали многие солдаты и унтер-офицеры старой армии в годы гражданской войны. Почти полностью была выкошена военная интеллигенция, хранившая лучшие военные и нравственные традиции российской армии (первые удары по ней были нанесены еще в конце 20-х — начале 30-х годов). Произошло неслыханное в истории истребление «генофонда» военных кругов российского общества, что сказывалось в течение долгих лет на развитии военно-политической и военно-стратегической мысли в СССР, что ощущается и сегодня.

Репрессии нанесли тяжелейший моральный и психологический удар по всем Вооруженным Силам, даже и по тем, кто не был репрессирован, а продолжал служить в РККА и РККФ. Можно лишь удивляться тому, что, когда настал час самых суровых испытаний 1941 года, Красная Армия, несмотря на все поражения и неудачи, потеряв свыше 90% кадрового состава в первые месяцы войны, не развалилась, а сохранила свою структуру, воссоздала необходимый для отпора и будущей победы боевой потенциал.

В результате репрессий образовались громадные бреши в штатах командных должностей. Только за один 1938 год на вышестоящие должности в армии — от командующих округами до командиров батальонов и дивизионов — было выдвинуто 38 тысяч 702 человека, зачастую и, как правило, еще не имевших соответствующих их новому месту профессионального опыта и знаний. Война, разразившаяся через три года, многое расставила по своим местам.

Сегодня можно услышать и такие суждения, что, мол, многие военные начали в этот период блистательные карьеры, поскольку раньше их не было заметно из-за более известных и авторитетных военачальников, чьими именами пестрела не только советская, но и зарубежная пресса. Так, звезда Георгия Константиновича Жукова, разгромившего в районе р.Халхин-Гол в Монголии в 1939 году вторгшуюся

сюда грушировку японских войск, взошла именно в этот период. Но, как пишет Жуков в своих мемуарах, военному искусству комбрига учили выдающиеся командиры Красной Армии — расстрелянные командармы Якир и Уборевич, заключенный в застенки и чудом выживший комдив Рокоссовский... В «большую десятку» самых известных советских командующих Великой Отечественной войны, продолжавших играть важную роль в Вооруженных Силах вплоть до 60-х годов, помимо Г.К.Жукова вошли И.С.Конев, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, К.А.Мерецков, Ф.И.Толбухин, Р.Я.Малиновский, Л.А.Говоров, А.И.Еременко, И.Х.Баграмян, командовавшие фронтами на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Именно они разрабатывали и проводили крупные операции, обеспечившие выдающуюся победу нашего народа, 50-летие которой отмечено в 1995 году.

Г.К.Жуков занимает особое, самое высокое место среди советских военачальников. Начал же он свою воинскую службу в царской армии рядовым. У него не было больших постов в период гражданской войны. Будучи только на три года моложе Тухачевского, Жуков в те годы командовал всего лишь взводом, а затем эскадронами в кавалерии. После гражданской войны командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией, корпусом, находился некоторое время в должности помощника инспектора кавалерии РККА. До своего назначения на Дальний Восток для организации отпора японцам в районе р.Халхин-Гол занимал пост заместителя командующего военным округом. Вскоре после возвращения из Монголии был назначен командующим войсками Киевского Особого военного округа, а затем — начальником Генерального штаба, заместителем народного комиссара обороны СССР.

В аттестационной характеристике Г.К.Жукова, когда он был командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии, говорится: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к даль-

нейшему росту. Авторитетен... В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне **СООТВЕТСТВУЕТ**. Может быть использован с пользой для дела по должности **помкомдива или командира мехсоединения** при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу [назначен] быть не может — органически ее ненавидит»⁷⁰.

Эту характеристику дал Жукову в 1930 году его командир дивизии К.К.Рокоссовский, с которым впоследствии Георгия Константиновича не раз еще сведет судьба.

Весьма высокую оценку своим профессиональным воинским качествам Г.К.Жуков как помощник инспектора кавалерии РККА получил от члена Реввоенсовета Союза ССР и инспектора кавалерии РККА С.М.Буденного. Буденный отмечал у своего подчиненного высокое чувство ответственности за дело, стремление все время пополнять свои знания, творческий и инициативный характер его работы. Не обошел вниманием Буденный и других, в том числе негативных, черт Жукова, отмечая, что тот является «командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жестокость и грубоватость»⁷¹. К сожалению, эта характеристика оказалась правдивой, и в ходе Великой Отечественной войны жестокость и грубость нередко проявлялись на деле.

Таким чертам полководца часто противопоставлялись гуманные качества другого крупного военачальника — Константина Константиновича Рокоссовского.

Арест Рокоссовского в 1938 году далеко отбросил его по служебной лестнице назад. Период стремительного подъема Жукова Рокоссовский провел в тюрьме и лагерях. Будучи освобожденным из заключения, Рокоссовский встретил войну командиром механизированного корпуса, а завершил ее командующим одного из фронтов, участвовавших в штурме Берлина. 24 июня 1945 г. в Москве Жуков принимал Парад Победы, а Рокоссовский командовал войсками, участвовавшими в параде.

6. Советское военное искусство в первые послевоенные годы

После победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов культ личности Сталина, характер политичес-

кого режима в стране на протяжении определенного периода, прежде всего до смерти Сталина, оставался таким же, каким был и перед войной. Массовых репрессий против командного состава Советских Вооруженных Сил, подобных репрессиям 1937–1938 годов, после войны не было, хотя спорадически возникали репрессивные политические кампании локального масштаба наподобие «Ленинградского дела» (1949–1950 гг.). На этом фоне целый ряд видных военачальников подвергались Сталиным неожиданной опале: их снимали с занимаемых постов, понижали в званиях, а то и арестовывали. Одним из первых в их числе оказался Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, принимавший от имени и по поручению советского Верховного главнокомандования капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии 8 мая 1945 г. и Парад Победы и пользовавшийся большой популярностью в стране за свои военные заслуги и полководческий талант.

Высокий авторитет Г.К. Жуков приобрел еще после победы Красной Армии под Москвой в декабре 1941 года, когда он командовал Западным фронтом. Уже в то время рост авторитета Жукова не устраивал Сталина и Берия. Усиливался подбор «компромата» на Жукова. Наиболее заметным звеном в этих действиях стал арест весной 1942 года начальника оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майора В.С. Голушкевича. По заслуживающей доверия оценке генерал-лейтенанта Н.Г. Павленко, Берия надеялся через него «подобраться» и к Г.К. Жукову, но его надежды не оправдались. Несмотря на все ухищрения, арестованный генерал показаний против Жукова не дал. После войны на одном из совещаний в Кремле Сталин обвинил Жукова в том, что тот якобы приписывает себе все победы. Следующий акт «развенчания» Жукова состоялся в начале 1946 года в присутствии многих военных руководителей. На заседании руководящих военных деятелей, проводившемся под председательством Сталина, были зачитаны показания арестованных ранее Главного маршала авиации А.А. Новикова и генерал-лейтенанта Н.Ф. Телегина, в которых содержались обвинения в адрес Георгия Константиновича. Зачитывал эти бумаги С.М. Штеменко (занимавший в то время пост начальника Генерального штаба). Ряд лиц, присутствовавших на совещании, выступили в защиту Жукова — Конев, Рыбалко, Соколовский и др. Эти выступления, по-видимому, пред-

отвратили готовившийся Сталиным арест маршала. Против Г.К.Жукова выступил генерал Ф.И.Голиков (который в годы войны, после того как покинул пост начальника Разведуправления Генерального штаба, занимал должности командующего армией и фронтом)⁷².

В результате Г.К.Жуков не был арестован, но был снят с поста заместителя министра Вооруженных Сил СССР и Главнокомандующего Сухопутными Войсками и направлен на третьестепенные военные должности — сначала командующего Одесским военным округом, а затем — Уральским военным округом.

Оставшиеся на своих высоких постах маршалы и генералы всячески превозносили И.В.Сталина не только как политического и государственного руководителя, но и как «гениального полководца». Ему приписывались заслуги в области и стратегического планирования, и руководства стратегическими операциями, и практически в любом сколько-нибудь значимом вопросе развития и функционирования Советских Вооруженных Сил. К концу жизни Сталина политико-пропагандистская вакханалия его культа достигла своего апогея: любая публикация или радиосообщение, где упоминалось его имя, не выходило в свет без эпитетов «великий», «гениальный» с непременно добавленным «отец и учитель всех времен и народов».

«Прочная теоретическая база для послевоенного строительства Вооруженных Сил была создана благодаря дальнейшему развитию товарищем Сталиным советской военной науки. В этот период товарищ Сталин формулирует основные теоретические положения советского военного искусства, разрабатывая их с учетом экономических и моральных возможностей нашей страны»⁷³, — писал в 1949 году Маршал Советского Союза А.В.Василевский.

Адмирал А.Е.Головко писал в том же году, что «в ходе строительства советского флота не было такого вопроса, которому Иосиф Виссарионович не уделит бы внимания». В качестве примера личного руководства Сталиным Военно-Морским Флотом, его развитием А.Е.Головко называет определение непосредственно на местности будущих баз Северного флота, батарей береговой обороны и т.п.: «Иосиф Виссарионович осмотрел побережье Кольского залива и наметил места для будущих баз флота, батарей береговой обороны и других опорных пунктов»⁷⁴.

Главный маршал артиллерии Н.Воронов превозносил гениальность И.В.Сталина в весьма конкретных, сугубо профес-

сиональных артиллеристских вопросах: «Полководческий гений Сталина вовремя образумил многих и в вопросе гаубизации дивизионной артиллерии. ...Товарищ Сталин дал прямое указание иметь легкую дивизионную пушку в составе стрелковой дивизии в необходимой пропорции с легкими гаубицами для успешного решения всех задач на поле современного боя»⁷⁵.

В этом потоке славословия в адрес диктатора нашлось место и для его «верного соратника» К.Е.Ворошилова, несмотря на то что в начале войны тот практически оказался несостоятельным, находясь на высших командных постах. Так, генерал армии В.Курасов назвал в 1951 году Ворошилова «одним из выдающихся строителей Советской Армии и ее полководцев», перечислив его как реальные, так и мнимые заслуги перед Родиной⁷⁶.

7. Политика и военачальники в хрущевский период

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов находившийся во главе партии и правительства Никита Сергеевич Хрущев активно занимался военными вопросами, резкими и крупными мазками очерчивая контуры строительства Вооруженных Сил СССР, принимая важнейшие военно-политические решения.

В 1957 году Хрущев удалил с поста министра обороны маршала Г.К.Жукова, который помог ему в борьбе против тех, кто не желал развенчания «культа личности» Сталина. Был удален с поста Главнокомандующего Советским Военно-Морским Флотом адмирал Н.Г.Кузнецов, споривший с Хрущевым относительно структуры и состава этого вида Вооруженных Сил (на Кузнецова была возложена ответственность за гибель на Севастопольском рейде линкора «Новороссийск», столь же загадочную до сих пор, как и гибель линкора Российского императорского флота «Императрица Мария» в 1916 г.). Кузнецов, как и Жуков, дважды попадал после войны в опалу. Первый раз Кузнецов был удален с поста Главкома ВМФ Сталиным в 1947 году и назначен на должность начальника Управления военно-морских учебных заведений. Вскоре после этого над Кузнецовым и его сослуживцами адмиралами Л.Галлером, В.Алафузовым и Г.Степановым состоялся «суд чести», на котором они обвинялись в совершении «антигосударственных и антипатриотических поступков, выразившихся в передаче бывшим союзникам в годы про-

шедшей войны ряда образцов и документации на вооружение ВМФ на основании взаимной информации»⁷⁷.

Уже на второй день работа «суда чести» завершилась. Приговор, вопреки абсурдности и недоказанности обвинения, гласил: «Виновных в передаче иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну, предать суду Военной коллегии Верховного суда СССР». Незадолго до этого были осуждены народный комиссар авиационной промышленности А. Шахурин, Главный маршал авиации А. Новиков и ряд других военачальников. Военная коллегия осудила адмиралов Алафузова и Степанова на 10 лет заключения, а Галлера — на 4 года. Кузнецова по указанию Сталина подвергли лишь административному наказанию — он был понижен в звании до контр-адмирала и снят с должности начальника Управления военно-морских учебных заведений.

После смерти Сталина адмиралы были полностью реабилитированы. Галлер реабилитации не дождался — он умер в тюрьме в 1950 году⁷⁸.

В последние годы жизни Сталина (1951–1953 гг.) Кузнецов снова становится военно-морским министром СССР. В 1953 – 1956 годах (после того, как пост военноморского министра был упразднен) Кузнецов был назначен первым заместителем министра обороны СССР — Главкомом ВМФ. В 1955-м Кузнецов получил высшее для моряка звание Адмирала Флота Советского Союза, приравняемое к Маршалу Советского Союза. Когда Хрущев снял его с поста Главкома и понизил в звании, Кузнецов ушел в отставку (его полная военная и гражданская реабилитация с посмертным восстановлением высшего адмиральского звания произошла совсем недавно).

Г.К. Жукову были предъявлены тяжелые по советским нормам обвинения в антипартийном поведении — в стремлении вывести Вооруженные Силы из-под политического (партийного) контроля, в «бонапартизме»*. Эти обвинения муссировались в различной форме в советской военной печати вплоть до конца пребывания у власти Н.С. Хрущева (завершившегося его отставкой с поста Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в октябре

* Обвинения Г.К. Жукова в «бонапартизме» были, по отзывам современников, лишены оснований. Однако широко известно было в армейской среде негативное отношение Г.К. Жукова к политработникам, которых он часто называл «попами».

1964 г.). Примером такого рода выступлений может служить редакционная статья главного теоретического журнала Министерства обороны СССР «Военная мысль», опубликованная по окончании XXII съезда КПСС: «Огромную роль в дальнейшем укреплении Вооруженных Сил сыграло постановление октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Пленум ЦК КПСС решительно осудил антипартийную деятельность бывшего министра обороны Жукова Г.К., который насаждал в войсках культ своей личности, нарушал ленинские принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, ее ЦК и Советского правительства»⁷⁹.

Сделав ставку на развитие ракетного оружия во всех возможных видах и вариантах — от стратегического до тактического, Н.С.Хрущев неоднократно высказывал свое негативное отношение к крупным надводным кораблям, авиации, к масштабным сухопутным силам, решительно вторгаясь в сугубо военную сферу. Причем это не были взгляды чистого дилетанта: в качестве члена Военного совета ряда фронтов Н.С. Хрущев прошел всю войну, хотя его вклад в решение оперативно-стратегических вопросов никто не оценивает как сколько-нибудь весомый. Да и сам он отнюдь не преувеличивал свои военные заслуги, тем более что и на нем лежала вина за тяжелые поражения Красной Армии на первом этапе Великой Отечественной войны.

Трудно найти публикации того периода, в которых ведущие военачальники, как и в предыдущие годы, не подчеркивали бы свою лояльность к КПСС, к высшему государственному руководству, в том числе его важную роль в формировании военной доктрины СССР. Но это не были уже столь безудержные, беспредельные восхваления, как в отношении Сталина.

Жукова на посту министра обороны СССР сменил Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967)*.

* Р.Я.Малиновский — участник первой мировой и гражданской войн. Воевал в 1936—1939 годах в Испании. В 1939 — 1941 годах поработал преподавателем Военной академии им.М.В.Фрунзе; звание Маршала Советского Союза получил в 1944 году, то есть еще в ходе Великой Отечественной войны. В годы войны успешно

В 1962 году в своей брошюре «Бдительно стоять на страже мира» Малиновский писал: «Новая Программа партии дала ответ и на основные вопросы, связанные с обеспечением безопасности строительства коммунизма от агрессивных действий империалистических держав и их военно-политических блоков. Она с исчерпывающей полнотой определила задачи Вооруженных Сил нашей страны на современном этапе...»⁸⁰.

В аналогичном духе высказывался Маршал Советского Союза С.С.Бирюзов, занимавший в 1963 — 1964 годах пост начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР: «За последние годы наша военная мысль далеко продвинулась вперед. В результате огромной работы, проделанной Центральным Комитетом КПСС во главе с товарищем Н.С.Хрущевым, а также нашими военными кадрами, у нас выработана вполне современная военная доктрина, определяемая природой государства, строящего коммунизм»⁸¹.

Повторяя то, что неоднократно говорилось Малиновским, Главный маршал бронетанковых войск П.А.Ротмистров, один из наиболее прославленных командующих танковыми армиями периода Великой Отечественной войны, писал: «Глубокий анализ характера современной войны, который лег в основу советской военной доктрины, дан Н.С.Хрущевым в докладе на IV сессии Верховного Совета СССР в 1960 году. В этом докладе были творчески раскрыты отличительные особенности будущей войны, характер ее начального этапа, роль огневой мощи и средств доставки ядер-

командовал несколькими фронтами, в том числе во время разгрома империалистической Японии на Дальнем Востоке. После командовал войсками Забайкальско-Амурского военного округа. С 1947 по 1956 год был командующим войсками Дальнего Востока, затем командующим войсками Дальневосточного военного округа. В 1956 — 1957 годах — Главнокомандующий Сухопутными Войсками. На посту министра обороны находился с 1957 года и вплоть до своей смерти в 1967 году.

Ряд источников указывает, что Малиновский принимал непосредственное участие в 1964 году в смещении Хрущева с поста Председателя Совета Министров и Первого секретаря ЦК КПСС. Он, в частности, вместе с Л.И.Брежневым говорил по телефону с Хрущевым, требуя срочного возвращения последнего из Пицунды и участия в заседании Президиума ЦК КПСС. Малиновский, не будучи членом этого органа, участвовал в его заседании наряду с министром иностранных дел СССР А.А.Громыко, несколькими секретарями областных партийных организаций. (См. **Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии.** — М., Политиздат, 1989. — С.194 — 195.)

ного оружия, соотношение различных видов и родов войск, роль внезапности и т.п. Все это явилось крупным вкладом в марксистско-ленинскую науку о войне и армии»⁸².

Вопросы соотношения политики и военной стратегии в сравнительно развернутом виде нашли свое отражение в труде «Военная стратегия», вышедшем в 60-е годы тремя изданиями. Книга была подготовлена коллективом военных авторов под руководством Маршала Советского Союза В.Д.Соколовского*, занимавшего в 1952 — 1960 годах пост начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Ряд очевидцев событий тех лет отмечают, что с этого поста В.Д.Соколовский ушел в знак протеста против решения Н.С.Хрущева о сокращении Вооруженных Сил СССР на 1 млн. 200 тыс. человек, считая, что в этом случае не будет обеспечена обороноспособность страны и ее союзников (заметим, что в 1955 г. был создан военно-политический союз восточноевропейских соцстран — Организация Варшавского Договора).

Следует отметить, что даже выделявшийся среди военачальников послевоенного периода В.Д.Соколовский не может сравниться по своей образованности, эрудиции и культуре со многими военачальниками-теоретиками 20 — 30-х годов. В последнее время, когда стали известны ранее засекреченные важные материалы из истории Великой Отечественной войны, в адрес Соколовского как полководца высказываются серьезные критические замечания.

Труд «Военная стратегия» был переведен на несколько иностранных языков. Цитировать эту работу продолжают на Западе и по сей день. В Советском Союзе она, как правило, упоминается в военно-исторических исследованиях.

* В 60-е годы В.Д.Соколовский считался одним из наиболее образованных военачальников в СССР: в 1918 — 1921 годах он учился (с перерывами) в Академии Генштаба, где еще преподавали старые спецы русской армии, а до военной службы, которую он начал в царской армии, окончил учительскую семинарию.

В гражданскую войну Соколовскому довелось командовать ротой, быть помощником командира полка, начальником штаба стрелковой дивизии, начальником штаба кавалерийской дивизии. В годы Великой Отечественной войны он — начальник штаба фронта, а затем командующий фронтом. После Великой Отечественной войны В.Д.Соколовский командовал Группой советских войск в Германии (1946 — 1949 гг.).

Одна из задач книги состояла в том, чтобы произвести грозное впечатление на Западе («напугать их до смерти»). Такой, как вспоминают некоторые современники, была установка, данная Н.С.Хрущевым через министра обороны СССР Р.Я.Малиновского авторскому коллективу. Надо сказать, что эта цель в значительной мере была достигнута.

«Признание войны в качестве орудия политики определяет и взаимоотношения военной стратегии и политики, которые строятся на принципе полной зависимости первой от второй»⁸³, — говорилось во введении к «Военной стратегии». При этом, однако, авторы не углублялись в рассмотрение деталей взаимодействия политики и стратегии, как это делали в 20 — 30-х годах А.А.Свечин, Б.М.Шапошников, М.Н.Тухачевский и другие теоретики, а ограничивались констатацией: цели и задачи стратегии определяются и непосредственно вытекают из целей и задач государственной политики, средством которой является военная стратегия⁸⁴.

Аналогичным образом о соотношении политики и стратегии писали в 1964 году авторы другого труда — «О советской военной науке». Не ограничиваясь этим тезисом, они делали акцент на подчиненности стратегии политике. Это была своеобразная попытка уйти от рассмотрения положения о том, что стратегия, со своей стороны, оказывает все более значительное воздействие на политику. Именно об этом все чаще пишут многие исследователи военной теории.

Политика и стратегия — это не равнозначные категории. По отношению к военной стратегии политика играет руководящую и определяющую роль. Политика ставит стратегии задачи, а стратегия их выполняет. В свою очередь, политика учитывает достижения и требования стратегии, но приоритет политики всегда остается главенствующим⁸⁵.

Не отрицая главенствующей роли политики по отношению к военной стратегии в рамках военной доктрины, один из ведущих советских военных теоретиков того периода начальник кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба генерал-полковник Н.А.Ломов писал, что «между содержанием военной доктрины и стратегией существует внутренняя взаимосвязь», что «положения военной стратегии являются важнейшей и неотъемлемой частью содержания военной доктрины»⁸⁶.

Для обоснования подобных взглядов на соотношение политики и военной стратегии в 60-е годы использовался

анализ трагического опыта начального периода Великой Отечественной войны. В наиболее развернутом виде об этом писал на страницах «Военной мысли» полковник В.М.Кулиш. Внешне его публикация полностью соответствовала духу развенчания и критики культа личности Сталина в соответствии с партийными установками. В то же время в ней содержались прозрачные намеки, адресованные политическому руководству относительно того, что оно не должно игнорировать требования военной стратегии и что военная стратегия, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на политику.

«И.В.Сталин накануне Великой Отечественной войны весьма односторонне учитывал взаимосвязь политики и военной стратегии. Он и под его влиянием руководители Наркомата обороны недооценивали объективных требований стратегии того времени. Боясь спровоцировать нападение фашистской Германии на нашу страну, они не придали значения опасности упреждения нас противником в подготовке к войне, а тем более в стратегическом развертывании. Вследствие этого наши войска, хотя частично и сосредоточились на театрах военных действий, не были своевременно развернуты и приведены в боевую готовность. Политика предотвращения нападения фашистской Германии на нашу страну, таким образом, не поддерживалась средствами военной стратегии, что скорее поощряло, а не останавливало агрессора» — такой кардинальный вывод делал В.Кулиш. Критикуя ряд своих коллег (теоретиков-политработников), Кулиш писал, что «иногда ...военная стратегия лишается всякой самостоятельности, превращается в слепое орудие политики»⁸⁷.

Многие советские военные авторы этого периода подчеркивали свое негативное отношение к идеям различных «крайних милитаристов», отрицающих примат политики по отношению к военной стратегии, упоминая среди них немецких военных теоретиков Бернгарди, Шлиффена, Людендорфа. Так, в «Военной стратегии» отмечалась неправомерность высказывавшихся ими взглядов о том, что «политика, сделав свое дело в развязывании войны, с началом военных действий становится пассивным наблюдателем»⁸⁸.

Авторы книги «О буржуазной военной науке» генералы М.А.Мильштейн и А.К.Слободенко (принадлежавшие к старшему преподавательскому составу Академии Генерального штаба), вышедшей в свет тоже в 60-е годы,

особенно подробной критике подвергли работу Людендорфа «Тотальная война», опубликованную в Германии в 1935 году, через два года после прихода к власти нацистов. Людендорф, по оценке советских авторов, выдвигал требование о подчинении политики войне, а не наоборот⁸⁹.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник М.Повалий писал в журнале «Военная мысль»: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. ее политическое содержание... Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или стратегически важных районах земного шара. Политика... определяет состав вооруженных сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе ее развития, их группировку и задачи с учетом значимости театров военных действий и сил противника».

Что же при этом остается на долю военной стратегии и военного командования? — спрашивает автор и отвечает цитатой из книги Б.М.Шапошникова «Мозг армии»: «Что касается стратегии, то она призвана вооруженными силами добиться поставленной ей цели». Стратегическое руководство разрабатывает конкретный план войны против явных и вероятных противников, пишет Повалий. В условиях, когда ведется ожесточенная борьба двух социальных систем, план войны должен быть гибким и соответствовать различным политическим комбинациям⁹⁰.

8. Ядерное оружие и соотношение между политикой и стратегией

Вполне четкие и объективно справедливые оценки советских военных профессионалов периода 60 — 70-х годов верховенства политики по отношению к военной стратегии широко использовались для субъективистского отрицания радикально иных сущностных характеристик современных войн, которые они приобретают по сравнению с войнами прошлого по мере появления и развития ядерного оружия.

В уже упоминавшейся книге советских военных теоретиков и практиков «Военная стратегия» подвергается резкой критике следующее высказывание английского маршала Кингстона-Макклори, содержащееся в его работе, опубликованной в СССР в русском переводе*, по поводу формулы Клаузевица: «Но возьмите его знаменитое заявление о том, что «война есть продолжение политики иными средствами» (насильственными средствами), и рассмотрите его в свете современных условий. В случае ядерной войны ничто не оказалось бы таким далеким от истины, как это утверждение. Такая война в случае ее развязывания означала бы конец всякой политики и полное взаимное истребление»⁹¹.

Авторы «Военной стратегии» высказываются в этой связи весьма безапелляционно: «Совершенно очевидно, что подобные взгляды являются следствием метафизического, антинаучного подхода к такому общественному явлению, как война, и порождены идеализацией нового оружия»⁹². Далее они пишут: «Известно, что сущность войны как продолжения политики не меняется в зависимости от изменения техники и вооружения». И в духе того времени делается ошеломляющий вывод о назначении взглядов, подобных высказанным Кингстоном-Макклори: они «...понадобились военным идеологам империализма для того, чтобы оправдать свой курс на подготовку новой войны и поставить развитие экономики, науки и техники на службу военной организации»⁹³.

Недостаток у формулы Кингстона-Макклори есть, и состоит он, на наш взгляд, в следующем: автор не сказал о том, что в ядерный век война с применением ядерного оружия не может быть **рациональным** средством продолжения политики. Но такая война вполне может возникнуть как результат неверной, «дурной», пользуясь словами А.А.Свечина, политики. Она может оказаться продуктом политики активного использования ядерного оружия в качестве средства шантажа, нажима и т.п.

Идея о том, что ядерная война является продолжением и орудием политики, откровенно высказывалась в статье,

* Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в СССР было опубликовано немало переводов книг западных авторов по военно-политическим вопросам и проблемам военной стратегии. Позднее эта практика была прекращена. К сожалению, и до настоящего времени основная масса такой литературы остается недоступной для военачальников и политических деятелей.

опубликованной в журнале «Военная мысль» в конце 1966 года. В ней говорилось: «Опыт истории, современные войны — контроль политики над ходом войны в Корее и во Вьетнаме, предотвращение ядерной войны во время кризиса в районе Карибского моря — дают определенные основания полагать, что и в случае возникновения мирового ядерного конфликта оружие массового поражения будет находиться под контролем политики и направляться ею»⁹⁴. (Тут же оговаривалось, что «это не означает, что война обязательно примет какой-то ограниченный характер».) Не исключена возможность, говорилось далее, что политика не допустит или ограничит применение ядерного оружия, прекратит его использование в ходе войны. Объясняется это в статье так: «...политика — это не только отношения между государствами, но и отношения между классами внутри государств. И если правящие эксплуататорские классы проводят одну политику, то угнетенные классы имеют совершенно иные политические интересы, противостоящие реакционной политике монополистического капитала. Это может сказаться на общем характере и конкретных способах ведения и исходе мировой ядерной войны, если она возникнет»⁹⁵. Разве данное рассуждение не напоминает «революционную романтику» похода на Польшу и классово-политические иллюзии сталинской эпохи, приведшие к двум катастрофам Красной Армии в 1920 и 1941 годах соответственно?

В то же время нельзя не признать, что советские исследователи конца 50-х — начала 60-х годов обратили внимание на радикальное изменение характера военной стратегии в связи с появлением таких новых средств вооруженной борьбы, как ракетно-ядерное оружие.

Возможности стратегии, отмечали генерал С.Н.Козлов и его коллеги по Генеральному штабу, в условиях ракетно-ядерной войны резко возрастают. Стратегия уже не является лишь организатором и комбинатором системы операций. «Теперь стратегия обладает возможностью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно. Эта возможность стратегии обеспечивается ракетно-ядерным оружием. Более того, сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических. Это

положение должно рассматриваться как одна из главных черт военного искусства в современных условиях»⁹⁶. Как видим, здесь речь идет о рационализации стратегии современной войны как продолжении политики, не ставя под сомнение ракетно-ядерную рациональность последней.

В то же время, выступая в закрытых аудиториях, по свидетельству ряда очевидцев, некоторые советские военные теоретики шли значительно дальше в переоценке традиционных вопросов военного искусства в связи с появлением ракетно-ядерного оружия. Они поднимали вопрос о том, что гигантские жертвы и разрушения, вызываемые применением ракетно-ядерного оружия, вообще выводят его использование за пределы военного искусства. Но эти взгляды тогда еще не получили официального признания, хотя на Западе уже вовсю шли дебаты, причем на высоком политическом и военно-профессиональном уровне, о совершенно иной качественной оценке ядерных арсеналов — прежде всего как сдерживающего фактора от развязывания большой войны и как орудия политического давления на оппонента.

Несмотря на появление весьма солидной официозной работы под руководством В.Д.Соколовского — речь идет о книге «Военная стратегия» (до сих пор никто не рискнул написать что-либо подобное), — во второй половине 60-х — в 70-е годы не было привнесено практически ничего нового в развитие советской военной мысли, в частности в вопрос о существе взаимоотношений между политикой и стратегией.

Так, бывший в 1967 — 1976 годах министром обороны СССР Маршал Советского Союза А.А.Гречко в своей книге «Вооруженные Силы Советского государства» подчеркивал, что «руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами выступает как главный принцип советского военного строительства»⁹⁷. Эта книга, как и многие другие выступления А.А.Гречко в печати, полна прославления заслуг партии в строительстве Вооруженных Сил. По мере нарастания восхваления в советской пропаганде Л.И.Брежнева и его «заслуг» целый ряд военачальников присоединяются к этой кампании, в том числе в сугубо профессиональных военных выступлениях.

Первая половина 80-х годов, казалось бы, не предвещала никаких особенных изменений в советской военной мысли применительно к установившимся формулам о взаимоотношениях между политикой и войной, политикой и

военной стратегией. Ведущие военные авторы в тех или иных вариациях повторяли складывавшиеся десятилетиями и признанные партией положения.

9. Политика и стратегия в 80-е годы

В 80-е годы вопрос об «управленческой» связи между политикой и военной стратегией в рамках прежде всего военной доктрины государства довольно обстоятельно освещался в ряде работ таких известных советских военных деятелей, как Маршал Советского Союза Н.В.Огарков, в 1977 — 1984 годах начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, и генерал-полковник М.А.Гареев, заместитель начальника Генерального штаба, отвечавший прежде всего за развитие военной науки.

Николай Васильевич Огарков* считается наиболее яркой фигурой из всех начальников Генерального штаба Советских Вооруженных Сил послевоенного периода.

В работе «История учит бдительности» Н.В.Огарков, отмечая ведущее, определяющее положение, которое занимает социально-политическая сторона военной доктрины, в то же время подчеркивал, что эта составляющая доктрины находится с военно-технической «в тесной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости». По Огаркову, «политические цели войны должны в полной мере соответствовать военному потенциалу государства, боевым возможностям вооруженных сил и применяемым ими способам ведения военных

* Пост начальника Генерального штаба Огарков занял, когда ему было 60 лет. В Советской Армии он служил с 1938 года. Окончил Военно-инженерную академию им.Куйбышева. С начала Великой Отечественной войны был в действующей армии на различных инженерных должностях. После войны побывал на важных командных должностях — командира мотострелковой дивизии в Группе советских войск в Германии, заместителя и первого заместителя командующего Белорусским военным округом, а затем командующего Прибалтийским военным округом. С 1968 по 1974 год занимал пост первого заместителя начальника Генерального штаба. Одна из важных особенностей биографии Огаркова — участие его в советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений. Это было не просто участие технического (военного) специалиста в переговорах, а привлечение высокопрофессионального стратега и интеллектуала к принятию решений в области большой международной политики.

действий, а последние должны надежно обеспечить достижение поставленных целей»⁹⁸.

Относительно военно-технической составляющей военной доктрины Н.В.Огарков высказывал мысли, довольно необычные для официальной советской военной традиции. По его суждению, в содержании военно-технической стороны военных доктрин социалистических и капиталистических стран имеются некоторые сходные черты, обусловленные общими тенденциями развития военного дела и вытекающие из достигнутого уровня научно-технического прогресса и использования опыта прошлых войн⁹⁹.

М.А.Гареев в своем солидном труде, посвященном военно-теоретическому наследию М.В.Фрунзе, подчеркивал, что последний решающую роль отводил политике¹⁰⁰. При этом социально-политическая сторона военной доктрины базируется на марксистско-ленинском учении о войне и армии, других общественных науках; ее военно-техническая сторона основывается на положениях военной науки и военной проблематики других наук. Неверными, по мнению М.А.Гареева, являются утверждения некоторых советских авторов о том, что военная доктрина формируется только с помощью военной науки. «Совершенно очевидно, что политическая сторона военной доктрины не может основываться лишь на достижениях военной науки»¹⁰¹, — подчеркивал М.А.Гареев, тем самым еще раз акцентируя примат политики над военной стратегией и военным делом в целом.

Размышляя над вопросом о том, может ли война в условиях наличия ядерного оружия быть продолжением политики, Н.В.Огарков делал достаточно определенный, вполне согласующийся с доминирующей в настоящее время точкой зрения в политике цивилизованных стран, вывод: «Появление в 1945 году и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели (выделено мною. — А.К.). Только окончательно утратив разум, можно пытаться найти такие аргументы и определить такую цель, которые оправдывали бы развязывание мировой ядерной войны и ставили бы тем самым человеческую цивилизацию перед угрозой полного уничтожения. Отсюда, — подчеркивал Н.В.Огарков, — следует непреложный вывод о том, что

преступно рассматривать термоядерную войну как рациональное и чуть ли не «законное» средство продолжения политики»¹⁰².

Такое признание было громадным шагом вперед по отношению к тем положениям о соотношении войны и политики в ядерный век, которые преобладали в советской военной мысли с 60-х годов.

Обращает на себя внимание, что Н.В.Огарков считает возможным развязывание термоядерной войны в качестве продолжения политики со стороны иррационально действующих сил. Развивая эту мысль, следует признать, что термоядерная война вполне может оказаться продолжением и порождением жесткой силовой политики, в арсенале средств которой имеется ядерный шантаж. История ядерного века, к сожалению, знает несколько примеров использования ядерного шантажа в качестве инструмента политики как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом. И, как правило, это усиливало конфронтацию, чреватую термоядерной войной¹⁰³.

Анализ военно-политического поведения сверхдержав в 70-е и 80-е годы, когда установился советско-американский военно-стратегический паритет, показывает, что в этих условиях государственное руководство США значительно реже и в более завуалированной форме прибегало к попыткам ядерного шантажа. Даже администрация Рейгана, несмотря на свой изначально воинственный облик, за все восемь лет пребывания у власти ни разу не прибегла к прямому ядерному шантажу. Не пришлось это делать и Советскому Союзу, который в прошлом несколько раз обращался к данному грозному и обоюдоострому оружию¹⁰⁴.

Говоря о соотношении политики и войны в условиях ядерного противостояния, сложившегося в годы «холодной войны», нельзя не упомянуть о такой проблеме, как возникновение войны «по ошибке», в результате сочетания непреднамеренных действий обеих сторон, вступающих в состояние своего рода «стратегического резонанса».

Можно выделить четыре основных источника опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны: технические ошибки в системах раннего предупреждения и управления ядерным оружием; неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений; человеческие ошибки в оценке военно-стратегической ситуации в результате неверной интерпретации пос-

тупающих данных; механические ошибки или нервные срывы человека в результате неадекватного состояния — усталости, болезни и т.п. Разумеется, наиболее опасно совмещение ошибок нескольких видов¹⁰⁵.

Тема возникновения ядерной войны начала звучать в советских военных трудах еще в начале 60-х годов, ее поднимали и в работе «Военная стратегия». Однако в 80-е годы этот вопрос получил гораздо более высокую приоритетность. Причем ему стали уделять внимание и целый ряд гражданских специалистов, занимающихся военно-политической проблематикой.

Обратило на эту тему внимание и высшее государственное и политическое руководство СССР.

10. Модификация формулы Клаузевица

Во второй половине 80-х годов обсуждение вопроса о соотношении политики и войны получило новый импульс в связи с признанием того, что в ядерной войне победителей быть не может, которое вслед за политическим руководством в СССР сделали, как было отмечено выше, и высшие военные руководители.

М.С.Горбачев, выступая на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» 17 февраля 1987 г., высказал в заключение: «...после Хиросимы и Нагасаки мировая война перестала быть продолжением политики другими средствами. В ядерной войне сгорают и сами авторы такой политики»¹⁰⁶.

Этот тезис далеко не всеми был воспринят. Он вызвал немало критики, преимущественно, кулуарной и завуалированной.

Позицию высшего военного руководства по этому вопросу обобщил министр обороны СССР Д.Т.Язов в своей книге «Верны Отчизне». По его словам, развязывание ядерной войны агрессивными реакционными кругами «явится прямым результатом той абсурдной, преступной политики, которую проводили эти круги вплоть до начала войны». Однако он подчеркнул, что «само начало такой войны станет концом всякой политики, потому что это будет всемирная катастрофа, гибель всего человечества... Военно-силовая политика и ее крайнее проявление — война полностью исчерпали себя»¹⁰⁷.

Размышляя таким образом, Д.Т.Язов, продолжая советскую традицию, сослался на мнение высшего политического руководства страны: «Нет такой земной или космической крыши, под которой можно было бы укрыться, разразись ядерная гроза. Эту мысль не раз с предельной ясностью и четкостью излагал М.С.Горбачев. Ею проникнуты важнейшие принципиальные положения документов XXVII съезда КПСС, Программы нашей партии»¹⁰⁸.

Выступления М.С.Горбачева, Д.Т.Язова, ряда других партийных, государственных руководителей и военных деятелей стимулировали дискуссию по этой теме. В частности, был поднят вопрос о правомерности применения к такому гипотетическому явлению, которое принято называть ракетно-ядерной войной, самого понятия «война». Так, сотрудники Института военной истории Министерства обороны СССР, отражая широко распространенные в обществе взгляды, писали о ракетно-ядерной войне: «Если отрешиться от груза инерции и рассматривать ее через призму нового политического мышления, она лишена ряда весьма существенных признаков, характеризующих войну как специфическое социальное явление»¹⁰⁹. Они обратили внимание на то, что «ракетно-ядерная война» сама по себе «изживается» и в собственно военном отношении, ибо становится невозможным ее «естественный» конечный результат, ради которого, по существу, всегда затевались и велись войны, то есть победа. «Наконец, война — это не только вооруженное противоборство. Она подразумевает и другие, обеспечивающие вооруженную борьбу, но относительно самостоятельные «невоенные» формы борьбы: экономическую, дипломатическую, разведывательную, научно-техническую, идеологическую и т.д. В связи с тотальной гибелью людских и материальных ресурсов ракетно-ядерная катастрофа не оставит места для этих форм противоборства»¹¹⁰.

На основании таких рассуждений делается вывод: «Следовательно, формула «война — продолжение политики» настолько деформирована реальностями ядерного века, что, в сущности, в содержательном и функциональном отношениях она оказывается непригодной для понимания того, что принято называть ракетно-ядерной войной»¹¹¹.

Аналогичные мысли высказали и военные теоретики, работавшие в том же институте, а именно Ю.Я.Киршин,

В.М.Попов, Р.А.Савушкин: «Современное оружие по своей разрушительности объективно переросло целесообразность его использования для достижения агрессором политических целей»¹¹². В развернувшейся на страницах журнала «Международная жизнь» дискуссии большинство выступивших в целом поддержали отмеченные выше мысли о том, что ракетно-ядерную войну нельзя считать войной в традиционном смысле этого слова.

Против таких оценок и выводов резко выступил кандидат исторических наук Н.Грачев, повторяя в основном аргументы доминировавшей в 60-е и 70-е годы точки зрения. «...Само ракетно-ядерное оружие создано, накапливается и совершенствуется по заказу политиков, оно есть выражение вполне осознанной политики. Политика решала и будет решать вопрос о применении или неприменении ядерного оружия. Агрессивные силы США уже не один десяток раз хотели применить ядерное оружие против СССР и других стран. И чего-либо принципиального, от чего это оружие перестало бы быть орудием войны, не произошло. Не лишает политического содержания ракетно-ядерную войну и ее случайное, из-за технического сбоя, начало, ибо в самой этой «случайности» повинна все-таки политика, готовившая войну. Тем более что ответные меры в этой непреднамеренно начавшейся войне уже не будут случайностью. И вопрос об их применении будет решаться политическим руководством»¹¹³.

Полемизируя с Н.Грачевым, известный военный историк Даниил Михайлович Проэктор писал, что «при наличии даже минимума здравого смысла никто практически не сможет использовать ядерные вооружения для войны и победы»¹¹⁴. Д.М.Проэктор при этом подчеркивал политическую роль ядерного оружия. Оно «становится скорее, так сказать, «политическим» оружием, выходя за рамки традиционного средства войны. Оружие прошлого — это прежде всего средство войны и лишь потом — средство «непрямых» действий. А новейшее оружие — наоборот. Оно в первую очередь средство «непрямых» действий и лишь потом, в самом крайнем и почти немыслимом случае, — средство войны»¹¹⁵.

Грань, отделяющую политику от ядерного конфликта, который нельзя считать продолжением политики, Д.М.Проэктор определил следующим образом: «...процессы международно-политической борьбы, роста политичес-

кой напряженности, подготовки к войне, даже движение к ней — все это политика. Совершенно иное состояние — это ядерная война, которую невозможно признать политической, ибо она не обладает ни одним из ее признаков. Она уже никакая не политика»¹¹⁶.

В то же время, как считает Д.М.Проэктор, «если говорить о небольших, «ограниченных», или локальных, войнах в тех или иных районах мира (вне противостояния Восток — Запад), которые ведутся обычными средствами, то здесь, вероятно, мысли Клаузевица о войне как политике, сменившей перо на меч, по-прежнему находит свое подтверждение... Хотя при внимательном рассмотрении возможности «силового» решения политических проблем неуклонно уменьшаются и здесь»¹¹⁷.

Этими выступлениями дебаты о соотношении политики и военной стратегии в условиях непрекращающегося процесса технологического развития средств вооруженной борьбы, глобализации их воздействия на человеческую природу и окружающую среду, все еще не устроенного в международно-правовом, политическом и экономическом отношениях мирового порядка, — отнюдь не исчерпываются. Они, несомненно, идут и сегодня в России, поскольку связаны с использованием в международных отношениях в тех или иных формах военной силы, наличием практически во всех государствах политических институтов, являющихся носителями идей и концепций силового разрешения международных проблем.

Глава II

ОЦЕНКИ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СССР, ХАРАКТЕРА, ВЕРОЯТНОСТИ И СПОСОБОВ ВЕДЕНИЯ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Предвидение в военно-политической сфере, как и в других областях общественных отношений, — дело исключительно трудное. История отнюдь не богата оправдавшимися предвидениями. Еще меньше она дает примеров того, что верные прогнозы играли существенную роль в формировании политики и военной стратегии, их эффективной гармонизации. Оправдывавшиеся предвидения зачастую исходили от тех, кто не стоял у кормила власти, а наблюдал за развитием событий как бы со стороны, несколько отстраняясь от повседневной деятельности политических или военных органов.

Взгляды на характер будущей войны, на потенциальные угрозы безопасности советскому государству в 20-е годы формировались прежде всего под непосредственным воздействием только что завершившихся первой мировой и гражданской войн. Немалое значение имело и отношение к революции как к «тактике и стратегии пролетариата».

Едва ли не доминирующую роль при этом играли идеологические установки, исходившие из императива грядущей мировой революции, которая, несмотря на ряд погашенных революционных всплесков за пределами России, если и не полагалась событием ближайшего времени, то считалась все же неизбежной в той или иной форме.

Вера в торжество мировой революции, в то, что создание «пролетарского государства» на территории бывшей Российской империи является лишь началом процесса создания таких же государств в различных районах мира, стала важным элементом политического сознания не только большевистской и комсомольской части российского общества, но и основной массы населения, включая значительную долю крестьянства. Эта вера постоянно поддер-

живалась широкой пропагандистско-агитационной кампанией партии и государства, использовавших все меры, вплоть до репрессивных действий, в ее насаждении. В результате народ в основном безропотно вынес невероятные лишения в периоды гражданской войны и восстановления экономики, преодолевал тяжести политической и экономической блокады со стороны Антанты, веря в то, что жертвы эти не напрасны и в недалеком будущем идея пролетарской революции восторжествует в мировом масштабе.

Помощь революциям и революционерам в зарубежных странах казалась населению России вполне естественной и потому, что гражданская война сопровождалась прямой военной интервенцией, организованной Францией, Великобританией, Соединенными Штатами, Японией и другими странами Антанты на стороне контрреволюционных сил. Прямое вооруженное вмешательство, равно как и поставки военной техники, военного имущества, финансовая помощь белому движению, не помогло его победе, но продлили гражданскую войну, усилили разруху и голод. При этом действия иностранных государств на территории России носили ярко выраженный своекорыстный, а во многих случаях и хищнический характер.

Значительная часть политически активных кругов российского населения с искренним негодованием реагировала на расправу немецких войск с революцией в Финляндии в 1918 году, на жестокое подавление при прямом участии Антанты венгерской революции 1919 года, на подавление революции в Германии в 1918 году, революционных выступлений в Польше в 1918 — 1919 годах и др.

Вместе с тем по вопросу о мировой революции в партии и в Коминтерне на протяжении практически всех 20-х годов шла борьба, принимавшая подчас весьма острый характер. В.И. Ленин еще в 1920 году, наученный горьким опытом польской кампании и кронштадтского мятежа, пришел к выводу о том, что Европа не готова к мировой пролетарской революции. Не отрицая в принципе такую революцию как окончательную цель, В.И. Ленин по-иному поставил вопрос о методах и сроках победы этой революции. Это в равной степени касалось как внешней, так и внутренней политики, сутью которой была «новая экономическая политика» — нэп. Говоря о нэпе, Ленин писал, что это совершенно новый подход, «совершенно иной, типа реформистского: не ломать

старого общественно-экономического уклада... а оживлять торговлю, личное предпринимательство...». Он сформулировал принципы нэпа и начал резко критиковать доктринерство ярых поборников «мировой революции во что бы то ни стало». Так, в письме одному из деятелей «рабочей оппозиции» Г.А.Мясникову 5 августа 1921 г. Ленин писал: «...кто не понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «гражданский мир», тот смешон, если не хуже»¹. Однако значительная часть даже ближайших соратников Ленина, несмотря на его огромный авторитет в партии, не вняла этим идеям. Выросшие в условиях перманентной борьбы с царизмом, пройдя тюрьмы, каторгу и ссылки на родине, эмиграцию, многие «левые» в новых условиях оказались не готовыми к управлению первой в мире Республикой Советов, к проведению внутренней, внешней и военной политики на основе учета реальной обстановки, сложившейся после 1917 года².

Ленин сумел найти созвучный политическим настроениям разных группировок в партии, стране и за рубежом тезис о противостоянии двух сил — буржуазии и пролетариата — как главной характеристике мировой политики после победы Октябрьской революции в России: «Есть две силы на земле, которые могут определять судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм... Другая сила — международный пролетариат...»³. По его оценке, «два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения»⁴. Эта предельно упрощенная формула определения мировой политики была канонизирована; она легла в основу характеристики будущих войн и военно-политической обстановки, просуществовав с некоторыми модификациями вплоть до распада социалистического содружества и прекращения существования Советского Союза. Вместе с тем, полемизируя с рядом своих коллег по партии, Ленин выделял в «лагере буржуазии» «разумных капиталистов», «благоразумных представителей буржуазии», с одной стороны, и представителей «военной партии», «авантюристические элементы» — с другой. Именно взаимодействуя с первыми, по его мнению, можно было бы осуществлять политику «мирного сожительства» (которую позднее стали именовать политикой «мирного сосуществования») государств с различным общественно-политическим устройством.

1. Войны революционные или войны национальные

Политические и военно-стратегические представления о характере будущей войны у командного состава Красной Армии и у советских военных теоретиков в 20-е годы формировались в основном на изучении опыта двух войн — первой мировой (тогда ее в СССР именовали империалистической войной, в белогвардейских кругах — Великой войной) и гражданской войны в России 1918 — 1922 годов. Во многих случаях довольно явно прослеживался антагонизм между теми, кто отдавал предпочтение опыту мировой войны, и теми, кто считал, что наиболее ценным для понимания будущих войн является опыт гражданской войны. Как правило, первые принадлежали к числу бывших генералов и старших офицеров царской армии, вторые — к когорте лихих командиров времен гражданской войны, вышедших из солдатских и унтер-офицерских низов старой армии и вкусивших плоды своих побед под стратегическим началом первых.

Что касается военно-технических и политических характеристик будущей войны, то они, как правило, давались, исходя из установки на неизбежность решающего вооруженного столкновения «первого социалистического государства» с той или иной комбинацией капиталистических государств.

Было бы неверным считать, что в оценках характера будущей войны и формировании соответствующих оперативно-стратегических планов командование РККА исходило из голый идеи мировой революции, ее экспорта в другие страны. Она сочеталась с чисто военными установками оборонного характера, в соответствии с которыми главной задачей РККА была вооруженная защита первого в мире государства, строящего социализм, от посягательств извне. В обороне этого государства многие видели главную, отвечающую интересам мирового коммунизма, миссию страны Советов, ее Красной Армии по защите интересов «мирового пролетариата» и трудящихся всего мира.

Бывшие генералы и офицеры, служившие в Красной Армии и занимавшие в ней, как было показано в первой главе, весьма высокие посты, идею защиты своего Отечества не облекали в новую идеологизированную форму, а ос-

новывали ее на традиционных представлениях о российском патриотизме.

Вполне очевидно, что крайний идеологический радикализм большевизма и установленной им советской власти не мог не сказаться на оценке угрозы безопасности для только что выходящей из гражданской войны России, с декабря 1922 года — Советского Союза.

Весьма примечательны в этом отношении рассуждения М.В.Фрунзе в 1921 году в уже упоминавшейся статье «Единая военная доктрина и Красная Армия»: «При первом удобном случае волны буржуазного, капиталистического моря, окружающие наш пролетарский остров, вновь ринутся на него, стремясь смыть все завоевания пролетарской революции. И в то же время пламя революционного пожара все чаще и чаще вспыхивает в разных странах буржуазного мира, и грозный топот готовящихся к штурму его пролетарских колонн говорит о каких-то попытках и с другой стороны». При этом Фрунзе делал однозначный вывод о неизбежности войны с самыми решительными целями: «Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может»⁵.

Аналогичную точку зрения высказал в опубликованном в 1921 году сборнике статей «Война классов» М.Н.Тухачевский. По его словам, «советская Россия является распространителем социалистической революции для всего мира»⁶.

Тухачевский самым радикальным образом обобщал характер доминирующих отношений в мире: «Совершенно невозможно вообразить, чтобы мир, потрясенный до своих основ мировой войной, мог бы вдруг спокойно поделиться на две части — социалистическую и капиталистическую, которые могли бы вдобавок жить в мире и согласии. Совершенно ясно, что такого времени не настанет и социалистическая война будет непрерывна до победы той или другой стороны»⁷.

В рассуждениях и военной практике М.Н.Тухачевского в начале 20-х годов идея «революции на штыках» занимала едва ли не центральное место. Она нашла отражение в знаменитом в свое время приказе войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 г. Завершалось обращение командования Западным фронтом к бойцам так: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на запад. На

западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках принесем мир и счастье трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»⁸. За подписью командующего армиями фронта М.Тухачевского следовали подписи членов Реввоенсовета фронта И.Т. Смирли и И.С. Уншлихта, старых профессиональных революционеров, и начальника штаба Шварца.

М.В.Фрунзе, апеллируя и к руководству партии, и к народу в целом, подчеркивал, что «наша страна по-прежнему находится в положении осаждаемой крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал»⁹. Формула «осаждаемой крепости» оказалась весьма живучей, пройдя с различными модификациями через послевоенное образование «двух мировых систем» и их «противоборство» вплоть до конца 80-х годов.

Тогда же, в 20-е годы, идеи Фрунзе получили развитие в его докладе на совещании комсостава Украины и Крыма, на базе которого были приняты тезисы «Обучение войск. Военное и политическое воспитание Красной Армии».

О функции Красной Армии в этих тезисах говорилось так: «... Красная Армия будет выполнять в дальнейшем свое боевое назначение в условиях революционной войны, либо защищаясь против нападения империализма, либо выступая совместно с трудящимися других стран в совместной борьбе»¹⁰.

В 20-е годы под влиянием гиперболизированных идей марксистской философии, феномена революции и гражданской войны в России многие военные теоретики полагали, что тыл буржуазных государств в социально-политическом отношении будет крайне неустойчивым и это умножит возможности Красной Армии. Предельно заостряя данный вопрос, М.Н.Тухачевский писал в «Войне классов»: «...Государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Такого рода идеи были весьма популярны в партийных и военных руководящих кругах СССР, служили интересам предельной мобилизации ресурсов страны на решение внешних задач военными средствами. Одновременно Тухачевский подчеркивал, что «источником комплектования армии является пролетариат всего мира независимо от национальности»¹¹.

Это не было чисто теоретической посылкой или лозунгом, не подкреплявшимся практическими действиями.

В ходе советско-польской войны 1920 года, когда войска Красной Армии вступили на территорию Польши, Временный революционный комитет Польши (Польревком), образованный по решению Польского бюро ЦК РКП(б), в которое входили Ф.Э.Дзержинский (председатель), Ф.Я.Кон, Ю.Ю.Мархлевский, Э.Я.Прухняк, Ю.(И.С.)Уншлихт, приступил не только к национализации земли и установлению советской власти на территории, находившейся под контролем Красной Армии, но и к формированию польских красных добровольческих частей. Были организованы курсы польских красных командиров (свыше 1 тысячи человек, сначала в Бобруйске, а затем в Смоленске, потом в Москве)¹².

Польская кампания Красной Армии явилась разительным примером влияния политики на характер войны. Причем для того времени — довольно неординарным примером, где переплелись идеологизированная политика «революции на штыках» (в период прорыва на Варшаву в особенности) со всплеском российского патриотизма, ранимированного и официально поощряемого (в периоды успехов армии Пилсудского в начале и конце этой кампании). Когда польские войска, поощряемые Антантой, далеко вклинились на территорию Белоруссии и Украины, в самых различных слоях населения, в том числе среди бывших офицеров и генералов старой армии, возник подъем патриотических чувств.

Примечательно в этом отношении мнение возглавившего Особое совещание при главнокомандующем всеми силами республики генерала А.Брусилова, изложенное им в письме начальнику Всероглаштаба.

Брусилов писал: «За последние дни мне пришлось читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по-видимому, желают захватить все земли, входившие в состав королевства Польского до 1772 г., а может быть, и этим не ограничатся». Для отражения этого нашествия, по мнению Брусилова, «первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой боеспособности армии не будет»¹³.

Брусилов был достаточно умен и прозорлив, чтобы избежать при этом прямого обращения к старым имперским планам России в отношении Польши, обосновывавшимся в том числе идеей «славянского единства», тем паче принесенной на штыках «классовой солидарности». «Необходимо нашему народу

понять, что старое, павшее правительство было неправо, держа часть польского братского народа в течение более столетия насильственно под своим владычеством. Свободная Россия правильно сделала, немедленно сняв цепи со всех бывших подвластных народов, но, освободив поляков и дав им возможность самоопределиваться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежавшие русскому православному народу, необходимо отразить силою»¹⁴, — писал Брусилов.

В «Воззвании ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» от 7 мая 1920 г. А.А.Брусилов и другие члены Особого совещания апеллировали к чувству любви и преданности к Родине, к национальному единению перед лицом иностранной агрессии.

«В этот критический, исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к Родине и зываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию»¹⁵.

Заслуживает внимания оценка характера советско-польской войны, содержащаяся в статье без подписи в журнале «Военное дело» в июне 1920 года: «Наступила весна, и несмотря на неимоверно тяжелые зимние походы и блестящие победы Красной Армии, ее оружие снова обнажено на западе, где гремит непрерывная канонада и решается вековой спор с ляхами. Еще несколько месяцев усилий красных бойцов Руси нужны для окончания цикла возгоревшихся войн 20-го века! Гремят призывом боевые трубы по всей Руси, скликающая бойцов на последний, «смертный» бой с ляхами!

*Эй, Русь, вперед на защиту своих «вековых» прав — встань, как один, против недруга!»*¹⁶

Многие откликнулись на призыв Брусилова и Особого совещания, но брусиловская оценка войны с Польшей не стала да и не могла стать доминирующей.

Более характерной для советской военной мысли того периода была весьма идеологизированная оценка Н.Е.Какурина*, известного в то время командира Красной Армии. «Борьба Советской России и панской Польши — это первое в истории столкновение в международном масштабе политики пролетарского и капиталистического государств... польско-советская война является не борьбой двух народов, а борьбой пролетариата, уже сбросившего свои цепи, за свободу другого пролетариата, которому собственными своими силами еще не удалось свергнуть иго своих поработителей»¹⁷.

О том, как расценивало командование Красной Армии политический характер советско-польской войны, говорит замечание, сделанное Главкомом всех Вооруженных Сил республики Сергеем Сергеевичем Каменевым. Когда войска Западного фронта, возглавляемого Тухачевским, уже охватили Варшавский район полукольцом, по оценке Каменева, «наступил тот момент, когда рабочий класс Польши уже действительно мог оказать Красной Армии ту помощь, которая дала бы Рабоче-Крестьянской России обеспеченный мир, без угроз новых нападений, но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то запрятали»¹⁸.

Одним из главных противников упрощенного подхода к войнам будущего как исключительно классовым и революционным был А.А.Свечин. Не исключая полностью вероятности революционного характера войны, Свечин в то же время развивал мысль о том, что строить исключительно на таких военно-политических расчетах политику и военную стратегию неверно и опасно. Это может при-

* Николай Евгеньевич Какурин был из числа старших офицеров старой армии; он окончил в 1910 году Академию Генерального штаба, дослужился до звания полковника. В Красной Армии оказался отнюдь не с первых месяцев гражданской войны. В ходе советско-польской кампании временно исполнял обязанности командующего сначала 3-й, затем 4-й армиями (входившими в состав Западного фронта, возглавлявшегося Тухачевским), позднее стал помощником командующего Западным фронтом. То есть Какурин не был ни политработником, ни командиром из числа младших офицеров старой армии, которым прежде всего и оказалось свойственно идеологизированное представление о войнах.

вести к ошибочным политическим установкам, к переоценке возможностей стратегических наступательных операций и тем самым — к катастрофическим последствиям для наступающего. Для обоснования своих взглядов по этой фундаментальной проблеме Свечин обращается к целому ряду исторических примеров.

Свечин рассматривает египетский поход Наполеона, завершающей целью которого, по его мнению, был захват Индии как одной из главных опор экономического могущества Британской империи при расчете использовать антианглийское восстание индийских патриотов. Такую цель А.А.Свечин полагал авантюрой.

«В замысле Наполеона крупную роль играл Типо-Саиб — индийский патриот, организовавший восстание в Индии против английской эксплуатации. В замыслах Ганнибала крупное место занимали обещания только что завоеванных Римом галлов, населявших долину По, — дружно восстать против Рима и помочь карфагенскому полководцу. В кампании 1920 года крупные надежды возлагались на польский пролетариат». Обобщая уроки отдаленного и недавнего прошлого, Свечин заключал: «Опыт истории не слишком утешителен. Революционные войны, однако, часто связаны с такими надеждами и толкают на стратегический риск»¹⁹.

В оценках характера будущей войны, опиравшихся на глубокое знание и понимание истории, а не на экстраполяцию в будущее, в угоду политическим настроениям вождей «мирового пролетариата», лишь опыта гражданской войны в России, Свечин оказался в целом прав. И локальные вооруженные конфликты с чанкайшистами на КВЖД в 1929 году, с Японией в 1938 и 1939 годах (на озере Хасан и р.Халхин-Гол), и советско-финская война 1939/1940 года, и главное испытание для советского государства — война с нацистской Германией и ее сателлитами в 1941 — 1945 годах не подтвердили мнения его оппонентов, утверждавших, что все войны, которые предстоят СССР, будут войнами революционными, классовыми. Вследствие ряда известных исторических причин Гитлеру, нацистской партии и подчиненному ему государственному аппарату удалось заставить основную массу немецкого народа воевать против Советского Союза. Тем не менее, как это будет показано далее, попытки придать войнам классовый, революционный, а следовательно — из-

начально справедливый, согласно марксистско-ленинской трактовке, характер не прекращались (пример тому — афганская война 1979 — 1989 гг.).

Опираясь на анализ глубоких исторических тенденций, обращая внимание на социально-политические и промышленно-экономические возможности сторон, А.А.Свечин постоянно подчеркивал, что будущая война для Советского Союза будет делом тяжелым, она, скорее всего, примет затяжной характер, потребует поэтапной мобилизации огромных ресурсов, напряжения сил всего народа. Он предостерегал от упования на быстрые успехи, на реализацию идей так называемой «стратегии сокрушения», которая позволила бы решить судьбу войны Советского Союза с его главными капиталистическими противниками блестящей серией наступательных операций в короткие сроки.

Исследуя совокупность политических, экономических и военно-технических возможностей сторон, Свечин писал, что в современных условиях, когда сталкиваются мощные государства и их коалиции, войны неизбежно принимают затяжной характер, при которых формы борьбы, в первую очередь вооруженной, могут быть весьма разнообразными. Именно в этом контексте Свечин употреблял термин «стратегия измора». Термин «стратегия измора», кстати, он считал не вполне отражающим суть явлений, присущих такой войне. Свечин писал, что этот термин «очень плохо выражает все разнообразие оттенков различных стратегических методов, лежащих за пределами сокрушения»²⁰. На это и ряд других разъяснений Свечина его критики предпочли не обращать внимания.

«Стратегия измора», по мнению Свечина, «отнюдь не отрицает принципиально уничтожение живой силы неприятеля, как цели операции, но она видит в этом лишь часть задачи вооруженного фронта, а не всю задачу», и в современных условиях «приходится обдумывать не только ориентирование усилий, но и их дозировку». Свечин подчеркивал, что при «стратегии измора» могут преследоваться столь же решительные военные и политические цели, как и при «стратегии сокрушения»²¹.

С фундаментальными военно-политическими и стратегическими выводами Свечина о характере будущей войны органично сочетаются его размышления об экономико-географических факторах.

Он неоднократно обращал внимание на необходимость учитывать возможность захвата части территории СССР противником в случае агрессии с Запада и в связи с этим на важность военно-стратегических соображений при строительстве новых промышленных объектов на западе СССР. «...Постройка могучих источников электрической энергии — Днепрострой, Свирстрой, — которым в будущем суждено индустриализировать целые районы, требует не только предварительной технической и экономической, но и компетентной стратегической экспертизы»²². В этой связи он особое внимание обращает на Урал, как на район, где должна быть сосредоточена сравнительно малоуязвимая в будущей войне промышленность.

Особую тревогу у Свечина вызывала судьба Ленинграда, который он именовал «Севастополем будущей войны», имея в виду судьбу, выпавшую на долю Севастополя во время Крымской войны в середине XIX века.

Предостерегая против дальнейшей концентрации в Ленинграде промышленности и населения, Свечин писал о том, что «царское правительство умудрилось сосредоточить в Петрограде много учреждений, не стесняясь того, что оно вступило при этом в борьбу с природой. Ленинградская промышленность в 1925 г. представляла 14,6% всей промышленности СССР. В том числе в Ленинграде было сосредоточено: 56% резиновой промышленности, 48% — электротехнической, свыше 13% — металлической промышленности, главным образом столь важная для мобилизации промышленности постройка двигателей типа дизель, станков, оборудования... Невыгоды стратегического положения Ленинграда еще усугубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья»²³.

Несмотря на такой разносторонний и глубокий подход к стратегии в будущей войне, Свечин явно мало внимания уделял роли танков и ударной авиации. Среди советских специалистов М.Н.Тухачевский прежде всего обратил внимание на эти средства вооруженной борьбы.

Критикуя Свечина, Тухачевский, в частности, писал, что уже в 1918 году «началось громадное развитие техники, танков, авиации и т.д.» при подготовке крупнейших операций Францией, Англией и Соединенными Штатами на завершающем этапе первой мировой войны, когда они не надеялись закончить войну в 1918 году и готовились к военным действиям и в 1919-м²⁴.

Свечин предвидел возможность использования в массовом порядке артиллерии, танков и авиации в первую оче-

редь на Западе, со стороны тех или иных вероятных противников СССР. Одновременно он считал нереальным обеспечить оснащение Красной Армии в обозримой перспективе достаточным количеством высококачественной боевой техники. Свечин полагал, что уровень промышленного развития СССР, несмотря на развернувшуюся индустриализацию, не позволит Советскому Союзу быстро сравняться с Западом по оснащенности боевой техникой, по способности ее использования должным образом в стратегическом, оперативном масштабах²⁵. При этом он отнюдь не становился на позиции сторонников стратегической конницы. Он призывал к тому, чтобы основной упор был сделан на развитие пехоты Красной Армии и на оснащение ее надежными и эффективными средствами ближнего боя.

Такие взгляды Свечина вызвали резкие нападки, в том числе и со стороны Тухачевского, считавшего, что Свечин недооценивает возможности индустриализации страны и хочет якобы сохранить техническое отставание Красной Армии от ее потенциальных противников.

Но развитие военного производства в СССР шло стремительными темпами. 30 июля 1928 г. был утвержден первый пятилетний план развития и реконструкции Вооруженных Сил СССР на 1928 — 1932 годы. К концу пятилетки предусматривалось, в частности, иметь 1075 танков²⁶. Уже в 1929 году «в связи с успехами в социалистическом строительстве», ускорением темпов индустриализации Реввоенсовет СССР по указанию правительства пересмотрел план развития Вооруженных Сил. Во главу угла ставилась задача массового обеспечения Красной Армии по трем решающим видам вооружений: воздушному флоту, артиллерии, танкам²⁷. Еще раньше были пересмотрены в сторону резкого увеличения задания по производству танков — теперь к концу пятилетки их планировалось иметь 3500 вместо 1075 единиц.

К концу 1931 года армия получила уже до 900 боевых машин. Во второй половине того же года началось увеличение производства танков. С 1932 года Красная Армия стала получать ежегодно свыше 3000 танков и танкеток (эквивалент современных бронированных разведывательных машин)²⁸. Нарращивание производства танков и других видов вооружений в 30-е годы началось в рамках реализации сталинской концепции «усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в об-

ности сельского хозяйства». На XVI съезде ВКП(б) без какого-либо серьезного обсуждения и критики были приняты предложения Сталина удвоить и утроить многие и без того напряженные задания пятилетнего плана. Ни одно из них не было выполнено, хотя развитие промышленности было значительно ускорено.

Именно в те годы и была создана основа той оборонной промышленности, которая развивалась вширь и вглубь (за счет максимального выкачивания средств из сельхозсектора, снижения жизненного уровня населения в целом) вплоть до конца 80-х годов²⁹.

Вложения в оборонные отрасли в целом оправдали себя в годы Великой Отечественной войны, однако их создание сопровождалось огромными издержками, бесчеловечной эксплуатацией и растратой ценнейшего «человеческого материала». Не миновали оборонную промышленность и массовые репрессии в конце 30-х годов, поставившие ее накануне решающего испытания в весьма тяжелое положение.

2. Маневренный характер будущей войны и роль стратегической конницы

Как и многие другие высшие командиры Красной Армии того времени, М.В.Фрунзе исходил из того, что будущие войны, в которых придется участвовать Советской России, будут носить маневренный характер. Не отрицая особую роль, которую сыграла стратегическая конница в гражданской войне в России, носившей высокоманевренный характер, Фрунзе, полемизируя с излишне ретивыми сторонниками конницы, писал, что «опыт только гражданской войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех»³⁰. И в целом, по мнению Фрунзе, опыт гражданской войны «в значительной мере односторонен», поскольку в ходе гражданской войны и войны с Польшей приходилось иметь дело с противником или равным РККА в техническом отношении, или превосходящим, но незначительно.

В тезисах «Обучение войск» говорилось по этому поводу следующее: «Условия будущих революционных войн будут представлять ряд особенностей, приближающих эти войны к типу гражданских. В связи с этим основной характер этих войн, несомненно, будет маневренный»³¹.

Однако выступлений Фрунзе и его единомышленников оказалось недостаточно, чтобы в командовании РККА утвердился критический взгляд на роль конницы в будущей войне. Кавалеристские военачальники при жизни Фрунзе занимали в Красной Армии весьма сильные позиции.

Сразу же после гражданской войны они развернули кипучую деятельность в защиту роли конницы в будущей войне и соответственно крупных соединений стратегической конницы. Они настойчиво доказывали, в частности, что конница могла бы оказать воздействие на ход крупнейших операций и в первой мировой войне. В «Военном вестнике» накануне Кавалерийского съезда 1922 года отмечалось, что «неудачи и бездействие конницы были не следствием силы современного огня, якобы лишаящего конницу возможности действовать на полях сражений в конном строю, а следствием отсутствия веры в свой род оружия, неправильного применения конницы высшим командованием, плохого вождения конницы вследствие отсутствия талантливых начальников»³².

За сохранение видной роли конницы ратовали не только «чистые кавалеристы», но и ряд общевойсковых командиров, в том числе такой крупный уже в начале 20-х годов военачальник, как Б.М. Шапошников (он сам немало послужил в кавалерии)³³: «...мы настаиваем, чтобы конница и в будущем была «с а м о с т о я т е л ь н а» в своей оперативной работе, т.е. могла бы без содействия пехоты решать встающие перед ней боевые задачи»³⁴. Соответственно, как писал Шапошников, необходимы крупные соединения конницы. «...Мы признаем всю целесообразность существования именно крупных соединений конницы — **конных масс**, так как только они обладают всей той силой и могуществом огня, какие необходимы, чтобы проложить дорогу вперед даже по тылу противника»³⁵.

Не избежал высококультурный военный профессионал Шапошников и весьма идеологизированных оценок в своем выступлении в защиту стратегической конницы: «Приветствуем живую мысль конницы пролетариата, стремящейся к одной лишь цели — указать правильные пути для достижения победы! Что же касается значения конницы в рядах Красной Армии, то таковое глубоко верно определено данным ей историческим лозунгом: "Пролетарий, на коня"»³⁶.

Среди ярых сторонников стратегической конницы был, разумеется, Семен Михайлович Буденный — знаме-

нитый командарм 1-й Конной армии. Он считал, что даже в первую мировую войну стратегическая конница могла сыграть огромную роль. У царской России было 40 первоочередных кавалерийских дивизий, около 300 тысяч сабель, которые, если бы их двинули по глубоким тылам, все бы, как считал Буденный, «терроризировали» в тылу противника. «Ведь 1-я Конная армия больше 14 тыс. сабель никогда не имела. И вот сравните — 14 тыс. и 300 тыс. Если бы у нас было 300 тыс., мы бы этот коридор неприятельской прифронтовой полосы прямо копытами размяли бы»³⁷.

Возможно, такой подход к роли конницы имел под собой определенные основания в 20-е годы. Однако бурное развитие военной техники в период между двумя мировыми войнами, казалось бы, должно было поставить крест на роли конницы в главных военных столкновениях, которые ждали Советский Союз*. На пересмотре роли конницы настаивали Тухачевский и его единомышленники. Однако их оппоненты отнюдь не складывали своего оружия. Они пользовались каждым удобным случаем, чтобы отстаивать дело стратегической конницы и всего того, что было связано с ее развитием — прежде всего с обеспечением армии строевыми лошадьми.

Характерным в этой связи является выступление С.М.Буденного на XVII съезде ВКП(б) (январь — февраль 1934 г.). «Во время весенней посевной кампании нужно сеять хлеб, а в это время происходит выжеребовка и случная кампания. А у нас, как правило, как начнут сеять, про выжеребовку забывают, перестают обращать должное внимание и на случную кампанию. Это, к сожалению, продолжается уже три года подряд»³⁸.

Защита стратегической роли конницы не прекращалась и в конце 30-х годов, накануне второй мировой войны («войны моторов», как позже назовет ее Сталин). «Конница во всех армиях мира переживает, вернее пере-

* В то же время следует иметь в виду, что в 20 — 30-е годы конница, действуя в составе частей и подразделений, была, как считают ряд специалистов, эффективно использована в борьбе против басмачества в Средней Азии, затянувшейся на долгие годы. (См. Завелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. — М., Наука, 1981. — С.136 — 137, 140, 166.)

жила, кризис и во многих армиях мира почти сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать боевые задачи на всех боевых фронтах»³⁹, — писал К.Ворошилов в 1938 году. С 1934 по 1939 год численный состав кавалерии в РККА увеличился на 52 процента⁴⁰.

Более того, с приходом бывшего кавалериста и ветерана 1-й Конной армии С.К.Тимошенко к руководству Наркоматом обороны СССР после финской кампании (1939/1940 г.) в западных округах стали создаваться конные корпуса, тогда как механизированные (с 1936 г. — танковые) корпуса, сколоченные к середине 30-х годов, были расформированы в результате неправильной, ставшей утверждаться после гражданской войны в Испании, оценки роли танков в бою и операции, когда тактическое предназначение танка (для непосредственной поддержки пехоты) стало полагаться главным. Восстановление в структуре Красной Армии механизированных корпусов весной 1941 года было верным, но запоздалым решением: корпуса встретили войну в разгар комплектования, что и предопределило их печальную участь в начальном периоде войны.

Во время Великой Отечественной войны конница (кавалерийские дивизии и даже корпуса) широко использовалась в составе конно-механизированных групп как средство развития тактического успеха в оперативный. Однако конница практически никогда не применялась сколько-нибудь успешно для атак в конном строю, такие атаки нередко кончались весьма плачевно.

3. Роль флота в будущей войне: «борьба за проливы» или «оборона заливов»

Вопрос о роли и месте военно-морского флота в стратегическом содержании оборонных усилий советского государства и соответственно о его структуре и составе был также чрезвычайно важным.

После гражданской войны Красный Флот находился в тяжелом положении. На Черном море, на Тихом океане, на Севере военно-морских сил практически не было. На Балтике ценой огромного напряжения удавалось поддер-

иметь минимальные силы флота с небольшим числом кораблей дореволюционной постройки.

Тяжелое экономическое положение страны определяло объективные условия, в которых обсуждались в то время проблемы флота.

При этом на протяжении целого ряда лет, как отмечал, например, известный советский военно-морской деятель И. М. Лудри, Красная Армия и Красный Флот, эти «обе части вооруженной силы, шли разными путями»⁴¹. Он подчеркивал, что «борьба» морского ведомства с военным, «борьба» флота с армией — «явление не местного порядка», она развивалась не только в революционные годы, но и в царской России, не прекращалась и не прекращается в капиталистических странах. Борьбу за самостоятельность флота, считал он, можно в значительной мере объяснить тем, что в руководящих органах флота в значительном большинстве оставались те же офицеры старого флота, воспитанные на идеях его самостоятельности, доминировавших в царской России. Эта самостоятельность была закреплена и институционно — наличием, наряду с общим Генеральным штабом, отдельного Морского генерального штаба.

Лудри считал, что эти институционные недостатки прошлого в Вооруженных Силах СССР преодолены: «В лице Реввоенсовета Республики, куда входят представители морского и воздушного флота, мы имеем орган командования, обеспечивающий в достаточной степени охват всех видов оружия. Что касается оперативного его органа — штаба РККА — этого мозга армии, откуда должны протягиваться по всем направлениям нити оперативного руководства (нервы), то и в этом отношении в смысле единства за последние годы сделано много. Никто по крайней мере не мечтает об отдельном морском генеральном штабе»⁴².

Другая причина, по которой моряки всячески боролись за самостоятельность флота, — это «ликвидаторские настроения» в отношении флота, когда, особенно после кронштадтского мятежа, «господствовало мнение, что флот для СССР вообще не нужен»⁴³.

Лудри (впоследствии занявший пост заместителя начальника Морских сил РККА) сформулировал положение о роли флота, которое стало определяющим по крайней мере на 10 — 11 лет и не утратило, как считают некоторые специалисты, своего значения в наше время: «Необ-

ходимо твердо помнить, что флот не имеет самостоятельных, независимых от Красной Армии задач. Флот может и должен иметь самостоятельные операции в пределах задач, поставленных сухопутным командованием»⁴⁴.

Лудри был далеко не одинок в призывах критически оценить идеологию деятельности флота царской России. Бывший унтер-офицер на легендарном крейсере «Аврора» К.И. Душенов, впоследствии занимавший пост начальника штаба Черноморского флота, а затем командовавший 1-й Северной военной флотилией (предтечей Северного флота), писал о необходимости отсеять все, что неприемлемо для Красного Флота, что проникает в него из прошлого.

Характерными особенностями в развитии флота царской России он считал следующее:

1) несоответствие планов строительства флота экономическому развитию страны;

2) несоответствие темпов роста флота в разные периоды времени характеру политики правящего в то время класса;

3) полное отсутствие согласованности между армией и флотом в подготовке вооруженных сил в целом.

«К чему же в основном стремились царское правительство и моряки старого флота? Они стремились на «океанский простор», на «широкие морские пути». А так как всеми выходами из русских вод владели другие государства, то нужно было эти выходы захватить... Такая линия поведения царского правительства и моряков старого флота очень метко характеризовалась тов. Кожановым как генеральная линия «активно-проливных идей». В результате, — заключал Душенов, — «готовились по одним планам, а воевать приходилось по другим, по которым и были всюду разбиты...»⁴⁵.

«Ввиду огромной стоимости современных крупных кораблей наше государство не в состоянии в ближайший период времени построить мощный линейный флот, *постройкой же «малого (слабого) линейного флота» мы сыграем лишь на руку нашим вероятным противникам*»⁴⁶, — писал в 1928 году советский морской теоретик А.М. Якимичев. «Из активных средств «малой войны» в первую очередь необходимо построить средства, не поддающиеся или мало поддающиеся блокаде (авиация, подлодки, торпедные катера и пр. быстроходные легкие силы подводного флота)»⁴⁷.

Якимичев при этом вполне обоснованно говорил, что нельзя отмахиваться от неприемлемой для нас на тот мо-

мент «теории владения морем», поскольку она является «символом веры» наших вероятных противников и она «так же тяготеет над нами, как над ними (нашими врагами) тяготеет, например, «призрак коммунизма»⁴⁸.

Какое же значение в этих условиях приобретала для СССР «теория владения морем»? Якимычев давал на это следующий вполне определенный ответ: «...Если мы будем вынуждены воевать с государством, обладающим мощным флотом, то мы для борьбы с ним на море должны строить или линейный флот, не уступающий по своей силе противнику, или средства «малой войны», способные парализовать его флот. Построить линейный флот, способный к единоборству с мощным флотом нашего вероятного противника, СССР еще долгое время будет не в состоянии, следовательно, мы должны строить в первую очередь средства «малой войны». Третьего решения быть не может, ибо оно явится лишь на руку нашим вероятным противникам»⁴⁹.

Преподаватели кафедры стратегии и оперативного искусства Военно-морской академии И.С.Исаков, А.П.Александров, В.А.Белли подчеркивали резко возросшую роль в войне на море подводных лодок и авиации. Эти ученые выступали за использование подводных лодок во взаимодействии с воздушными силами против больших надводных кораблей противника⁵⁰.

По свидетельству адмирала Николая Геннадиевича Кузнецова, итог всем этим дискуссиям подвел занимавший в то время высший военно-морской пост Р.А.Муклевич, который отверг и идею создания флота, призванного обеспечить господство на море (сторонники «борьбы за проливы»), и идею военно-морских сил, состоящих лишь из малых кораблей и катеров (сторонники «обороны заливов»). По Муклевичу, флот должен был прежде всего ориентироваться на решение оборонительных задач, связанных с прибрежными театрами, но для этого нужны корабли различных классов — кроме линейных кораблей и тяжелых крейсеров так называемого вашингтонского типа⁵¹. К сожалению, вопросы развития морской авиации наземного базирования, средств противовоздушной обороны для флота, развития минного дела и борьбы с минной опасностью в ходе этой дискуссии не получили должного освещения, хотя частично и затрагивались отдельными ее участниками.

4. Конкретные оценки военно-политической обстановки во второй половине 20-х — начале 30-х годов

Представление об официальных (и публичных) оценках военно-политической обстановки того периода можно получить прежде всего из выступлений народного комиссара обороны СССР Клементя Ефремовича Ворошилова. Например, в статье «Восемь лет Красной Армии» (1926 г.) Ворошилов выделял различные аспекты международной обстановки и внутреннего положения ряда ведущих стран мира — прежде всего США, Англии, Франции и Германии. О Польше, Чехословакии, Румынии и «других мелких государствах» Ворошилов писал, что они находятся «в полной зависимости от своих великих «благодетелей». Центральные для военно-политической обстановки — мировые проблемы, «разрешение которых возможно лишь силой оружия»: борьба за господство на Средиземном море между Англией и Францией, Тихоокеанская проблема (соперничество между Америкой и Японией) и ближневосточная проблема (Турция, Мосул). «Все это, — писал Ворошилов, — усложняется мощным ростом освободительного движения народов Востока, которое принимает все более и более обширные размеры»⁵².

Нельзя не отметить, что здесь Ворошилов, в отличие от других партийных руководителей, практически ничего не говорит о мировой революции, о грядущем неизбежном столкновении между СССР и капиталистическими государствами и т.п. В ворошиловском выступлении явно видна опытная рука российских военных профессионалов старой школы, еще работавших в то время на высоких должностях в Красной Армии, в том числе и в военной разведке, и готовивших, по-видимому, эту статью.

Значительное место в статье отводилось анализу военной политики ведущих капиталистических государств, продолжающих, по оценке Ворошилова, наращивать свои вооружения. Подвергая критике политику Англии, Франции, Италии, США, Японии в военной области, Ворошилов подчеркивал, что еще на Генуэзской конференции устами тов. Чичерина Советский Союз предлагал разоружиться, что в 1923 году в Москве «мы... создали сопредельные с нами государства для того, чтобы вместе с ними попытаться договориться о сокращении вооружений, а может быть, и разоружении, хотя бы относительном». Под

влиянием Англии и других держав, продолжает он, «наши соседи отказались не только от разоружения, но и от дальнейших разговоров на эту тему»⁵³.

Оценивая военно-политическую обстановку, Ворошилов приводит сведения о численности вооруженных сил ряда государств, деятельность которых в военно-политической сфере в тот период, по-видимому, заслуживала наибольшего внимания с точки зрения интересов безопасности СССР.

Для Франции он называет цифру в 685 тыс. чел., отмечая при этом, что в 1913 году она имела лишь 546 тыс. чел.; для Великобритании — 329 тыс. чел. (вместо 441 тыс. чел. накануне первой мировой войны); для Италии — 291 (вместо 400 тыс.), но при этом еще 295 тыс.чел. «фашистских войск». Для США Ворошилов констатирует сильное увеличение армии — с 226 тыс. в 1913 г. до 408 тыс. в 1925 году. У Японии силы сократились на 70 тыс.чел., вместе с тем отмечается в скрытом виде наличие десятков тысяч «вооруженных людей». Всего же по этим пяти государствам Ворошилов насчитывает 1918 тыс. против 1880 тыс. в 1913 году. Далее в статье приводятся данные о размерах вооруженных сил соседей СССР — Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии (Литва в этом перечне отсутствовала*).

По оценке Ворошилова, Финляндия по сравнению с 1923 годом увеличила (к 1926 г.) свою армию на 3 тыс. чел.(в результате чего у нее стало 33 тыс. чел.); Эстония увеличила свою армию с 12 тыс. до 14 тыс. чел.; Латвия — с 20 тыс. до 22 тыс. чел., Польша — с 264 тыс. до 325 тыс., Румыния — со 153 тыс. до 158 тыс.⁵⁴ Ворошилов отмечает, что общая численность армий сопредельных с СССР на Западе государств также возросла и составила 552 тыс.человек.

«Только наш рабоче-крестьянский Союз сократил свою армию с 5,5 млн. чел. до 562 тыс.** СССР численности

* В ряде архивных материалов более позднего периода автору удалось обнаружить свидетельства того, что к концу 20-х годов у Литвы и СССР установились особые отношения в военной области, которые носили секретный характер и были связаны с особенностями отношений обеих стран с Польшей.

** Численность Красной Армии в 5,5 млн. чел. не обеспечивала ей должной боевой мощи в военное время. Как отмечалось в коллективном труде «Гражданская война 1918 — 1921 гг.», причины этого лежали в чрезвычайном росте тылов как в глубине страны, так и в прифронтовых полосах. Во всей армии, говорилось в труде, было 5500 тыс. едоков, около 700 — 800 тыс. бойцов и из них около 400 — 500 тыс. штыков, — иначе говоря, за каждым штыком на фронте стояло еще 10 едоков в тылу. Такая армия поглощала колоссальные ресурсы, полезный же эффект был самый ничтожный. (Гражданская война 1918 — 1921 гг. Том второй. Военное искусство Красной Армии. — М., Военный вестник, 1928. — С.89.)

Красной Армии не повышает, но и понижать, пока мы окружены столь «миролюбиво» настроенными державами, не можем»⁵⁵, — заключал К.Е.Ворошилов.

Важные и весьма откровенные оценки военно-политической обстановки и характера будущей войны в тот период (то есть незадолго до прихода к власти в Германии нацистов) содержатся в секретной записке А.А.Свечина К.Е.Ворошилову «Будущая война и наши военные задачи» и ответе на нее Б.М.Шапошникова.

В разделе «Политические условия будущей войны» Свечин писал, что война против СССР может быть развязана только коалицией государств. Ведущую роль в ней он отводил Англии и Франции. Соединенные Штаты будут оказывать коалиции финансовую и материальную поддержку, «но от непосредственного участия в военных действиях на первое время воздержатся». Германия вынуждена будет заключить военную конвенцию о пропуске по своим железным дорогам военных грузов и войск в Польшу, а также об усилении своим подвижным составом польских и румынских железных дорог. Свечин считал, что за непосредственную помощь Польше войсками Германия потребует Данцигский коридор, на что Польша, в свою очередь, может согласиться лишь в крайнем случае — при появлении Красной Армии под Варшавой.

Эстония, Латвия и, вероятно, Финляндия на первый момент получают задание мобилизовать свои армии, чтобы сковать определенную часть сил СССР, но, как считал Свечин, временно сохраняют свой нейтралитет, что будет провоцировать СССР на нарушение их «вооруженного нейтралитета», а оно, в свою очередь, «было бы встречено коалицией с радостью». О Литве Свечин в своей записке не упоминает.

Далее Свечин писал, что «вторжение Красной Армии в пределы хотя бы фиктивно нейтральных государств подведет известную материальную базу под агитацию и пропаганду коалиции»⁵⁶.

Особое внимание в записке обращалось на политику коалиции в отношении различных национальностей и отдельных регионов СССР. «Коалиция будет стремиться использовать самым широким образом национальный вопрос на Украине и в Закавказье, а также особенные трудности, испытываемые Советской властью на черноземном юге, а также в казачьих областях Дона и Кубани». С учетом этого фактора, а также того, что «Украина, Донецкий бассейн,

Северный Кавказ и Закавказье являются особенно богатыми областями, производящими ценные для экспорта пшеницу, нефть, руду и уголь, представляющими особенно ценный рынок для империалистических держав», плюс то, что «эти области имеют легкий доступ со стороны Черного моря, эксплуатация и обращение их в колонию особенно удобно, обеспеченно, рентабельно и соблазнительно»⁵⁷. Свечин считал, что эти области явятся первыми непосредственными объектами операций коалиции.

Далее, переходя к планам подготовки Красной Армии к такой войне, Свечин писал: «В пределах ближайших 15 лет мы не можем базировать наш успех в борьбе с империалистической коалицией на количественном и качественном превосходстве техники Красной Армии. Надо ликвидировать порожденные пятилеткой настроения о техническом «шапками закидаем», нашедшие столь яркое отражение в книге Триандафилова и в выступлениях Тухачевского... Центр тяжести усилий коалиции будет направлен на создание сплошного фронта от Полесья до Каспийского моря. Главные силы польской армии и вся румынская армия имеют первоначальной задачей наступление и утверждение на линии Днепра»⁵⁸.

«Задача Красной стратегии и в начальный период войны заключается в том, чтобы ухватиться за слабейшее звено в системе построения неприятельских фронтов, добиться первого и крупного успеха и быстро вернуть себе свободу маневра главных сил. Эта задача будет выполнена только при направлении начального удара на Румынию. В политико-социальном и военном отношении Румыния представляет собой слабейшее и важнейшее звено коалиции»⁵⁹.

Ответ на записку А.А.Свечина был составлен Б.М.Шапошниковым, занимавшим в ту пору пост начальника оперативного отдела штаба РККА. Он писал: «Не обладая достаточными к тому данными, эти мыслители нередко впадают на ошибки, но все же к их суждениям не только интересно, но даже и нужно прислушиваться как к мнению людей «свежих», т.е. не сидящих на постоянной работе и скорее отмечающих те или иные ошибки»⁶⁰.

Записка А.А.Свечина, по мнению Шапошникова, представляет интерес с точки зрения проверки предположений по ведению будущей войны, основ построения Красной Армии на военное время, проверки наших учений об операции и тактике.

Шапошников соглашался со Свечиным в том, что в будущей войне Советскому Союзу будет противостоять коалиция государств и что в этой коалиции ведущая роль будет принадлежать Франции. Что же касается Англии, то Шапошников, оценивая расстановку сил внутри этой страны, не записывает ее столь однозначно в число главных противников СССР. Опираясь на ленинское положение о двух типах буржуазии, Шапошников писал, что Свечин не учитывает различий между правительством лейбористов и правительством консерваторов. «Нет сомнения, что с приходом к власти консерваторов или созданием коалиционного министерства, в котором большинство бы принадлежало либералам и консерваторам, — активная роль Англии в коалиции возрастает».

Шапошников возражает против оценки Свечиным позиции США: «...Америка в настоящее время переживает хозяйственный кризис и едва ли будет бросать деньги в Европу, да еще в такие государства, как Польша и Румыния, платежеспособность которых невысока на мировом рынке»⁶¹.

Италию Шапошников на тот период, как и Свечин, исключал из числа вероятных противников СССР. (Нельзя не отметить, что в то время у СССР с Италией развивалось весьма активное военно-техническое сотрудничество, особенно в военно-морской сфере.)

С оценками Свечина «главных вдохновителей» коалиции против Советского Союза Шапошников выражает согласие так же, как и с его оценками целей руководителей коалиции⁶², которые ставили задачу: «конечно, разгром пролетарского государства и создание «колоний», которые бы вознаградили за войну»⁶³. Но тут же Шапошников делает важные оговорки: «...Поскольку будут ли будущие «колонии» платежеспособны, как то полагает А.Свечин, — это вопрос, и вопрос довольно важный. На оккупацию таких обширных пространств, какими обладает Советский Союз, не хватит военных сил, что с очевидностью показала гражданская война в 1918 году, а без центральной власти никаких выгод из «колоний» не извлечешь»⁶⁴.

Далее Шапошников критикует записку Свечина за то, что в ней мало внимания уделяется роли рабочего движения и росту коммунистических партий, подчеркивая, что этот фактор ослабляет тыл государств будущей коалиции и сдерживает, откладывает начало войны.

Он пишет: «...Экономика крупных западноевропейских государств не может найти того равновесия, которое нужно для войны с нами, безработица растет, рабочие все чаще и чаще выходят на улицу, и не так-то легко буржуазии поднять миллионные массы на войну с Советским Союзом». И делает вывод о том, что буржуазия понимает невозможность посредством войны исправить внутреннюю политику и создать гражданский мир. «На этот путь становятся только политические авантюристы, а капитализм еще далек от этой дороги»⁶⁵. Таким авантюристом, как показало будущее, стал Гитлер, поведение которого существенно отличалось от поведения любого другого крупного западного политика. Различие это было настолько велико, что многие и на Западе, и в нашей стране еще долгое время не могли поверить в то, что он действительно ставит перед Германией завоевательские задачи максимальных масштабов.

На основе своего анализа Шапошников определяет главных вероятных противников СССР: не исключено, что «крупные европейские государства выдвинут против Советского Союза крупные военные силы **других государств**, находящихся в орбите их влияния.

Таковыми государствами являются в первую очередь Польша и Румыния, а затем и лимитрофы, и Швеция»⁶⁶.

Этот вывод Шапошников подкрепляет весьма своеобразным образом. «Находящиеся в политической и экономической зависимости от крупных европейских государств указанные выше малые государства являются непосредственными соседями Советского Союза, прежде всего испытывающими страх «красной опасности», а потому и наиболее заинтересованными не только в сохранении своих границ, но и в расширении их на восток»⁶⁷.

По мнению одного из ведущих военных историков нашей страны В.М.Кулиша, явная сдержанность в оценках Шапошникова угрозы с Запада объясняется его хорошей информированностью о не слишком миролюбивых намерениях значительной части партийных лидеров СССР, а также о характере военных приготовлений страны.

В целом оба документа — записка А.А.Свечина и ответ Б.М.Шапошникова — представляют собой весьма подробный анализ и вытекающие из него оценки степени вероятности участия того или иного государства в войне против СССР в зависимости от внутривосточного положения в данном государстве, от склонности государ-

ственных руководителей к авантюризму, от его геополитического положения и от того, в какой мере в нем распространена боязнь «красной опасности». Причем Шапошников, комментируя и критикуя записку Свечина, дает, как представляется, более глубокий анализ военнополитической обстановки, демонстрируя способность дифференцированно и трезво оценивать вероятность участия того или иного государства в войне против СССР.

Уровень военнополитического анализа в записке Б.М.Шапошникова следует признать весьма высоким, едва ли не эталонным для нашей страны на многие годы вперед.

5. Теория начального периода войны

Еще в конце 20-х годов ряд советских военных специалистов в своих оценках характера будущей войны особо выделяли ее начальный период. Они прежде всего анализировали опыт первой мировой войны. Тогда под начальным периодом понимался отрезок времени со дня официального объявления войны и общей мобилизации армии до начала приграничного сражения главных сил, развертываемых на театре военных действий по плану войны. Основным содержанием этого периода были: (а) мобилизация, (б) сосредоточение и (в) стратегическое развертывание главной массы вооруженных сил воюющих сторон⁶⁸. Для Германии и Франции начальный период продолжался 16 — 17 дней⁶⁹.

Начальник Отдела мобилизации штаба РККА С.И.Венцов, выступая на конференции командного и политического состава Украинского военного округа в декабре 1925 года, обратил внимание на содержание предмобилизационного периода, суть которого он раскрыл так: «...В случае угрозы войны начинается проведение целого ряда мероприятий, которые должны служить для ускорения мобилизационной готовности...»⁷⁰. Для решения задач начального периода войны обсуждались различные методы прикрытия мобилизации и стратегического развертывания. Например, предлагалось создать «войска завесы» из конницы, усиленной стрелками и техническими войсками (бронесилы, артиллерия, пулеметные части, авиация), и системы крепостей, отдельных фортов и укреплений⁷¹.

Существенный вклад в разработку стадии начального периода войны внес А.А.Свечин. Он ввел в 1926 году в на-

учный оборот два новых понятия: «предмобилизационный период», к которому относил подготовительные мероприятия, осуществляемые до объявления войны и начала общей мобилизации, и «особый период войны» — от ее объявления до начала крупных операций, когда происходят общая мобилизация, развертывание и сосредоточение вооруженных сил для ведения первых крупных операций. Этот особый этап он назвал *начальным периодом войны*.

Отказавшись от старой терминологии и используя новые понятия, Свечин сделал известный шаг вперед. В то же время в его понимании начальный период оставался по-прежнему периодом подготовки к главным операциям и включал в себя, по существу, все те мероприятия, которые входили раньше в «подготовительную операцию» (по терминологии крупного русского военного теоретика конца XIX века Г.А.Леера). А.А.Свечин считал, что в этот период по-прежнему будут развертываться частные бои и сражения, а возможности ведения крупных боевых действий в это время и он не допускал⁷².

Параллельно с А.А.Свечиным основательно разрабатывал данный вопрос и Б.М.Шапошников. Как утверждал Шапошников, мобилизация непосредственно связана с оперативно-стратегическим планом войны.

В первой мировой войне воюющие стороны имели намерение вести войну по принципам стратегии сокрушения. Такая стратегия требовала быстрой подготовки возможно большего числа боевых сил, быстрого их сосредоточения и почти одновременного введения в действие для достижения столь же быстрого решительного успеха⁷³.

Шапошников считал, что в такой же степени зависимость мобилизации от политических и стратегических расчетов «обнаружит себя» и накануне будущей войны. Следующая война будет не менее напряженной и длительной, чем предшествующая, и правительствам придется в ходе войны неоднократно прибегать к дополнительной мобилизации. Тем не менее мобилизация, проведенная еще до войны, должна сделать в будущей войне первый эшелон армии достаточно сильным, чтобы не потерпеть поражения в начальных операциях.

Шапошников исходил из того, что мобилизация на пороге первой мировой войны являлась фактическим ее объявлением. Поэтому государство, решившееся на мобилизацию, должно ясно себе представлять, что оно вступает на путь войны. Осознание этого факта и сложность

проведения мобилизации, когда разворачивались миллионные армии, отмечал Б.М.Шапошников, вынудили государства еще перед первой мировой войной выделить особый, подготовительный, или, как его стали называть, предмобилизационный, период, в ходе которого они стремились выполнить максимум мобилизационных мер (например, по перестройке промышленности), но скрытно и пока без объявления призыва в армию.

И накануне будущей войны, делал заключение Б.М.Шапошников, мы встретимся с наличием того же предмобилизационного периода, при этом такой период, особенно в области экономической мобилизации, начнется гораздо раньше. Следует, однако, ожидать, что обе стороны пойдут на сокращение сроков предмобилизационного периода и перейдут к фактической мобилизации сил и средств. «Во всяком случае известную постепенность и заблаговременность в подготовке мобилизации во всех областях жизни государства мы ныне будем наблюдать в гораздо больших размерах, нежели в 1914 г.», — писал он.

Так Шапошников вскрыл тенденцию, которая с различными вариациями действует и по сей день⁷⁴, — стремление государства упредить своего противника в развертывании главных сил и тем самым оказаться значительно сильнее в момент первых сражений⁷⁵.

В 30-е годы интерес у советских военачальников и военных теоретиков к начальному периоду войны еще больше возрос, что было вполне оправданно.

Эти проблемы ставили сама жизнь, массовая моторизация и механизация армий, заметное усовершенствование методов отмобилизования вооруженных сил. Особое внимание уделялось проблеме упреждения противника в стратегическом развертывании. Здесь фактически шла речь о весьма важных новых чертах в содержании начального периода войны и в самом его характере, обусловленных поступлением на вооружение армий новых средств войны, в особенности авиации и танков⁷⁶.

Этой теме была посвящена специальная статья крупного военного деятеля Р.П.Эйдемана «К вопросу о характере начального периода войны», опубликованная в 1931 году. В этой работе он утверждал, что начальный период грядущей войны будет характеризоваться ожесточенной борьбой на земле и в воздухе за право развернуться первым. «Борьба за право развернуться первым — вот что, по нашему мнению, будет характеризовать завязку буду-

щей войны». Темпы развертывания боевых столкновений, утверждал он, несомненно ускорятся. Гораздо шире будет и сам размах столкновений, причем первые же часы войны ознаменуются открытием воздушной войны⁷⁷.

В связи с бурным развитием авиации в эти годы все большее внимание стали обращать на ее роль в начальный период войны. Обстоятельно данный вопрос был, в частности, изложен в труде известного в то время советского авиационного теоретика А.Н.Лапчинского «Воздушные силы в бою и операции», изданном в 1932 году.

По его мнению, авиация в начальный период войны должна будет решать три главные задачи: сразу же после объявления войны наносить глубокие удары по тылу противника с целью срыва его мобилизации и сосредоточения; участвовать в обороне страны от воздушно-химического нападения противника, прикрывая мобилизацию и сосредоточение своих войск, и, наконец, содействовать войскам на поле боя. Лапчинский считал, что успешно решить эти задачи можно будет лишь при условии создания превосходства над противником в воздухе. Борьба за это превосходство должна развертываться с первых же дней войны. Причем в ней следует использовать истребительную, штурмовую и бомбардировочную авиацию, зенитную артиллерию, стрелковое оружие, а для уничтожения аэродромов или дезорганизации их работы — огонь дальнобойной полевой артиллерии, действия конницы и моторизованных частей, диверсионные действия партизан. Особую роль в начальный период войны Лапчинский отводил бомбардировочной авиации, главная задача которой, по его мысли, состояла в том, чтобы внести расстройство в движение войск к районам сосредоточения и тем самым нарушить оперативные планы противника⁷⁸.

Советские военные теоретики и представители высшего командного состава РККА в середине и во второй половине 30-х годов продолжали заниматься проблемой *начального периода войны*, в значительной мере опираясь на разработки С.И. Венцова, А.И.Лапчинского, А.А.Свечина, Б.М.Шапошникова и других авторов. Обширная работа в этой области была проделана начальником штаба РККА А.И.Егоровым, который свои основные выводы доложил Реввоенсовету СССР.

Одно из главных положений Егорова состояло в том, что еще в мирное время враждующие стороны будут стремиться, используя скрытую мобилизацию, как можно раньше и быс-

трее собрать наиболее подвижные и маневренные силы и средства (авиацию, мотомехчасти, конные массы), чтобы в нужный момент вторгнуться на территорию противника и сорвать мобилизацию и сосредоточение его армий в пограничных районах. По мнению Егорова, сосредоточение войск будет находиться под сильным воздействием двух основных факторов: количественного и качественного состояния авиации враждующих сторон и наличия у них мотомеханизированных соединений, сочетающих большую ударную и огневую силу с большой подвижностью.

Вставал вопрос, как каждый из этих факторов повлияет на сосредоточение Красной Армии. Отвечая на него, он указывал, что наземные войска противника, встретясь на западных границах Советского Союза с крупными водными преградами и укрепленными районами, не окажут существенного влияния на железнодорожные перевозки и сосредоточение советских войск*. Наибольшую опасность, по мнению Егорова, представит авиация, которая действиями с воздуха и высадкой десантных групп может активно помешать ходу перевозок на глубине до 600 — 800 км⁷⁹.

По мысли Егорова, военные действия в начале войны будут отличаться широким размахом и высокой напряженностью. Важнейшую роль приобретет военно-воздушный флот.

Что касается крупных мотомехчастей (в тезисах они названы группами вторжения), то они во взаимодействии с конными массами и авиацией, поддержанные в первые дни пограничных сражений пехотными частями, развернут наступление на территории противника. Эти группы будут решать такие задачи, как уничтожение частей прикрытия, срыв мобилизации в пограничных районах и принуждение противника к перенесению рубежей развертывания в тыл, захват и удержание в тылу оперативно важных районов. «Однако, — указывал Егоров, — необходимо учесть, что группы вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армиям прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решительного поражения... главным силам. Это — задача последующего периода операций, когда закончится оперативное сосредоточение»⁸⁰.

В середине 1934 года М.Н.Тухачевский написал статью «Характер пограничных операций», где выражал свою точку зрения на данный вопрос. (Впервые опубликована эта статья была в 1964 г.) В новых условиях, утверждал М.Н.Тухачев-

* Этот вывод имел под собой известные основания, т.к. тогда границы СССР еще не были передвинуты на несколько сот километров на запад, как это было сделано в 1939 году, а линия укрепрайонов вдоль границы постоянно усиливалась.

кий, проведение мобилизации и стратегического сосредоточения становится возможным лишь при новой организации пограничного сражения. Теперь «пограничное сражение будут вести не главные силы армии, как это было в прежних войнах, а особые части, особая передовая армия, дислоцированная в приграничной полосе»⁸¹.

По мысли М.Н.Тухачевского, она должна быть сильным, высокomeханизированным объединением и включать в себя помимо наземных войск крупные военно-воздушные силы, дислоцированные не далее чем в 150 — 200 км от границы. Механизированные корпуса этой армии еще в мирное время должны содержаться по штатам, близким к военному времени, и располагаться не далее 50 — 70 км от границы, с тем чтобы они с первого же дня мобилизации имели возможность перейти границу. Конницу, которая должна закреплять успех мехсоединений, также в составе, близком к военному времени, следует располагать в непосредственной близости к границе. Сюда же должны были прибывать и части пехоты на автомобилях, имея задачу развивать и закреплять успех мехвойск и конницы. В составе передовой армии предполагалось иметь самоходную артиллерию. В тесном взаимодействии с армией в начальных операциях должны были участвовать и воздушно-десантные войска.

По мнению Тухачевского, передовые армии начнут широкие наступательные действия сразу же после объявления войны или в первый день мобилизации нападением бомбардировочной и штурмовой авиации на систему аэродромов и посадочных площадок противника, на узлы железных и шоссейных дорог в полосе 150 — 200 км от границы. В это же время произойдет выброска авиадесантов в тыл врага на глубину до 250 км для срыва мобилизации и диверсий на железных и шоссейных дорогах. Одновременно с началом действий воздушных и воздушно-десантных сил начнут вторжение подвижные войска.

«Если предположить, — пишет Тухачевский, — что решающего успеха в столкновении авиации не достигнет ни одна сторона, то картина стратегического сосредоточения сторон станет пестрой. Частично войска будут сражаться в глубине, частично будут подаваться в эшелонах до границы и т.д.»⁸².

Если же одной из сторон удастся воспрепятствовать вторжению противника, нанеся ему поражение воздушными силами, к моменту выгрузки отмобилизованных армий из эшелонов стороны будут разделены расстоянием до 250 км. Тогда столкновение главных сил произойдет примерно через неделю, но уже на территории страны, наиболее пострадавшей от первых ударов⁸³.

Начало второй мировой войны, избранная фашистской Германией стратегия ее ведения, опробованная на Польше в сентябре 1939 года, объективно послужили новым импульсом к развитию советской военной мысли, особенно в том, что касается пространственно-временных характеристик начального периода военных действий, столь занимавших умы военачальников и теоретиков еще с 20-х годов. Одним из первых, обративших внимание на роль стратегической внезапности в оценках возможного характера начального периода, был профессор военной академии Генерального штаба комдив Г.С.Иссерсон.

Как отмечал комдив в своей книге «Новые формы борьбы», вышедшей в свет в 1940 году, несмотря на очевидный рост напряженности в отношениях между Польшей и Германией еще с конца 1938 года, вылившейся накануне войны в открытые взаимные угрозы, начало военных действий оказалось небывалой стратегической внезапностью. «...Когда 1 сентября (1939 г. — А.К.) германская армия с полностью развернутыми силами открыла военные действия, перейдя границы бывшей Польши на всем протяжении, граничащем с Германией, это все свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность.

Никто не может теперь сказать, когда же произошла мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн, и в частности первой мировой империалистической войны, вполне определены рамками во времени»⁸⁴.

Г.С.Иссерсон сделал вывод: «История столкнулась с новым явлением»⁸⁵. По его оценке, все разработки военных теоретиков относительно «армии вторжения» как первого эшелона, за которым выступает масса главных сил, оказались несостоятельными. Масса главных сил сразу же была приведена в действие*.

6. Оценки перемен в военно-политической обстановке после прихода к власти в Германии нацистов

После того как к власти в Германии пришли национал-социалисты во главе с Гитлером, по-иному выглядел харак-

* Г.С.Иссерсон обратил внимание на то, что о таком способе развязывания войны открыто писала германская печать накануне самой войны.

тер внешней угрозы для Советского Союза. Германия начинает рассматриваться в СССР как наиболее вероятный главный противник, оттесняя с этого места Польшу и стоящую за ней Францию.

К этому времени обозначилась неудача Всеобщей конференции по разоружению 1932 — 1934 годов, на которой впервые в международном масштабе достаточно целеустремленно проявила себя советская дипломатия.

В начале 30-х годов, еще до прихода к власти Гитлера, нарастает напряженность на Востоке. Основным источником этой угрозы — агрессия Японии против Китая, оккупация японскими вооруженными силами Маньчжурии.

На XVII съезде ВКП(б) (январь — февраль 1934 г.) Сталин заявил, что «дело идет к новой империалистской войне». Он основывал этот вывод на том, что «результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран, как внутри этих стран, так и между ними»⁸⁶. Сталин следующим образом оценивал цели потенциальных противников Советского Союза: «Они думают разбить СССР, поделить его территорию и пожить за его счет»⁸⁷. В числе этих противников он прямо называл Японию, в отношении же Европы предпочел сохранить неопределенность⁸⁸.

Результат такой войны против СССР был бы для буржуазных политиков, по мнению Сталина, самым плачевным. «...Эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям... И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божийей» (гром аплодисментов)»⁸⁹.

Эти надежды вождя разделил на съезде и командующий Особой Дальневосточной армией В.К.Блюхер: «Наши танки и наша авиация — детища нашей первой пятилетки. Я думаю, что эти детища первой пятилетки смогут выполнить социалистический долг перед Советским Союзом не только на границе, не только на фронте, но и кое-где в глубоком тылу у империалистического противника»⁹⁰.

Идеологизированные представления о характере будущей войны широко тиражировались пропагандистским аппаратом государства и во второй половине 30-х годов, порождая иллюзии скорой победы СССР в будущей войне из-за якобы присущей капиталистическим странам «классовой неустойчивости» тыла, несмотря на очевидный рост национализма, в том числе фашистского толка, в тех странах, которые в действительности, как показало близкое будущее, составили источник военной угрозы не только для СССР, но и большинства государств Запада.

Одна из наиболее примечательных оценок нового характера внешней угрозы безопасности СССР после прихода к власти Гитлера содержалась в статье М.Н.Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», опубликованной в 1935 году. Эту работу можно считать своего рода вехой в публичной оценке военно-политической обстановки того периода.

Особое значение этой статьи подчеркивает тот факт, что в процессе подготовки к публикации она рассматривалась Сталиным, и в архиве Министерства обороны СССР сохранился ее машинописный экземпляр с правкой Сталина. Он, в частности, изменил ее название: первоначально это было «Военные планы Гитлера», теперь статья называлась «Военные планы нынешней Германии», тщательно отредактировал несколько абзацев и вычеркнул почти все размышления М.Н.Тухачевского, посвященные истории войны Германии на два фронта по опыту франко-прусской кампании 1870—1871 годов и первой мировой войны.

М.Н.Тухачевский детально рассмотрел темпы строительства вооруженных сил в Германии после прихода к власти Гитлера и германские взгляды на ведение войны. Он сделал вывод, что «Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения»⁹¹. При этом он не случайно цитировал французского маршала Петэна: «В настоящее время можно представить себе войну, внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизуемыми его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи»⁹².

В статье Тухачевский сделал следующий важный и подтвердившийся в дальнейшем военно-политический вывод: «...Империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удоб-

ной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)». Тухачевский также отмечал: «Помимо всего прочего нельзя отрицать того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914 — 1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного овладения портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить»⁹³.

Именно этот абзац статьи подвергся наиболее тщательной редакции Сталина, который сделал акцент на агрессивных планах Германии в отношении Запада, прикрываемых ее антисоветскими выступлениями. Одновременно почти две страницы текста, где в основном говорилось об угрозе СССР, о том, что Гитлер рассчитывает победить на Востоке, опираясь на нейтралитет Франции и Англии, Сталин вообще вычеркнул.

Со второй половины 30-х годов напряженность международной обстановки продолжала нарастать, что затрагивало самым непосредственным образом коренные вопросы безопасности СССР.

7 марта 1936 г. германские войска вступили в демилитаризованную ранее Рейнскую область. В 1935 же году фашистская Италия захватила Абиссинию (Эфиопию), применив в ходе боевых действий отравляющие вещества в нарушение международной конвенции от 17 июня 1925 г. 17 — 18 июля 1936 г. начался мятеж правительственного комиссара Марокко генерала Франко против республиканского правительства Испании, направляемый и поддерживаемый спецслужбами Италии и Германии. Далее Германия и Италия стали осуществлять прямое военное вмешательство в гражданскую войну в Испании*. В феврале 1936 года к

* Советский Союз оказал значительную помощь правительству Испании, направляя ему вооружения, а также большое число военных советников и добровольцев, которые непосредственно участвовали в боевых действиях против мятежников. Многие из них впоследствии заняли высокие посты в Красной Армии и Красном Флоте. В Испании побывало 3000 добровольцев из СССР (при общей численности антифашистов-добровольцев из других стран свыше 42 тыс.), в том числе 160 летчиков. 200 советских граждан пали смертью храбрых. Общая же численность германского и итальянского военного персонала в Испании доходила до 300 тыс. человек (Громыко А.А., Пономарев Б.Н. (отв.ред.). История внешней политики СССР. 1917 — 1945. — М., Наука, 1976. — Т.I. — С.332).

власти в Японии пришло правительство Хироты, пользовавшегося поддержкой правого офицерства. Это правительство активизировало отношения с нацистской Германией, в результате 24 ноября 1936 г. был подписан «антикоминтерновский пакт» (сроком на 5 лет). В СССР этот пакт был воспринят как явно антисоветский. 6 ноября 1937 г. к пакту присоединилась Италия.

Разрастались масштабы японской агрессии против Китая. В 1937 году японские войска после ряда боев захватили два крупнейших китайских порта — Тяньцзинь и Шанхай, а также столицу Нанкин. 27 августа 1937 г. был подписан советско-китайский Договор о ненападении*. В октябре 1938 года произошел вооруженный советско-японский конфликт на Дальнем Востоке в районе озера Хасан, в котором приняли участие с обеих сторон довольно значительные силы.

В 1937 году нацистской дипломатии удалось добиться известного потепления в германо-польских отношениях, что вызвало тревогу как в СССР, так и во Франции и Англии (правительство полковника Бека заключило с Германией договор «о моральном ненападении», а затем договор о национальных меньшинствах).

18 марта 1938 г. Гитлер почти беспрепятственно осуществил аншлюс Австрии. В сентябре 1938 года в Мюнхене Чемберлен с Гитлером заключили соглашение о разделе Чехословакии.

* В 1930 году СССР предоставил Китаю кредиты на 50 млн. долл. В счет этих кредитов в 1938 — 1939 годах из СССР в Китай было поставлено 600 самолетов, 100 пушек и гаубиц, свыше 8 тыс. пулеметов, транспортные средства, снаряды, патроны. В середине февраля 1939 года в Китае работало и участвовало в борьбе против японцев 3665 советских военных специалистов. Среди них был Герой Советского Союза, ставший вскоре начальником Главного управления Военно-Воздушных Сил СССР, П.В.Рычагов, только что вернувшийся из Испании, где он воевал против франкистов. Рычагов осуществил в Китае несколько весьма эффективных воздушных операций. Так, например, 23 февраля 1938 г. 28 китайских бомбардировщиков полностью разгромили крупную базу японских ВВС на Тайване (см. Пинчук В. Генерал Рычагов // Авиация и космонавтика. — 1988. — № 8. — С.47). В боях на территории Китая погибло в те годы свыше 200 советских добровольцев (см. Громыко А.А., Пономарев Б.Н. (отв.ред.). История внешней политики СССР. 1917 — 1945. — Т.I. — С.336).

Но вернемся к базовым оценкам военно-политической и военно-стратегической обстановки предвоенного периода.

Одна из таких наиболее важных характеристик содержалась в докладе по вопросам стратегического развертывания РККА, подготовленном начальником штаба РККА Б.М.Шапошниковым и направленном народному комиссару обороны СССР К.Е.Ворошилову. 13 ноября 1938 г. основные положения этого доклада по Западному и Восточному театрам войны были изложены на Главном военном совете и получили в основном одобрение.

Доклад состоял из шести разделов, в которых рассматривались наиболее вероятные противники, их вооруженные силы и возможные оперативные планы, основы стратегического развертывания Красной Армии на западе и востоке. В нем подчеркивалось, что главным и опасным врагом СССР является фашистский блок — Германия и Италия, поддерживаемые империалистической Японией. Советское военное командование исходило из того, что политика правящих кругов этих стран была направлена на обострение отношений с Советским Союзом вплоть до вооруженного столкновения. Однако считалось, что к тому времени эти враждебные нам государства для осуществления агрессии против СССР не имели еще достаточных материальных возможностей, выгодных внешнеполитических позиций и свободы рук, того перевеса сил, который, по мнению разработчиков доклада, был необходим.

Считалось, что колеблющаяся политика Англии и Франции потворствует фашистскому блоку в развязывании агрессии на востоке Европы, и в первую очередь против Советского Союза, накладывает отпечаток на поведение Румынии, Болгарии и Турции, а также Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы. Делался вывод, что указанные государства под давлением Германии и буржуазной Польши все более склонялись на их сторону. Предполагалось, что Иран и Афганистан будут сохранять вооруженный нейтралитет.

В докладе подчеркивалось, что второй крупный очаг войны мог возникнуть на Дальнем Востоке: Япония (хотя и увязла в войне с Китаем) имеет достаточно сил, чтобы, опираясь на маньчжурский плацдарм, напасть на СССР в момент выступления против него государств фашистской коалиции. Таким образом, делал вывод Б.М.Шапошников, Советскому Союзу следует быть готовым к борьбе на два

фронта: на западе — против фашистской Германии, Италии, Польши и тяготевающих к ним Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, а на востоке — против Японии*.

Допускалось, что при возникновении конфликтной ситуации Литва подвергнется оккупации со стороны фашистской Германии и буржуазной Польши.

Исходя из анализа международной обстановки, изучения вероятных противников, предполагаемого развертывания их сил и средств, автор доклада делал вывод: главные и наиболее опасные противники СССР находятся все-таки на западе, поэтому западноевропейский театр войны определялся первостепенным, основным, где и намечалось сосредоточить главные силы наших войск⁹⁴.

Учитывая опыт, традиции и сложившиеся методы оперативного мышления главного вероятного противника, Б.М.Шапошников считал, что Германия и ее сателлиты могут сосредоточить свои главные силы к северу или к югу от Полесья, чтобы миновать сильно заболоченный район реки Припять. Решение этого вопроса, по оценке Генштаба РККА, было связано с внутривнутриполитическим положением в странах Центральной и Восточной Европы и его воздействием на отношения с Германией. (Ряду стран при этом в качестве приманки предлагались значительные участки территории СССР, прежде всего на Украине, в случае их участия в войне на стороне Германии.)

Что касается армий прибалтийских стран и Финляндии, то предполагалось, что они могут быть использованы Германией для концентрического удара на Ленинград и для того, чтобы отрезать Ленинградскую область от остальной территории страны.

Действия военно-морских сил противника представлялись следующим образом: немецкий флот будет осуществлять крейсерские операции и рейды подводных лодок в Баренцевом и Белом морях с целью блокады портов Мурманска и Архангель-

* По оценкам Генштаба РККА, в случае войны на два фронта противник мог сосредоточить у границ СССР 194 — 210 пехотных, 4 моторизованные, 15 кавалерийских дивизий, 13 077 орудий, 7980 танков, 5775 самолетов. Предполагалось, что на западе из этих сил будут действовать 130 — 140 пехотных, 4 моторизованные и 12 кавалерийских дивизий, 8500 орудий, 6380 танков и 4136 самолетов (не считая войск Румынии, выступление которой в тот период полагалось маловероятным, хотя и не отвергалось полностью). (См. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. — М., Воениздат, 1989. — С.125 — 126.)

ска, а в Балтийском — попытается добиться господства на море и отеснить наш флот к востоку от Готланда; в бассейне Черного моря возможно появление кораблей итальянского флота, а также немецких подводных лодок.

Далее в докладе рассматривались планы возможного развертывания главных сил вероятных противников Советского Союза на его Западном и Восточном театрах войны.

Предполагаемые действия противника на нашем Западном театре войны (для него Восточный) были представлены в двух вариантах⁹⁵.

Во многом прогноз Б.М.Шапошникова оказался верным. Однако обращает на себя внимание оценка роли Польши как вероятного союзника Германии. Это, как известно, последующими событиями не подтвердилось: Польша стала первой военной жертвой агрессии нацистской Германии во второй мировой войне, что и предвидел А.А.Свечин еще в 1926 году.

Выступая 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), Сталин характеризовал последние международные события следующим образом: «Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны».

Сталин разделял капиталистические государства на две категории — «агрессивные фашистские государства» и «неагрессивные, демократические государства», к которым он причислял Англию, Францию, США⁹⁶. На съезде Сталин подверг критике политику «неагрессивных стран», прежде всего Англии и Франции, за отказ от коллективного отпора агрессорам, от коллективной безопасности, за позицию невмешательства и «нейтралитета». Систематические уступки этих стран агрессорам он изложил в традиционном «классово-идеологическом» ключе: «Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер»⁹⁷.

В выступлении Сталина содержался и намек на то, что, неудовлетворенный поведением «неагрессивных демократических государств», он пойдет на соглашения с другими силами: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами...» Сталин не говорит о политике мирного сосуществования (сожительства) с капиталистическими государствами, а лишь о мире. Термин «мирное сосуществование» появился позже, в середине 50-х годов.

Внешнеполитические задачи страны Сталин определил следующим образом:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами»⁹⁸.

В этом, по сути дела, последнем крупном выступлении Сталина перед войной прежде всего бросается в глаза несоответствие между объективными фактами международной обстановки и весьма эфемерной постановкой политических задач, где звучали лозунговые нотки. Так, Сталин ратовал за «политику мира и укрепление деловых связей» со всеми странами тогда, когда нацистская Германия поглотила Австрию, а через неделю после выступления было подписано мюнхенское соглашение. Между тем тезис о «соблюдении осторожности», дабы не быть втянутым в конфликты «провокаторами войны», в последующем приобрел характер и масштабы государственной политики, способствующей известной военно-стратегической слепоте высшего руководства страны в 1939 — 1941 годах, когда еще можно было «переиграть» Гитлера.

17 марта 1939 г. войска нацистской Германии заняли Чехословакию, невзирая на то что новые границы ее после Мюнхена были гарантированы правительствами Англии, Франции, Германии и Италии. Тогда же германское правительство известило иностранные правительства об установлении протектората над Богемией и Моравией, то есть о ликвидации Чехословакии как суверенного государства. 22 марта 1939 г., спустя неделю после оккупации Чехословакии, Германия вынудила Литву подписать соглашение о передаче ей Мемельской области (Клайпеда). В это же время Германия потребовала от Польши передачи ей Данцига и предоставления немцам на правах экстерриториальности автострад и железной дороги в Польском коридоре.

1 сентября 1939 г. гитлеровские войска вторглись в Польшу. Началась вторая мировая война в Европе. 30 ноября 1939 г., когда Польша уже была разгромлена гитлеровскими войсками и на западе Европы продолжалась

война «третьего рейха» с союзниками Польши, советские войска (Ленинградского военного округа) перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов. Началась советско-финская война. Этой войне предшествовали сложные и напряженные дипломатические переговоры, в ходе которых советское правительство добивалось установления более приемлемой для обеспечения безопасности Ленинграда границы с Финляндией на Карельском перешейке.

1 декабря 1939 г. в занятом советскими войсками финляндском местечке Терийоки было создано альтернативное правительство во главе с финским коммунистом, секретарем Коминтерна О.Куусиненом. В тот же день оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики (ФДР) и обратилось к народу с декларацией о целях своей деятельности. В Москве, как сообщала советская пресса, об этом стало известно якобы из радиоперехватов*. В день своего создания «правительство Куусинена» было признано советским правительством, и с ФДР устанавливались дипломатические отношения. 2 декабря между СССР и ФДР был подписан Договор о взаимопомощи и дружбе⁹⁹.

На территории ЛВО был создан корпус «Финской народной армии», который насчитывал к началу декабря 1939 года 13,5 тыс. человек; в вооруженной борьбе, судя по имеющимся в архивах СССР данным, он так и не принял участия¹⁰⁰.

Создание «правительства Куусинена» должно было, по мысли советского руководства, доказать, что СССР воюет не с Финляндией, а оказывает признаваемому им финляндскому правительству помощь в освобождении страны от засилья «антинародной клики». Эту же линию проводила и пропаганда внутри СССР.

В день наступления войскам Ленинградского военного округа зачитывалась листовка, в которой говорилось: «Мы идём не как завоеватели, а как друзья финского народа... Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за

* Эта версия полностью опровергается не только логически, но и документально. В архиве Министерства иностранных дел СССР имеются проекты обращения ЦК Компартии Финляндии, декларации «правительства Куусинена» и договора о взаимопомощи и дружбе, написанные на русском языке и правленные рукой Молотова. (См. Вестник МИД СССР. — 1989. — № 22.)

дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое, финляндское, подлинно народное правительство»¹⁰¹.

Однако сталинское руководство этих целей не достигло; наоборот, создание «правительства Куусинена» только усилило сопротивление финнов, укрепив позиции властей в Хельсинки.

В действиях СССР в советско-финской войне нельзя не обнаружить повторения ряда политических элементов советско-польской войны 1920 года, когда на контролируемой Красной Армией территории был создан Польский революционный комитет, началось формирование польских красных добровольческих частей и т.п. События 1939 года показали, что должных выводов из войны с Польшей сделано не было. Не было извлечено важных политических уроков и из войны с Финляндией. Аналогичная модель, идеологический подкрепляемая марксистской концепцией революционных, классовых войн, использовалась во внешней политике СССР и позднее — при освобождении Восточной Европы от гитлеровской оккупации, а затем в венгерских событиях 1956 года, в чехословацких событиях 1968 года и, наконец, при вводе советских войск в Афганистан и на всем протяжении афганской войны в 1979 — 1989 годах.

7. На подступах к Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов

Радикальная смена ориентиров в отношении возможной военной угрозы Советскому Союзу произошла в августе — сентябре 1939 года. На следующий день после заключения советско-германского пакта о ненападении (24 августа 1939 г.) в «Правде» была опубликована статья, где говорилось о прекращении вражды между СССР и Германией. Через некоторое время антифашистская тема исчезла из всех выступлений советских пропагандистских органов.

Германский посол в Москве, оценивая этот факт в своем донесении в Берлин от 6 сентября 1939 г., писал: «Внезапный поворот в политике Советского Союза после многих лет пропаганды, направленной против немецких агрессоров, еще не очень ясно понят населением. Особые сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором»¹⁰².

Лишь только в 1941 году начинаются некоторые изменения в оценке политики Германии. Так, Сталин в своей речи 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных академий, судя по воспоминаниям присутствовавших там современников, сказал о возможности поражения германских войск, которые не являются всесильными, а проводя захватническую политику, не могут иметь поддержки народов.

В конце 1940 — начале 1941 года все нарастающую тревогу в связи с приближающейся войной стали проявлять политорганы Красной Армии.

Обращалось внимание на то, что политическая пропаганда в СССР «слабо напоминает советскому народу о капиталистическом окружении, о неизбежности войны, о необходимости всемерно укреплять оборону своей Родины, быть в любую минуту готовым к борьбе».

По-видимому, становилось ясно, и опыт советско-финской войны подтвердил это: нельзя было слишком полагаться на «поддержку трудящимися» капиталистических стран Советского Союза в случае войны. Начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А.И. Запорожец писал: «Глубоко укоренился вредный предрассудок, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран чуть ли не поголовно встанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть».

В секретной докладной записке начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии Центральному Комитету ВКП(б) (январь 1941 г.) давалась следующая оценка характера надвигавшейся войны, в которой пришлось бы участвовать Советскому Союзу: «...Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет являться защита Советского Союза — отечества мирового пролетариата. Где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины, из задач укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполняет свои интернациональные задачи»¹⁰³.

Гражданская война в Испании при активном вмешательстве фашистской Италии и нацистской Германии, вооруженные конфликты с Японией в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, операции 1939 и 1940 годов начавшейся второй мировой войны в Европе давали обильную пищу для размышлений советским военным теоретикам. По этим вопросам в предвоенные годы было немало различных публикаций. Сложнее обстояло дело с советско-финской войной 1939/1940 года, которая протекала совсем не так, как предполагалось высшим советским руководством, сопровождалась огромными потерями Красной Армии.

Обобщение опыта только что завершившихся войн всегда связано с большими трудностями. Важнейшие документы, относящиеся к таким войнам, еще осмысливаются узким кругом политически ангажированных исследователей, недоступны для широкого обсуждения из-за ограничений цензуры. На публику выносятся официально признанные политическим руководством толкования и оценки, где замалчиваются собственные промахи и ошибки. Такая тенденция наблюдается в любой стране, а в условиях сталинской диктатуры она приобрела гиперболизированный характер. Секретный, скрытый от общества политический и военно-профессиональный анализ, конечно же, развивался своим чередом. Другое дело, насколько он был объективен и как воспринимался руководством страны?

Необходимо отметить, что предвоенный советский опыт «малых войн» несколько отрезвил Сталина и его ближайшее окружение, идеологизированные представления о военно-стратегическом могуществе «первого в мире» социалистического государства и его армии явно не срабатывали. В руководящих партийных и военных кругах сравнительно оперативно, по горячим следам, приступили к обсуждению хода и результатов этих войн, начало которому было положено иносказательным указанием Сталина «не возводить в культ опыта гражданской войны»¹⁰⁴.

Начальник Политуправления Красной Армии Л.З. Мехлис говорил в своей записке члену Политбюро А.А. Жданову о больших недостатках в военно-научной работе «в армии и в стране, выражающихся в забвении уроков прошлого и, в частности, — опыта русской армии, в пренебрежении к изучению военной теории, в культе опыта гражданской войны»¹⁰⁵.

В работах, посвященных войне в Испании, рассматривались преимущественно оперативные и тактические вопросы, оценивалась роль тех или иных видов военной техники, прежде всего танков, авиации. Авторы дружно отмечали значительно возросшую роль последних, однако подчеркивали, что роль артиллерии при этом не уменьшается, а даже еще больше возрастает, что бомбардировочная авиация не может заменить собой артиллерию и т.п. Многие выводы в этих работах носили весьма банальный характер.

Ряд авторов подчеркивали ограниченное значение опыта войны в Испании, ее специфический характер, заключавшийся в том, что в ее ходе сравнительно мало использовалась авиация (1200 — 1500 самолетов) и танки (500 — 600 единиц), что в ней не участвовали крупные конно-механизированные и авиадесантные соединения, не было значительных оперативных резервов, массовых железнодорожных и автоперевозок¹⁰⁶.

Опыт испанской войны был довольно механически, схоластически использован в военно-стратегическом планировании развития Красной Армии, что привело к ошибочному решению вопроса структуры танковых сил. Были ликвидированы, как отмечалось выше, механизированные корпуса, что оказалось крупной ошибкой, ибо именно соединения такого типа проявили себя едва ли не как решающая сила в операциях германского вермахта в Польше в 1939-м и во Франции в 1940 году¹⁰⁷. Лишь в июне 1940 года вновь было принято запоздалое решение о создании механизированных корпусов¹⁰⁸.

Не менее крупные ошибки были допущены накануне войны и в отношении развития противотанковых средств.

Так, заместитель наркома обороны СССР по вооружениям Маршал Советского Союза Г.И.Кулик, основываясь на данных разведки о том, что немецкая армия в ускоренном темпе якобы перевооружается, наполняясь танками с пушками калибром более 100 мм и броней увеличенной толщины и повышенного качества, поставил вопрос о коренной переориентации в производстве противотанковой артиллерии и пушек для советских танков в сторону увеличения их калибров. Несмотря на аргументированные возражения Народно-го комиссариата вооружений, доказывавшего невозможность массового переоснащения вермахта новой техникой в короткие сроки и указывавшего на опасность фактического разоружения Красной Армии в период перехода на новые артиллерийские системы, Кулик при активной поддержке

Жданова добился одобрения своего предложения. В результате непосредственно перед гитлеровским нападением производство самых нужных для войны 45- и 76-мм пушек в СССР было прекращено; производство же новых орудий большего калибра по технологическим причинам наладить не успели. Немецко-фашистские армии наступали с далеко не первоклассной техникой; у них было немало легких танков — чехословацких «Шкода», французских «Рено» (устаревших Т-I и Т-II). Пушки калибра 45- и 76-мм были эффективны не только против этих танков, но и против более новых Т-III и Т-IV¹⁰⁹.

Из работ, оценивающих опыт войн конца 30-х годов, наибольший интерес представляет упоминавшаяся выше книга Г.С.Иссерсона «Новые формы борьбы». «С точки зрения осуществления новых форм военного искусства война в Испании могла бы быть названа прологом драмы, германо-польская война — завязкой драмы и война в Западной Европе — ее развитием. ...Финал всей драмы скрывается еще в будущей истории»¹¹⁰, — прозорливо писал Иссерсон в 1940 году.

Политические условия, сложившиеся после массовых репрессий в СССР в 1937 — 1938 годах, тот курс, который избрал Сталин в отношении нацистской Германии после подписания пакта о ненападении и особенно договора «о дружбе и границах», не позволяли Иссерсону глубоко затрагивать вопрос о том, кто будет главным противником СССР в будущей войне, и о том, куда может оказаться направленной гитлеровская агрессия. Поэтому в данной работе (равно, как и в других работах на эту тему) трудно найти оценки и прогнозы политического и военнополитического уровня; она почти полностью посвящена проблемам оперативно-стратегическим.

«...Ведение решительных операций на окружение и уничтожение обрело новые возможности. Стратегия сокрушения получила новые предпосылки для своего наиболее решительного осуществления. Значение германо-польской войны заключается в том, что она это показала...

...В германо-польскую войну стратегия сокрушения нашла свое осуществление в формах, которые по своему качеству содержанию глубоко отличны от всего того, что знала история войн до этого времени»¹¹¹. «... К концу кампании глубина фронта была больше, чем его ширина. Это явилось совершенно новым явлением в формах воору-

женной борьбы, наиболее образно выразивших ее новый глубокий характер»¹¹², — писал Иссерсон.

Как подчеркивал автор, до этого фронт борьбы обычно продвигался вперед сравнительно равномерно, за счет продвижения общей линии пехоты, начисто расчищая от противника оставленную позади территорию. Исключение в этом отношении составляли лишь некоторые обложенные крепости, остававшиеся в тылу фронта.

«Теперь фронт выносился вперед отдельными глубокими ударами быстроподвижных соединений на разных направлениях, оставляя позади себя еще ряд очагов борьбы. Конец грандиозной баталии в Польше раскрыл в этом отношении совершенно необычную картину глубокого, многоярусного сражения»¹¹³.

Весьма важные выводы были сделаны относительно фактора стратегической внезапности и характера начального периода войны. Все положения, высказанные Иссерсоном, оказались в значительной мере подтверждены той драмой, которая разыгралась на полях сражений в Прибалтике, Белоруссии и на Украине после нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г.

Можно только выразить сожаление, что Иссерсон практически не рассматривал возможные варианты оборонительных операций поляков и их союзников, которые могли бы стать реальным препятствием на пути реализации гитлеровской стратегии сокрушения, увеличили бы возможности обороны по сравнению с возможностями наступления¹¹⁴. Тем более что он в одной из своих предыдущих работ продемонстрировал интереснейший (и весьма редкий для практики отечественных исследований по военной тематике) образец альтернативного мышления, показав, как в августе 1914 года русская армия Самсонова вместо сокрушительного поражения могла бы одержать победу над германскими войсками в Восточной Пруссии¹¹⁵.

В какой степени имевшиеся оценки и прогнозы учитывались при разработке внутренних оперативно-стратегических документов, формировании взглядов высшего и старшего командного состава на характер будущей войны, определить весьма непросто, несмотря на обилие мемуарной литературы, в которой используются и закрытые материалы, и документы того времени (однако зачастую тенденциозно подобранные).

О характере оперативно-стратегических взглядов на будущую войну, распространенных в ту пору среди высшего и

старшего командного состава РККА, дают представление ставшие через полвека доступными материалы расширенного заседания Главного военного совета, открывшегося 23 декабря 1940 г. К моменту проведения этого совещания прошло достаточно времени, чтобы подробно, всесторонне оценить уроки действий нацистской Германии против Польши в сентябре 1939 года и ее западных союзников в мае 1940 года, а также «зимней» войны Советского Союза с Финляндией. Открывая совещание, нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко подчеркнул главную цель такой встречи, состоящую в том, чтобы установить «смелость и пытливость мыслей», которыми обогатилась и должна быть богата Красная Армия, выяснить, как военачальники РККА смотрят на характер современной наступательной и оборонительной операций, использование моторизованных сил и авиации, на методы организации своей деятельности¹¹⁶.

Как следует из данных, которыми оперируют в своих воспоминаниях Г.К.Жуков, А.М.Василювский, М.В.Захаров, участники этого и других подобных совещаний в своих оценках в значительной мере исходили из опыта «малых» войн и боевых действий ограниченного характера (опять в основе оценок находились война в Испании, японо-советский конфликт на Хасане, отражение японской агрессии на р.Халхин-Гол и особенно советско-финская война). Опыт войны 1939 — 1940 годов на Западе должным образом в тот момент не учитывался, несмотря на исследования, подобные работе Г.С.Иссерсона. Иссерсон был репрессирован, и его блестящий военно-стратегический анализ разразившейся мировой войны, естественно, остался невостребованным.

После финской кампании, как пишет М.В. Захаров, в нашей армии необоснованно преувеличивались и выдвигались на первый план отдельные формы боевых действий, связанных с прорывом укрепленных оборонительных полос, построением обороны, а также вопросы оборудования и подготовки театра войны¹¹⁷. В обучении войск большое внимание уделялось преодолению укрепленных оборонительных рубежей в ущерб другим видам боя и способам осуществления маневра в сложных и многогранных условиях войны¹¹⁸.

Основная часть выступлений на упомянутом совещании посвящалась вопросам оперативного и даже оператив-

но-тактического уровня. Рассмотрение вопросов стратегического характера считалось прерогативой лишь высшего руководства страны, включая наркома обороны. Это было весьма характерным для предвоенного периода и, как свидетельствуют факты, вошло в систему в период послевоенный. Анализируя последние войны, и в первую очередь войну на Западе, С.К.Тимошенко говорил, что в области военного искусства в связи с усовершенствованием средств вооруженной борьбы происходят большие сдвиги. Однако, по его мнению, опыт войны в Европе не дал ничего нового в стратегическом творчестве. Что касается оперативного искусства — фронтовых и армейских операций, то в нем происходят крупные изменения, связанные с массированным применением танков и пикирующих бомбардировщиков, моторизованных и мотоциклетных войск и авиадесантов. Эти выводы были сделаны на основе операций, проведенных немецко-фашистскими войсками в Польше.

Выводы из опыта войны на Карельском перешейке Тимошенко сформулировал весьма своеобразно: «...Если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений»¹¹⁹. Такое заявление было не только необоснованным, но и дезинформирующим командные кадры армии. Железобетонные оборонительные полосы на Западе помимо Финляндии были созданы на довольно узких участках границ, главным образом во Франции и частично в Германии. Остальные страны не имели таких укреплений.

План стратегического развертывания, разработанный в 1938 году, потребовал пересмотра в связи с присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. С осени 1939 года в Генеральном штабе началась разработка нового плана. Первый вариант его был готов к концу июля 1940-го¹²⁰.

Оценка военно-политической и оперативно-стратегической обстановки теперь сводилась к следующему. Нападение врага на Советский Союз может ограничиться только нашими западными границами, но не исключалась возможность одновременного удара и со стороны Японии на Дальнем Востоке. Наиболее вероятным противником

считалась Германия. Италия также может принять участие в войне, главным образом на Балканах. На стороне Германии в военный конфликт могут быть втянуты Финляндия, Румыния, а возможно, и Венгрия. Иран и Афганистан займут позицию вооруженного нейтралитета. Считалось, что Турция под давлением гитлеровского правительства может открыто выступить против СССР*.

Таким образом, Советский Союз должен был быть готовым вести борьбу на два фронта: на западе и на востоке.

В плане отмечалось, что при подготовке агрессии против СССР немецко-фашистский блок развернет свои главные силы, вероятнее всего, к северу от устья реки Сан, имея основную группировку войск в Восточной Пруссии. Отсюда следовало ожидать развития главного удара в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и в дальнейшем на Двинск, Полоцк либо на Ковно, Вильно (Вильнюс), Минск; одновременно могли последовать удары другой группировки, развернутой по линии Ломжа, Брест в направлении Барановичей, а также высадка морских десантов в районе Либавы и на побережье Эстонии. В случае выступления Финляндии на стороне Германии финские войска при поддержке немецких дивизий могут нанести удар по Ленинграду с северо-запада.

В это время на юге Польши немцы могли развернуть наступление своих войск с фронта Хелм, Томашув, Ярослав на Дубно и Броды с целью выйти в тыл нашей львовской группировке, с тем чтобы в последующем овладеть Западной Украиной. Одновременно из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку ожидался переход в наступление румынской армии и немецких дивизий.

По оценкам Генштаба РККА, на Дальнем Востоке Япония могла выставить против СССР и Монгольской На-

* Предполагалось, что против наших границ Германия вместе с Финляндией, Румынией, Венгрией могла развернуть 233 дивизии, 10 550 танков, 13 900 самолетов, до 18 000 полевых орудий. Реально же накануне агрессии против СССР нацистская Германия и ее союзники сосредоточили вдоль советских западных границ 190 дивизий (из них 39 танковых и моторизованных), 47 200 орудий и минометов, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов. В резерве главного командования сухопутных сил находились 24 дивизии, причем половина из них предназначалась для наращивания усилий групп армий. (См. *Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период* (Стратегия и оперативное искусство). — М., Изд. Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, 1985. — С.19.)

родной Республики до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основная масса ее сухопутных войск, авиации и морского флота нацеливалась против советского Приморья¹²¹.

В плане, исходя из изложенной расстановки сил на востоке и западе, делался вывод, что «в данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным фронтом Западный. Здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы». На восток же, учитывая возможности японцев, необходимо выдвинуть такое количество войск, которое полностью гарантировало бы нам устойчивое положение. Для прикрытия и охраны северного и южного побережья, границ в Закавказье и Средней Азии выделялись минимальные силы¹²².

В августе 1940 года, когда начальником Генерального штаба был назначен генерал армии К.А.Мерецков, проект плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР еще раз пересматривался. Ведущая роль в этом принадлежала Оперативному управлению Генерального штаба, конкретно — генерал-майору А.М.Василевскому¹²³.

18 сентября 1940 г. доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза, скрепленный подписями наркома обороны Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии К.А.Мерецкова, был представлен в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову¹²⁴.

В докладе, как и в прежнем варианте плана, указывалось, что Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, на востоке — против Японии, которая занимала позицию вооруженного нейтралитета и могла пойти на открытое столкновение.

Западный театр войны определялся как основной. На нем и должны были быть развернуты наши главные силы. Наиболее мощным и опасным противником Генштаб продолжал считать Германию*.

* Силы фашистского блока и Японии, которые могли начать свои действия против СССР одновременно на западе и востоке, определялись в значительно больших размерах: 280 — 290 дивизий, 11 750 танков, 30 000 полевых орудий и 18 000 самолетов. Генеральный штаб производил эти расчеты, как и прежде, аналитическим методом. (См. Захаров М. Генеральный штаб в предвоенные годы. — С.218).

Главное внимание обращалось на Западный театр (от Баренцева до Черного моря), где предусматривалось иметь почти такую же группировку войск, как это было и в первом плане.

По сравнению с прежним новый план не содержал каких-либо заметных изменений в оценке противника и своих войск, в распределении наших сил и в постановке им боевых задач, а также избираемых способах борьбы. Но совсем иными стали взгляды на стратегическое развертывание для решения коренного вопроса обороны страны на Западном театре.

В представленном ранее плане Генеральный штаб предлагал главные силы Красной Армии в зависимости от обстановки развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное решение, по мнению Генштаба, определялось той военно-политической обстановкой, которая сложится непосредственно к началу войны¹²⁵. Поэтому в условиях мирного времени считалось необходимым иметь разработанными оба варианта.

Существенно новым моментом в сентябрьском проекте плана стало признание основным его вариантом развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой предполагаемых намерений противника, анализировавшихся в плане.

5 октября 1940 г. план стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил был рассмотрен партийно-государственным руководством страны. В ходе обсуждения было признано целесообразным несколько рельефнее подчеркнуть, что Западный театр войны является главным и что основная группировка здесь должна быть развернута на юго-западном направлении. Предлагалось еще более усилить состав войск Юго-Западного фронта. Второй вариант развертывания войск (севернее Припяти), хотя и не был открыто отвергнут, однако особой поддержки не получил.

Доработанный с учетом высказанных замечаний план развертывания Советских Вооруженных Сил был представлен на утверждение правительству и ЦК ВКП(б) 14 октября 1940 г.

Таким образом, произошли существенная переориентировка и перенацеливание основных усилий советских войск с северо-западного (как предлагал Б.М.Шапошников) на юго-западное направление¹²⁶.

С назначением генерала армии Г.К.Жукова начальником Генерального штаба план стратегического развертывания вновь стал предметом обсуждения и уточнения. Последняя корректировка его была проведена в мае — начале июня 1941 года. Документ был написан, как и прежде, А.В.Василевским, а затем скорректирован генерал-лейтенантом Н.Ф.Ватутиным. Юго-западное направление усиливалось 25 дивизиями.

Какова же была причина столь значительных и роковым образом отразившихся на обороноспособности страны изменений в оценке направления главного удара противника?

Г.К.Жуков в своих мемуарах писал по этому поводу следующее: «И.В.Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 г. И.В.Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну...»

И.В.Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки»¹²⁷.

При этом Г.К.Жуков выделяет весьма существенную причину просчета Сталина: «Указанное предположение И.В.Сталина не учитывало планов противника на молниеносную войну против СССР, хотя, конечно, оно имело свои основания»¹²⁸.

М.В.Захаров приводит иные, весьма любопытные соображения относительно причин того, почему столь большое внимание советского руководства привлекло именно юго-западное направление. Это, по его мнению, можно было объяснить и тем, что ключевые посты в Генеральном штабе, начиная с назначения народным комиссаром обороны маршала С.К.Тимошенко летом 1940 года, до того командовавшего

Киевским Особым военным округом, постепенно заняли те, кто специализировался по юго-западному направлению*.

Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение юго-западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание невольно приковывалось к тому, что было более знакомо, тщательно изучено и проверено, что «прикипело к сердцу», длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план другие весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий¹²⁹.

В то же время следует иметь в виду, что вариант основного выступления Германии против СССР на южном стратегическом направлении одно время был вполне допустим. Как стало известно позднее, при разработке фашистского плана нападения на Советский Союз немецкое верховное командование рассматривало подобное предложение, представленное в оперативной разработке генерала фон Зоденштерна** 7 декабря 1940 г. (в начале войны против СССР он был начальником штаба группы армий «Юг»)¹³⁰.

* В июле 1940 года из Киевского Особого военного округа в Генеральный штаб были назначены: генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин (начальник штаба округа) — сначала на должность начальника Оперативного управления, затем первого заместителя начальника Генштаба; генерал-майор Н.Л.Никитин — начальником мобилизационного управления; корпусной комиссар С.К.Кожевников (член Военного совета КОВО) — военным комиссаром Генштаба. В феврале 1941 года командующий КОВО генерал армии Г.К.Жуков выдвигается на пост начальника Генштаба. В марте этого года на должность начальника Оперативного управления Генштаба переводится заместитель начальника штаба КОВО генерал-майор Г.К.Маландин, а начальник отдела укрепленных районов штаба КОВО генерал-майор С.И.Ширяев — на должность начальника укрепленных районов.

** План Зоденштерна не нашел поддержки у немецкого верховного командования главным образом потому, что Южный театр военных действий, ограниченный Карпатами и припятскими болотами, имел малую оперативную емкость. Состояние коммуникаций в Венгрии и Румынии не позволяло осуществить своевременное сосредоточение достаточно мощной ударной группировки и внезапное вторжение в пределы СССР, а также обеспечить ее всем необходимым. Пугали Гитлера и ненадежный балканский тыл, а также необходимость преодолевать в ходе наступления многочисленные реки, протекавшие в этом районе с северо-запада на юго-восток. Приведенные мотивы заставили немецко-фашистское руководство придерживаться северного варианта при нападении на СССР, который по всем предъявляемым требованиям имел существенный перевес по отношению к южному.

Известно, что И.В.Сталин и его ближайшее окружение игнорировали все предупреждения советской военной и политической разведок (не говоря уже о предупреждениях, шедших со стороны, например, английского и американского правительств) о готовящемся нападении гитлеровской Германии и ее сателлитов на Советский Союз.

Смоделированная Сталиным ложная конструкция политических и стратегических целей сторон в развернувшейся на Западе мировой войне, приведшая через несколько месяцев, в начальный период войны, к крупнейшей в истории войн катастрофе одной из самых мощных армий мира, каковой являлась предвоенная Красная Армия, как фильтр отсекала и отбрасывала все альтернативные военно-стратегические решения, основывающиеся на очевидных, но иных для данной конструкции фактах, объективных оценках и предложениях. В контексте изложенных в предыдущей главе настоящей книги взглядов на характер взаимоотношений войны и политики это является наглядным примером влияния «дурной» (по А.Свечину) политики на стратегию. Примером трагическим. Это обстоятельство наглядно иллюстрирует важность знания и понимания не только состава сил и средств вероятного противника, его оперативно-стратегических замыслов, но и целей, политических намерений в войне.

Свидетельства очевидцев показывают, насколько сильно Сталин был убежден в «непогрешимости» своего видения войны против СССР даже после начала вторжения вермахта на советскую территорию. И тогда он все еще надеялся, что нападение Германии на СССР означает войну лишь с ограниченными целями, ориентированную на приобретение Гитлером ряда частных выгод за счет Советского Союза, что все еще может быть улажено «мирным путем»¹³¹. Видимо, этими соображениями можно объяснить не только осторожный, но и полностью не отвечающий сложившейся обстановке характер Директивы 1, направленной в приграничные военные округа и наркому ВМФ, а также и то, что она была подписана по указанию Сталина лишь профессиональными военными — народным комиссаром обороны С.К.Тимошенко и начальником Генерального штаба Г.К.Жуковым. В Директивах 2, 3 и далее уже присутствует подпись представителя политического руководства¹³².

В оценках характера предстоящей войны советским политическим и военным руководством были и другие не-

достатки и принципиальные ошибки уже чисто военного, оперативно-стратегического характера. При переработке оперативных планов весной 1941 года, как честно признается Г.К.Жуков, практически не были полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. «Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»¹³³.

Можно достаточно обоснованно предполагать, что такого рода оценки были в значительной мере (если не полностью) следствием не скорректированных вовремя теоретических концепций начального периода войны, разрабатывавшихся в Красной Армии, как об этом уже говорилось выше, еще с 20-х годов.

Исследования А.А.Свечина, Б.М.Шапошникова, затем А.И.Егорова и М.Н.Тухачевского, проведенные до начала второй мировой войны в Европе, развивали, как представляется, взгляды на характер начального периода будущей войны в значительной мере в реальном направлении, однако и они не давали ответов на те вопросы, которые 22 июня 1941 г. поставила жизнь. Более адекватными действительности оказались упомянутые выше оценки начального периода войны, высказанные Г.С.Иссерсоном, хотя он и не занимал столь высоких постов в РККА, как другие деятели. Но его труд при всей своей глубине и оригинальности подвергся забвению в тот период, когда он больше всего был необходим для практики военного руководства.

Сегодня стало известно, что достаточно верные оценки начального периода войны в недрах Разведывательного управления Генерального штаба РККА все же имелись. По воспоминаниям исполнявшего в то время обязанности начальника информационного отдела этого органа В.А.Новобранца, его отдел подготовил документ «Мобилизационные записки по Германии», содержащий вывод о том, что Германия будет стремиться осуществить стратегическую внезапность, добиваться сокрушения противника мощным первым ударом, для чего будут применены все силы. Напомнив оценку начального периода войны, сделанную Г.К.Жуковым, Новобранец высказывает предположение, что тогдашний начальник Разведывательного управления Голиков так, по-видимому, и не рискнул на-

править документ, где высказывалось иное мнение, в Генштаб¹³⁴.

Гитлеровское военное командование в июне 1941 года оказалось способным в кратчайшие сроки ввести в дело основные силы и с первых же дней войны развернуть крупномасштабные стратегические наступательные операции по трем главным направлениям (для нас: северо-западному, западному и юго-западному). Это обеспечивалось высоким уровнем оперативного искусства, качеством управления во всех звеньях, полученным в ходе кампаний в Польше и в Западной Европе опытом. Уровень германского оперативного искусства явно недооценивался советским военным командованием, что привело к весьма серьезным ошибкам в оперативно-стратегических прогнозах советского Генштаба. Одна из причин такой недооценки — физическая ликвидация режимом Сталина военных профессионалов, не только прекрасно знавших ход развития и особенности германской военной машины, но и лично знакомых со многими немецкими генералами, способных понять их образ мыслей и разгадать замыслы проводимых ими операций.

Думается, что в советской военно-исторической литературе немецкое оперативное искусство второй мировой войны до сих пор еще не получило реальной оценки.

Разумеется, убедительная демонстрация летом 1941 года высокого уровня германского оперативного искусства в незначительной мере была следствием непростительных ошибок, допущенных Сталиным и его окружением, составившим основу окостеневшей тоталитарной машины, не способным проявить политическую гибкость и хватку, инициативу и элементарную честность в отношениях с «вождем», поэтому вслед за ним вопреки всем предупреждениям разведки не захотевшим верить в то, что Гитлер нарушит пакт о ненападении и развяжет войну, в результате чего советские войска (за исключением флотов) не были приведены в боевую готовность¹³⁵.

Г.К.Жуков сделал еще одно очень важное замечание относительно стратегических просчетов советского высшего командования накануне Великой Отечественной войны: «Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы и условия были далеко не равными»¹³⁶.

Жуков и целый ряд других советских и зарубежных авторов справедливо отмечают, что у Германии накануне агрессии против СССР была гораздо тщательнее отмобилизована промышленность (в том числе покоренных и оккупированных ею стран), лучше был подготовлен театр военных действий, не говоря уже о том, как были готовы ее войска и отчасти войска ее сателлитов — особенно Венгрии и Финляндии.

В связи с этим можно вспомнить и о фундаментальных геостратегических и демографических различиях в положении Германии и России, затем Советского Союза, которые и во вторую мировую войну играли столь же существенную военно-стратегическую роль, как и в первую мировую войну. Именно этими различиями в первую очередь, как убедительно показал в своем труде в 1909 году русский военный теоретик А.Незнамов, определяется характер начального периода войны для разных государств. «Государства с очень обширной территорией, очень длинной сухопутной границей и разнородным населением, не касаясь даже вопроса о необходимости для них держать свои вооруженные силы на различных фронтах, уже по самим размерам своим лишены возможности так же быстро, как менее обширные и обладающие однородным по составу населением, закончить свою мобилизацию и перевозку к пунктам стратегического развертывания армии»¹³⁷.

Очевидно, что все вышеперечисленные признаки военно-стратегического неравенства сторон усугублялись трудностями предвоенного состояния Советского Союза. Однако главный просчет, предопределивший военные поражения СССР в 1941 году, состоял в решениях политических.

8. Ядерное оружие в первые послевоенные годы (вторая половина 40-х — начало 50-х)

Во время начавшейся после поражения нацистской Германии и Японии «холодной войны» в основного вероятного противника для СССР со всей определенностью превращается «американо-английский империализм». Этот выбор, персонифицированный в виде США, Великобритании, затем НАТО в целом, официально становится главным в оценке угроз безопасности СССР на несколько десятилетий вперед вплоть до конца 80-х годов. В пропаганде, в профессиональных военных изданиях «американо-английскому империализму» придаются черты сходства с германским фашизмом. Соответственно

США объявлялись прямым наследником германского фашизма в борьбе за мировое господство. Никакие разночтения в этом отношении, в противоположность 20-м годам, не допускались. Даже дебаты, подобные тем, что велись ранее о классовом или национальном характере будущих войн, стали невозможными.

Важным событием данного периода, повлиявшим на эскалацию «антиимпериалистических» военно-стратегических прогнозов, была война на Корейском полуострове в 1950 — 1953 годах, в которой впервые после второй мировой войны столкнулись коалиционные силы, представлявшие два полюса складывающегося в то время биполярного мира: с одной стороны, армия Южной Кореи, войска США и их некоторых союзников, выступавших под флагом «сил ООН», а с другой — армия КНДР и миллионный контингент «добровольцев» КНР, активно поддерживаемых Советским Союзом*. Ответственность за эту войну полностью возлагалась на США и Южную Корею.

«Разбойничий американский империализм, забыв уроки истории, идет по тому пути, на котором еще недавно потерпел крушение германский фашизм, пытавшийся силой оружия установить свое господство над миром. Встав на путь открытой агрессии, правящие круги США ввели в стране «чрезвычайное положение», чтобы ускорить гонку вооружений, облегчить фашизацию страны и усилить эксплуатацию трудящихся»¹³⁸, — отмечалось в редакционной статье журнала «Военная мысль» в 1951 году.

Будущая война в первые послевоенные годы стала представляться как вооруженное столкновение двух мощных коалиций: государств «империалистического лагеря» во главе с США и Англией и стран «социалистического содружества» во главе с СССР и КНР. По масштабу и ко-

* В критические дни контрнаступления войск США и их союзников в Южной Корее советское правительство направило в северо-восточные провинции Китая 19 авиационных дивизий, которые прикрывали северо-восток Китая от воздушных налетов американской авиации. В воздушных боях советские летчики сбили десятки американских самолетов. На случай ухудшения обстановки советское правительство готовилось отправить в КНДР 5 общевойсковых дивизий (История внешней политики СССР. Том второй. 1945 — 1975. — М., Наука, 1976. — С.165; Опыт войн в защиту социалистического Отечества. Отв.ред. Логин В.Т. — М., Наука, 1985. — С.180).

личеству участников она мыслилась как мировая, хотя не исключалось и возникновение локальных войн. Предполагалось, что война будет длительной, будет вестись с самыми решительными целями и для достижения победы в ней потребуются многомиллионные вооруженные силы. Считалось, что цели войны будут достигаться объединенными усилиями всех видов вооруженных сил при главной роли сухопутных войск¹³⁹.

Подобные представления находились в значительной мере под влиянием концепции «постоянно действующих факторов» войны, выдвинутой Сталиным в приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. Согласно этой концепции, судьба войны решается не таким временным фактором («привходящим моментом»), как внезапность, а постоянно действующими факторами, такими как (а) прочность тыла, (б) моральный дух армии, (в) количество и качество дивизий, (г) вооружение армии, (д) организаторские способности начальствующего состава армии¹⁴⁰.

Ряд отечественных специалистов не без оснований считают, что развенчание внезапности как действенного и отнюдь не второстепенного в военном искусстве фактора было обусловлено особым историческим моментом, связанным с начавшимся после первого успеха Красной Армии под Москвой наращиванием ее возможностей для будущего перелома в войне с Германией. Этим также объясняется и использованный Сталиным перечень известных каждому военному профессионалу факторов, так или иначе влияющих на ход и исход войны. Понятна и другая, может быть, главная для Сталина скрытая мысль о собственной общественно-политической реабилитации за военные поражения 1941 года. Уже в первом публичном обращении к советскому народу спустя неделю после начала войны он говорил не только о гитлеровском вероломстве, но и о внезапности нападения.

После войны, в условиях обозначившейся конфронтации с уже располагавшими атомным оружием Соединенными Штатами, в рамках этой концепции, фактически возведенной в ранг официального доктринального положения, на первый план выдвигаются прочность тыла и моральный дух, которыми должны определяться качество командиров и дивизий, а также умелое использование наличных вооружений¹⁴¹. Победа в войне 1941 — 1945 годов рассматривалась как полное подтверждение этой теории и

давала представление о будущей победе в «последней» войне, если ее «развяжут империалисты».

«Победа в современной войне достигается решительным разгромом врага в ходе вооруженной борьбы путем последовательных, нарастающих по своей силе ударов, на базе превосходства в постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, на основе всестороннего использования экономических, морально-политических и военных возможностей в их единстве и взаимодействии»¹⁴², — писал в 1953 году считавшийся в то время одним из ведущих советских военных теоретиков генерал-майор Н.Таленский.

Возможность использования Соединенными Штатами тогда еще сравнительно немногочисленного атомного оружия (по типу бомбардировок Хиросимы и Нагасаки) оценивалась советскими военными исследователями как ставка на внезапность и приравнивалась к нацистским планам блицкрига. В советских публикациях конца 40-х — начала 50-х годов, включая первые годы после испытания в 1949 году советской атомной бомбы, содержалось немало насмешек над «дефективной» буржуазной стратегией, будто бы копирующей германскую стратегию военного времени, говорилось о том, что «атомный вариант блицкрига» имеет еще меньше шансов на успех, чем стратегия гитлеровских захватчиков¹⁴³. Сталин подчеркивал, что в ядерной войне могут быть уничтожены десятки и сотни тысяч мирных жителей, но до миллионов он не поднимался¹⁴⁴.

Рассекреченные в период «перестройки» сообщения советского посольства в Японии о результатах атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки дают представление о том, на основании чего Сталин и другие советские высшие руководители делали подобные оценки. Подборка материалов, направленных послом СССР в Японии Я.Маликом в Москву в сентябре 1945 года, была озаглавлена «Атомная бомба. (Материалы о последствиях применения атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки, описание наших очевидцев и данные японской прессы)». 22 ноября эти материалы были расписаны министром иностранных дел В.М.Молотовым «т.т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну + мне». В Хиросиме число убитых и раненых в этих документах со ссылкой на японскую прессу оценивалось в 120 тыс. человек; в Нагасаки потери определялись в 15 тыс. убитых, 20 тыс. раненых и прочих пострадавших — 90 тыс. Довольно подробно было описано воздействие не только ударной волны, но и свето-

вого излучения, а также радиации. Поражающий эффект последней явно недооценивался, что было результатом также и свидетельств американских военных. («По утверждению врача 5-го американского флота генерала Вилкатса, опасность действия атомной бомбы продолжается только в течение одних суток».)

По мнению представителей советского посольства, последствия атомной бомбардировки сознательно преувеличивались японской прессой, прежде всего чтобы оправдать капитуляцию Японии. «Атомная бомба и вызванные ею разрушения произвели огромное впечатление на население Японии. О ней упоминается в императорском рескрипте и официальных заявлениях японского правительства как об одной из причин капитуляции Японии». Поскольку о ней говорилось как о непосредственной причине поражения Японии, то естественно, что ее разрушительная сила и длительность действия после взрыва всячески преувеличивались прессой. «Народная молва подхватывает сообщения прессы, искажает их и тогда доводит до абсурда. Распространился даже слух, что в настоящее время появление людей в районе взрыва атомной бомбы сопряжено с опасностью для жизни. Неоднократно приходилось слышать и от американцев и от японцев, что после посещения районов, подвергшихся воздействию атомной бомбы, женщины теряют способность к деторождению, а мужчины заболевают импотенцией»¹⁴⁵.

Отправленная на место бомбардировок группа из советского посольства не представила каких-либо выводов и обобщений, однако подборка конкретных материалов в ее отчете в основном подтверждала отмеченное выше мнение о том, что японская пресса преувеличивает последствия применения атомного оружия.

Придуманый Сталиным, официально признанный и каждодневно используемый в пропаганде «факторный» подход к анализу войн порождал схоластику и примитивизм в прогнозах на будущее.

Оценки характера будущей войны в тот период примечательны постоянным использованием картин прошлой войны в попытках заглянуть вперед. Делаются выводы о том, что угроза основана на эксплуатации противником «кратковременного фактора» и преодолевается проверенной стратегией, опирающейся на «долговременные источники мощи»; что попытка повторить 22 июня 1941 г. неизбежно закончится новым Днем Победы, полным разгромом и гибелью империализма. Появление сначала атомного, а затем и водородного оружия в этот период слабо влияет на

военно-стратегические взгляды, находящиеся под сильнейшим воздействием идеологии и пропаганды¹⁴⁶.

В 1947 году советское правительство заявило о том, что секрета атомной бомбы больше не существует. В августе 1949 года в СССР было произведено испытание атомной бомбы, а 20 августа 1953 г. стало известно о взрыве одного из видов водородной бомбы¹⁴⁷.

В 1948 году в Советской Армии была выпущена первая инструкция по боевым свойствам ядерного оружия. Началась теоретическая проработка вопросов боевой эффективности нового оружия и особенностей боевых действий в условиях его применения.

Ядерный фактор впервые зазвучал в ходе корейской войны, когда главнокомандующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур поставил перед президентом США вопрос о применении ядерного оружия в случае, если США окажутся под угрозой поражения от северокорейских войск и китайских народных добровольцев¹⁴⁸. Некоторые участники процесса принятия военно-политических решений на Западе отмечают, что эти идеи Макарута стали известны советскому руководству.

Однако постоянные напоминания об атомной угрозе со стороны США, энергичные усилия СССР по созданию собственного ядерного оружия не помогли в тот период, по признаниям современников, преодолеть традиционные представления о характере будущих войн. Почти не повлияло на стратегические разработки и крупное войсковое учение в районе Тоцкое (1954 г.) с использованием ядерного оружия¹⁴⁹.

Многое говорит о том, что официальные органы стремились «не преувеличивать» роль ядерного оружия в будущей войне, дабы не подрывать моральный дух армии и населения в целом.

Резким диссонансом такой своеобразной страусиной политике прозвучало в этот период (1954 г.) высказывание занимавшего некоторое время после смерти Сталина пост Председателя Совета Министров СССР Г.М.Маленкова, заявившего, что новая война означала бы «гибель мировой цивилизации»¹⁵⁰. Но его тезис был объявлен ошибкой. Одновременно почти незамеченным остался взгляд на ядерное оружие, высказанный Г.К.Жуковым в одной из бесед с американскими политиками, побывавшими в Москве в середине 50-х годов. Жуков назвал ядерное оружие «обоюдоострым оружием». «От применения его пострадает не

только сторона, по которой будет нанесен удар, но и та, которая этот удар сделает», — сказал он.

Однако тезис о том, что новая война закончится неизбежным поражением империалистических сил, был в СССР канонизирован. Сам Маленков успел поправить свою «ошибку», заявив в речи на XX съезде КПСС (1956 г.), что теперь и у него нет сомнений: «третья мировая война приведет к полному краху мировой капиталистической системы»¹⁵¹.

9. Ракетная техника и попытки пересмотра военно-политической ситуации во второй половине 50-х — начале 60-х годов

21 августа 1957 г. в СССР был осуществлен запуск первой в мире двухступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты (МБР)*, созданной в Опытном конструкторском бюро Сергея Павловича Королева. В конце 50-х годов появились первые подводные лодки с баллистическими ракетами. Еще раньше, с конца 40-х и в начале 50-х годов, были последовательно созданы, испытаны и приняты на вооружение три типа баллистических ракет с максимальной дальностью 150, 600 и 1200 км, ставшие прототипами будущих ракет средней и меньшей дальности. В 1959 году правительство СССР приняло решение о создании самостоятельного вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). В состав РВСН были переданы все

* Аббревиатура МБР появилась в 70-х годах. Первоначально использовалась иная — МКР. Пионеры и лидеры создания мощных советских ракет (Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко) длительное время провели в заключении в результате «необоснованных репрессий» в конце 30-х годов. Они работали в научно-исследовательских институтах, созданных в зонах органами НКВД, именуемых самими заключенными «шарашками». До того, как попасть в «шарашку», Королев побывал в лагерях на Колыме, где несколько раз был на грани гибели. В период перестройки были рассекречены и опубликованы оба обвинительных заключения по делу Королева — 1938 и 1940 годов. По второму он обвинялся в принадлежности к «троцкистской, вредительской организации, действовавшей в научно-исследовательском институте № 3». Как и другие подобные обвинения, оно было полностью сфабрикованным. (См. Голованов Я. Катастрофа // Знамя. — 1990. — № 2. — С.111–113.)

имевшиеся тогда формирования, вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами средней дальности, две военные академии (в Москве и Ленинграде), ряд военно-учебных заведений, научно-исследовательских институтов и учреждений, два ракетно-космических полигона (в Тюра-Таме и Плесецке). Первым Главкомом РВСН был утвержден Главный маршал артиллерии М.И. Неделин. РВСН стали претендовать, особенно в хрущевский период, на главную роль среди всех видов Советских Вооруженных Сил, оттеснив с этой позиции традиционного гегемона — Сухопутные Войска.

По вопросу о создании РВСН поначалу не было единого мнения. Некоторые военачальники предлагали распределить в определенной пропорции имеющееся ракетно-ядерное оружие между сухопутными войсками, военно-морским флотом, военно-воздушными силами и войсками ПВО. Другие доказывали, что целесообразно передать это оружие в ведение только авиации и флота.

В итоге РВСН стали пятым видом Вооруженных Сил с двухродовой структурой, состоявшей из МБР (межконтинентальных баллистических ракет) и РСД (ракет средней дальности). Однако вопреки тому, как это пытаются представить некоторые советские исследователи, создание РВСН не стало радикальным решением, им не были приданы все виды носителей стратегического ядерного оружия. Изрядная доля стратегических ядерных средств оставалась за пределами РВСН — в ВВС (тяжелая бомбардировочная дальняя авиация) и Военно-Морском Флоте (дизельные и атомные подводные лодки с баллистическими ракетами).

Функция, которую в значительной мере выполняла идеологизированная в советской военной теории концепция «постоянно действующих факторов», преуменьшавшая значение ядерного оружия, становилась все более анахроничной.

В конце 50-х годов советские военные специалисты начинают все определеннее писать о третьей мировой войне в основном как о ядерной, исключительно истребительной и разрушительной, невиданной ранее по размаху. Что касается продолжительности войны, то во многих работах подчеркивалась прежде всего возможность быстрой войны, хотя не отвергалась вероятность и затяжных военных действий.

В наиболее развернутом виде военно-политические взгляды высшего командования Советских Вооруженных

Сил нашли свое отражение в брошюре министра обороны СССР Р.Я.Малиновского «Бдительно стоять на страже мира», опубликованной в конце 1962 года. Политические компоненты оценки угроз выглядели следующим образом: «В США, Франции, Западной Германии и некоторых других странах капитализма все больше усиливаются милитаризация экономики и фашизация всей общественной жизни. Империализм готовит очередные авантюры, вынашивает новые планы войны»¹⁵². Из этих слов видно, что по своей тональности работа мало чем отличалась от публикаций конца 40-х — начала 50-х годов.

Главным источником военной угрозы для СССР, как и в предыдущие годы, определялись Соединенные Штаты Америки: «Все нити заговора против мира сходятся в США. Они связали военными союзами свыше сорока буржуазных стран, усиленно восстанавливают военный потенциал Западной Германии и Японии, насаждают по всему миру свои военные базы, из года в год увеличивают расходы на вооружение, проводят испытания новых видов ядерных бомб, накапливают различные средства для ведения войны»¹⁵³.

Одновременно Р.Я.Малиновский, отталкиваясь от ренессансированной Н.С.Хрущевым ленинской политики мирного сосуществования и соответствующих положений новой Программы КПСС, отмечал: «Изменения, происшедшие в политической части военной доктрины (выделено мной. — А.К.), в последнее время (видимо, имелся в виду знаменитый тезис Хрущева о том, что «фатальной неизбежности» мировой войны больше не существует. — А.К.) отражают тот факт, что «после образования мировой системы социализма военные столкновения не являются неизбежными»¹⁵⁴. Здесь Р.Я.Малиновский подчеркивал приверженность СССР идее мирного сосуществования и всеобщего и полного разоружения при строгом международном контроле.

Н.С.Хрущев изложил свое видение характера будущей войны в целой серии выступлений; одним из наиболее рельефных в этом отношении было его выступление на IV сессии Верховного Совета СССР в январе 1960 года. Он подчеркнул, что ядерное оружие и ракеты — это главные средства ведения современной войны, и сказал, что многие виды обычных вооружений быстро устаревают*. При этом

* Уже в конце 50-х годов эти взгляды в значительной мере стали проводиться советским руководством в жизнь. Так, было принято решение исключить из состава ВМФ не только большинство ус-

Н.С.Хрущев отметил, что решающее значение будет иметь, по-видимому, начальный период войны. Для многих это означало явный намек на то, что войну советское высшее политическое руководство представляло не затяжной. Он высказал мнение, что такая большая страна, как Советский Союз, даже если она первая примет ядерный удар, всегда сможет выстоять и нанести ответный удар. Выразив уверенность, что советская военная мощь оказывает устрашающее влияние на империалистический лагерь, Хрущев заявил, что Советский Союз находится поэтому в хорошем положении. Закончив изложение своих основных военно-политических взглядов, он объявил, что численность Советских Вооруженных Сил будет сокращена примерно на одну треть, или, в цифрах, с 3,6 млн. до 2,4 млн. человек, указав далее, что боеспособность советских войск от этого сокращения не уменьшится, ибо огневая мощь новых вооружений возместит сокращение численности людских контингентов¹⁵⁵.

Подчеркивая особую роль ракет и ракетно-ядерного оружия, Н.С.Хрущев фактически поставил под вопрос будущее больших надводных кораблей, значительной части авиации и даже танков*.

таревших артиллерийских кораблей, но и бомбардировочную, минно-торпедную, истребительную авиацию, большую часть береговой артиллерии, упразднить ПВО ВМФ. Было дано указание разобрать на металл даже корабли, фактически уже построенные, такие как крейсер «Адмирал Корнилов», уже проходивший испытания. Новый Главком ВМФ адмирал С.Г.Горшков, сменивший на этом посту Н.Г.Кузнецова, снятого Н.С.Хрущевым, пытался сохранить эти корабли в строю. Однако министр обороны не поддержал его. (См. Чернавин В.Н. Его жизнь — верность долгу // Морской сборник. — 1990. — № 3. — С.88.)

* Очевидцы рассказывают, как реагировал Н.С.Хрущев на демонстрацию возможностей ПТУРС против новейших по тем временам советских танков. Демонстрация, как это принято, по-видимому, во всех армиях мира, в присутствии высшего руководства прошла весьма успешно. И когда Н.С.Хрущев в ответ на свой вопрос о наличии таких же противотанковых средств у другой стороны получил горячий утвердительный ответ, он сказал: «А нужны ли нам тогда вообще танки?» Это замечание Н.С.Хрущева военными и представителями промышленности было воспринято самым серьезным образом, т.к. совсем незадолго до этого были приняты решения о ликвидации больших надводных кораблей ВМФ. Однако до танков, к счастью, дело не дошло. По свидетельствам очевидцев, сыграла свою роль и их броневая защищенность от поражающих факторов ядерного взрыва.

Во время поездки в США в сентябре 1959 года в заливе Сан-Франциско Хрущев совершал морскую прогулку, и мимо катера, на котором находился советский лидер, прошел авианосец. Хрущев среагировал вполне однозначно: «Военные корабли хороши лишь для того, чтобы совершать на них поездки с государственными визитами... А с точки зрения военной они отжили свой век. Отжили! Теперь они лишь хорошие мишени для ракет! Мы в этом году пустили даже на слом свои почти законченные крейсеры. Они были уже готовы на девяносто пять процентов. Они были

...В наше время боевое применение крейсеров вряд ли было бы целесообразным. Раньше подводная лодка должна была приблизиться к борту крейсера на пять километров для того, чтобы потопить его. Теперь же их можно пустить ко дну ударами, направленными за сотни километров. Появление летающих торпед и ракет полностью изменило положение на море»¹⁵⁶.

Высказывания Хрущева потом многократно обсуждались в советских военных кругах.

Вскоре после объявления Н.С.Хрущевым своей политической программы в январе 1960 года в советской военной печати стали высказываться мнения, которые можно было воспринимать как замаскированную критику его взглядов. Это не носило формы открытой оппозиции, а чаще всего выражалось в заявлениях, подчеркивавших моменты, которые Хрущев либо совсем не осветил, либо упомянул лишь вскользь*.

Особый интерес представляет выступление Р.Я.Малиновского на XXI съезде КПСС 24 октября 1961 г., где он вновь заявил о большой важности традиционных вооруженных сил, подчеркнув, что в любой будущей войне для достижения победы будут необходимы массовые, многомиллионные армии¹⁵⁷. При этом он уклонился от четкого ответа на вопрос: будет ли новая война короткой или затяжной? Однако сама идея необходимости многомиллионной армии наводила на мысль о том, что, по Малиновскому, будущая война может быть как затяжной, так и сравнительно скоротечной.

* Что касается предложенного Хрущевым значительного сокращения вооруженных сил, то в советской печати начали появляться вполне обоснованные замечания о том, что возвращение к гражданской жизни чревато для многих офицеров трудностями в смысле приспособления к новым условиям. Поднимался вопрос и о том, не повлияет ли сокращение численности войск на моральное состояние армии.

В общем, хотя Малиновский и разделял мнение Хрущева о необходимости военной силы, которая убедительно сдерживала бы посредством угрозы ядерного возмездия США и их союзников, он в своей речи отразил также явную озабоченность советских военных кругов тем, что сил и средств такого рода, какие предусматривал Хрущев для мирного времени, может оказаться недостаточно для успешного ведения войны в случае, если она начнется.

Целый ряд видных военачальников занялись отстаиванием важной роли в войне сухопутных войск, традиционно в российской и Советской Армии занимавших центральное место.

При этом едва ли не главным фронтом борьбы за роль сухопутных войск стал вопрос о будущем танков, танковых соединений и частей. Так, генерал-полковник С.М.Штеменко, отстаивая их необходимость, признавал возросшую бронепробиваемость современных противотанковых средств и бессмысленность в связи с этим увеличения толщины брони боевых машин. Одновременно он делал вывод о том, что «броневая защита сейчас должна обеспечивать максимальное поглощение вредного влияния радиоактивности местности и радиации на экипаж, а также надежную защиту от воздействия обычных снарядов». Общий же вывод Штеменко был таков: «Массовое внедрение в войсках ядерного оружия еще больше подняло роль танков в будущей войне. Они более других родов оружия в состоянии противостоять ядерному воздействию противника, могут быстро использовать результаты своих ядерных ударов, действовать в зонах высокой радиоактивности, совместно с мотострелковыми войсками захватывать и удерживать территорию противника»¹⁵⁸.

Отстаивать важную роль сухопутных войск и роль танков в будущей войне приходилось представителям этого вида Вооруженных Сил и после вынужденного ухода Н.С.Хрущева с высших постов в партии и государстве.

Как подчеркивал в 1967 году генерал армии И. Павловский, появление ракетного оружия, в том числе создание Ракетных войск стратегического назначения, «не отвергает роли сухопутных войск», которым в ядерной войне «по-прежнему отводится важное место». Вывод Павловского относительно роли танков, их незаменимости в условиях применения ядерного оружия был аналогичен выводам Штеменко. «Танковые войска... способны с самой высокой эффективностью использовать результаты наших ядерных ударов,

противостоять ядерным ударам противника и успешно преодолевать зоны радиоактивного заражения и полосы сильных разрушений»¹⁵⁹.

60-е годы знаменовались и определенным повышением роли советского Военно-Морского Флота — прежде всего в части развития ракетно-подводного флота. В это время развертывается серийное строительство атомных подводных лодок с крылатыми ракетами и баллистическими ракетами, ракетных надводных кораблей. Значительное развитие получила дальняя морская авиация, направленная прежде всего на борьбу с авианосными соединениями противника¹⁶⁰. Главным обоснованием для создания океанского флота СССР были рост стратегической угрозы для СССР и его союзников с морских направлений за счет наличия ударных авианосных соединений ВМС США с ядерным оружием на борту и появление ПЛАРБ «Поларис».

Соответственно основной задачей ВМФ стало уничтожение ударных группировок сил флота противника и разрушение наземных объектов¹⁶¹. В то же время не снималась с повестки дня и более традиционная задача советского Военно-Морского Флота — нарушение морских коммуникаций США, в первую очередь связывающих их с союзниками в Европе.

Р.Я.Малиновский в своем выступлении на XXI съезде КПСС, придерживаясь господствовавшего тогда духа восхваления и преувеличения возможностей Советских Вооруженных Сил, говорил: «Наш Военно-Морской Флот стал вполне современным флотом, способным решать любые стратегические задачи в своей области. За океаном частенько говорят и пишут о том, что флот США способен нанести удар и высадить десант в любой точке нашего побережья. Но, как говорится, «легко хвалиться, но и легко свалиться». Мне кажется, что кое-кому за океаном следовало бы призадуматься о судьбе собственных берегов и весьма протяженных коммуникаций, уязвимость которых теперь чудовищно обнажилась...» И Малиновский в заключение заявил, что «традиционная неуязвимость Америки навсегда ликвидирована»¹⁶².

Однозначно были сформулированы вопросы о советском военном превосходстве, которое в случае войны обеспечит СССР победу: «Самой характерной чертой нынешнего этапа развития советской военной доктрины является то, что она опирается на превосходство Вооруженных Сил

СССР над армиями самых мощных стран капитализма как в военно-технических средствах, так и в морально-боевом отношении. Это превосходство и справедливые цели наших Вооруженных Сил дают нам твердую уверенность в том, что в будущей войне, если ее развяжут империалисты, какой бы всеохватывающей она ни была, победу одержим мы — защитники социалистических завоеваний, защитники великого дела коммунизма»¹⁶³.

Р.Я.Малиновский не выражал ни малейшего сомнения в том, что это превосходство можно будет сохранить и в будущем. Более того, он писал: «В навязанном нам агрессивными силами соревновании за качество вооружения мы не только не уступаем тем, кто грозит нам войной, а во многом и превосходим их. В дальнейшем, если гонке вооружений не будет положен конец, это превосходство еще больше увеличится...»¹⁶⁴.

Аналогичные оценки присутствовали в тот период и в выступлениях других советских военачальников.

Так, например, Маршал Советского Союза С.Бирюзов в январе 1964 года писал следующее: «За последние годы совершен решающий скачок в советском военном строительстве, ошеломивший буржуазных политиков и генералов. Социалистическая общественная система, успехи советской экономики, науки и техники позволили нам в течение нескольких лет не только догнать и перегнать главную страну капитализма — США в области производства ядерного оружия, но и первыми в мире развернуть широким фронтом конструирование и производство принципиально новых средств доставки этого оружия к цели — ракет различного назначения».

Далее С.Бирюзов подчеркивал решительные преимущества МБР перед тяжелыми бомбардировщиками как главный фактор победы в будущей войне: «Были созданы межконтинентальные баллистические ракеты, неизмеримо превосходящие по своим боевым свойствам стратегические бомбардировщики. Все увидели, что подлинный ключ к победе на полях сражений находится в руках того, кто не только владеет новым оружием, но и идет впереди в производстве ракет»¹⁶⁵.

Современные и советские, и зарубежные авторы практически единодушно сходятся во мнении, что у СССР в тот период не было общего превосходства над США и их союзниками.

Сопоставляя оценки военно-политической обстановки 60-х годов с оценками 20 — 30-х годов, нельзя не отметить гораздо большую их прямолинейность, одномерность и однозначность. Несмотря на то что после XX съезда КПСС в стране произошло явное оживление общественной жизни, в том числе военно-научной мысли, уровень анализа проблем будущей войны, характера угроз интересам безопасности СССР оставался, как и в предыдущий период (с конца 30-х гг.), в основном невысоким. Оценки, дававшиеся Р.Я.Малиновским и другими военачальниками того периода, явно уступали по своей глубине не только тем, что выходили из-под пера таких военных интеллектуалов, как А.А.Свечин, Б.М.Шапошников, М.Н.Тухачевский, но даже и оценкам конца 20-х годов, которые присутствовали в выступлениях К.Е.Ворошилова. В конце 50-х — начале 60-х годов почти не рассматривались весьма важные с точки зрения безопасности СССР и наших союзников противоречия между США и Францией, между Францией и Англией, весьма однобоко трактовалась вся линия НАТО в отношении ФРГ. Ничего не говорилось о расстановке сил в руководящих политических кругах этих стран — даже хотя бы в рамках самой простой схемы «партия войны» и «партия мира».

Как это ни удивительно на первый взгляд, не нашел в этих публичных оценках отражения, например, острый конфликт между Англией, Францией и Израилем, с одной стороны, и США — с другой, в период суэцкого кризиса — тройственная агрессия упомянутых государств против Египта.

Видимо, все это было следствием как общих политико-идеологических установок государственного и партийного руководства, так и сравнительно более низкого культурно-профессионального уровня высшего командного состава, все еще не оправившегося от последствий репрессий 30-х годов, первыми жертвами которых оказались лучшие русские и советские военные интеллектуалы.

10. Концепции начального периода войны и отражения внезапного нападения

Советская военная мысль в 50 — 60-х годах еще более настойчиво, чем в прошлом, обращается к теме начально-

го периода войны, который, по общепринятому в СССР мнению, может иметь решающее влияние на ход и исход войны в целом.

Генерал-полковник Н.А.Ломов подчеркивал, что положение о начальном периоде войны становится одним из основных в современной советской военной доктрине: «...в начальный период будущей мировой войны главными объектами вооруженного воздействия явятся вооруженные силы противника, прежде всего стратегические средства ядерного нападения, а также важнейшие центры экономики и государственного управления противника»¹⁶⁶.

Поскольку, пишет Н.А.Ломов, по словам министра обороны СССР (Р.Я.Малиновского), первые же массированные ядерные удары способны в огромной мере предопределить весь последующий ход войны, важнейшим положением советской военной доктрины становятся «срыв агрессивных замыслов противника и захват стратегии» ской инициативы в свои руки с самого нача... вс...

Аналогичный тезис присутствовал и во всех трех изданиях книги «Военная стратегия» под редакцией маршала Соколовского. Главной проблемой начального периода войны называлась «отработка способов надежного отражения внезапного ядерного нападения, а также способов срыва агрессивных замыслов противника путем своевременного нанесения по нему сокрушительного удара»¹⁶⁸.

Более подробные разъяснения того, как предполагалось осуществить срыв агрессивных замыслов противника, у советских военных авторов отсутствовали.

Несколько ранее маршал бронетанковых войск П.Ротмистров в своей ставшей широко известной среди высшего командного состава Вооруженных Сил СССР работе, посвященной проблеме внезапности в современных условиях, писал о том, что «долг Советских Вооруженных Сил — не допустить внезапного нападения врага на нашу страну, а в случае попытки его осуществления не только успешно отразить нападение, но и нанести по врагу встречные или даже упреждающие внезапные удары страшной сокрушительной силы»¹⁶⁹. Для этого, по мнению Ротмистрова, Советская Армия и Военно-Морской Флот обладали всем необходимым.

Во второй половине 60-х годов по мере наращивания советского ракетно-ядерного потенциала, качественного совершенствования стратегических ядерных сил, в том числе

повышения степени боевой устойчивости группировок РВСН за счет размещения межконтинентальных баллистических ракет в шахтах, характер оценок начального периода войны несколько меняется. «При наличии на вооружении войск пусковых установок и ракет, полностью подготовленных к действию, системы обнаружения запуска ракет противника и других видов разведки агрессор уже не в состоянии внезапно поразить ракеты до их старта на территории страны, против которой совершается агрессия. Они успеют за время полета ракет агрессора уйти со своих пусковых установок и нанесут ответный удар по противнику. Даже в самом неблагоприятном случае, если часть ракет и не успеет стартовать до удара ракет агрессора, то благодаря высокой защищенности пусковых установок от ядерного взрыва эти ракеты будут сохранены и выполнят возложенные на них боевые задачи»¹⁷⁰, — писал в 1967 году Главком ракетных войск стратегического назначения Н. Крылов. Таково было обоснование возможности делать ставку не на упреждающие или встречные действия, как предлагал Ротмистров и о чем в приглушенной форме писали Ломов, Соколовский, Чередниченко, а на сугубо ответные.

В начале 60-х годов в советской военной литературе преобладало мнение, что война начнется внезапным масштабным ядерным ударом, возможно, после определенного периода кризисной международной напряженности. Во второй половине 60-х годов не без влияния изменений в военной стратегии США и НАТО (переход от «массированного возмездия» к «гибкому реагированию») в СССР начинают преобладать многовариантные оценки начала войны и ее дальнейшего хода.

В своей статье, посвященной 50-летию Вооруженных Сил СССР, Маршал Советского Союза И. Якубовский акцентировал внимание на том, что в соответствии со стратегией «гибкого реагирования» Североатлантическим блоком проводятся «практические мероприятия по повышению боевых возможностей войск для ведения длительной войны в Европе без применения ядерного оружия»¹⁷¹.

Как писал генерал-полковник М. Повалий (заместитель начальника Генерального штаба), нельзя исключать самых различных условий начала войны: «Она может начаться сразу с неограниченного применения сторонами всех средств борьбы, в том числе и стратегических ядерных сил. В этом случае война может быть очень непродолжительной

и закончиться в результате обмена сторонами массированными ракетно-ядерными ударами... Вполне возможно также, что она начнется и некоторое время будет вестись с использованием лишь обычных средств поражения»¹⁷².

Последняя фаза имела весьма важное значение — она свидетельствовала об усилении акцента в советской военной мысли на ведении большой обычной войны. Эта тенденция получила свое развитие в 70-е и 80-е годы.

11. О локальных и ограниченных войнах

Все большее значение в советских военных исследованиях начала 60-х годов приобретает вопрос о локальных и ограниченных войнах, об их взаимосвязи с потенциальной третьей мировой войной.

Особое место отводилось национально-освободительным войнам, которые рассматривались в числе войн справедливых.

Большинство авторитетных советских авторов того периода склонялись к той точке зрения, что локальные войны чреваты опасностью превращения в третью мировую войну, в силу чего их следует избегать. В то же время и советское государственное и партийное руководство, и военное командование постоянно декларировали свою поддержку национально-освободительному движению. Н.С.Хрущев, например, заявил в 1961 году, что национально-освободительные войны «нельзя отождествлять с войнами между государствами, с локальными войнами»¹⁷³. Это был период, когда явно обозначились советско-китайские разногласия, переросшие в острый идеологический и политический конфликт, отразившийся и на сфере национально-освободительного движения. Советско-китайский спор подталкивал СССР к более активной позиции по отношению к национально-освободительным движениям.

Возможность удержания локальных войн от перерастания в мировую войну, по оценке Главного маршала бронетанковых войск П.А.Ротмистрова, все более суживалась: «малая» война, независимо от того, кто из империалистов ее начнет, может разрастись в мировую термоядерную войну. Но при этом Ротмистров, как и другие военные теоретики, подчеркивал разницу между локаль-

ными и освободительными войнами: «Следует различать следующие категории войн: мировые, локальные и освободительные войны — народные восстания». Решительно борясь против империалистических, захватнических войн, коммунисты, писал Ротмистров, целиком и полностью поддерживают справедливые, освободительные войны, поскольку они являются средством освобождения народов от гнета и порабощения¹⁷⁴.

В конце 60-х годов, по-видимому, под прямым воздействием стратегии «гибкого реагирования», принятой НАТО вслед за США (в 1967 г.), в советской военной литературе появляются свидетельства того, что и ограниченное применение ядерного оружия, хотя и с весьма существенными оговорками, рассматривается как возможное в случае войны. Наряду со скоротечной, невиданного размаха и ожесточения ядерной войной, а также с войной с применением обычного оружия, как писали в 1968 году Маршал Советского Союза В.Соколовский и генерал-майор М.Чередниченко, не исключается возможность возникновения войны «также с ограниченным применением ядерных средств на одном или нескольких театрах военных действий»¹⁷⁵.

Чуть позже несколько по-иному трактовал вероятность ограниченного применения ядерного оружия генерал армии С.Иванов: «Конечно, теоретически можно допустить, что в порядке устрашения друг друга стороны ограничатся нанесением нескольких выборочных ядерных ударов по второстепенным объектам, но не решатся на дальнейшее расширение ядерного конфликта»¹⁷⁶. Но при этом, по словам С.Иванова, «такой обмен одиночными ядерными ударами, даже если он состоится, не может характеризовать войну в целом». Поэтому, по его мнению, все равно сохраняются два типа войн, если исходить из средств ведения войны, — ядерная и безъядерная, а по своим масштабам — мировая и локальная¹⁷⁷.

Подводя итоги эволюции советской военно-теоретической мысли в 50 — 60-е годы, в период, который знаменовался не только бурным развитием ядерного оружия и принятием его, вслед за США, Советским Союзом на вооружение в массовом порядке, но и новым этапом в развитии обычных вооружений, можно сформулировать следующую классификацию типов войн, которые предусматривались ведущими советскими военными теоретиками и военачальниками:

1. Скоростная полномасштабная ядерная война, в которой главенствующую роль играют стратегические ядерные силы сторон.

2. Продолжительная ядерная война с использованием возможностей всех видов вооруженных сил.

3. Большая война на одном или нескольких театрах военных действий с ограниченным применением ядерного оружия (в том числе носящим демонстрационный, устрашающий характер).

4. Большая война с применением обычного оружия.

5. Локальная война с применением обычного оружия.

12. Период разрядки и стагнации

В начале 70-х годов, в период политической разрядки в отношении между СССР и США, тональность большинства оценок военно-политической обстановки в советских военных трудах по ряду параметров заметно изменилась. В то же время в них, как и в предыдущие годы, присутствовали указания на то, что империализм по-прежнему остается главной угрозой для мира, что в США и других ведущих капиталистических странах продолжают наращиваться военные приготовления. Подчеркивалось, что империализм применяет военную силу во Вьетнаме, на Ближнем Востоке.

«В последнее время благодаря активной миролюбивой внешней политике КПСС и Советского государства, а также других социалистических государств достигнуто определенное ослабление международной напряженности. Но империализм не утратил своей агрессивной сущности. ...Об этом убедительно свидетельствуют разбой американских захватчиков во Вьетнаме, непрекращающиеся происки израильских агрессоров против арабских народов, рост милитаризации и реваншизма в некоторых странах Европы и Азии»¹⁷⁸, — писал в январе 1973 года начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии В.Г.Куликов.

Особенностью советских оценок военно-политической обстановки 70-х годов становится отношение к Китайской Народной Республике фактически как к одному из основных вероятных противников СССР и соответственно союзников США и НАТО. Как правило, автора-

ми таких оценок на страницах открытой и полужакрытой печати выступали офицеры среднего уровня, но не высшие военачальники.

Предполагалось, что, как и в случае войны между СССР и ОВД, с одной стороны, и США и НАТО — с другой, война с Китаем будет вестись с применением ядерного оружия, поскольку Китай — ядерная держава и «пекинское руководство», как и империализм, ведет подготовку к ядерной войне¹⁷⁹.

Несмотря на разрядку международной напряженности и определенные успехи в деле ограничения вооружений, подавляющее большинство советских военачальников и военных теоретиков при определении условий и способов предотвращения войны делало основной упор на военные, а не на политико-дипломатические средства.

Так, например, В.Г.Куликов особо подчеркивал, что «наиболее эффективный способ обуздания агрессоров — это усиление оборонного могущества страны, повышение уровня боеспособности войск и сил флота и их готовности обеспечить безопасность СССР»¹⁸⁰. Однако в противоположность 60-м годам в советских военных публикациях 70-х годов вопрос о военном превосходстве СССР и даже о необходимости добиваться одного уже практически отсутствует. Упоминание о нем содержится лишь в первом издании труда А.А.Гречко «Вооруженные силы Советского государства». После негативной реакции на Западе последовало второе издание книги, где такое упоминание уже отсутствовало.

В некоторых авторитетных советских военных публикациях того периода разрядка рассматривалась как уже устоявшийся процесс, говорилось о «коренном повороте к разрядке напряженности», чего вполне обоснованно остерегались делать даже многие гражданские политологи. В сочетании же с продолжающейся гонкой вооружений это придавало, по мнению советских военных авторов, современному мировому развитию «своеобразную противоречивость». Нельзя не отметить, что наращивание военной мощи Западом расценивалось как результат деятельности «наиболее агрессивных сил империализма», а не правительств и правящих элит развитых капиталистических стран в целом. В военных публикациях этих лет никаких прямых аналогий между американским империализмом и германским фашизмом уже не проводится, как это неод-

пократно делалось на протяжении предыдущих послевоенных десятилетий. Но общий вывод при этом оставался неизменным — необходимо укреплять обороноспособность СССР, социалистического содружества, «повышать готовность к отражению любой агрессии»*.

Что касается военно-стратегических характеристик будущей мировой войны, то здесь развитие советской военной мысли продолжалось преимущественно в русле идей, которые были изложены Малиновским, Соколовским, Бирюзовым и другими советскими военачальниками и военными теоретиками в 60-е годы. Еще раз подчеркиваются такие характеристики будущей мировой войны, как: а) решительность политических и военно-стратегических целей; б) коалиционный характер военных столкновений; в) гигантская масштабность войны; г) стирание граней между фронтом и тылом; д) маневренный характер войны¹⁸¹.

В военных публикациях в СССР, как и в 60-е годы, продолжают появляться различные оценки западными учеными последствий ядерной войны, приводятся размеры человеческих жертв, которые она может принести (например, нередко цитируются подсчеты американского ученого Л.Полинга, заявившего, что в районах, по которым будут нанесены ядерные удары, погибнет около 1 млрд. человек; приводятся оценки английского ученого Дж.Бернала, в соответствии с которыми в ядерной войне может погибнуть от полутора до двух миллиардов двухсот миллионов человек)¹⁸². Одновременно практически никто из советских военных авторов не решился опровергнуть своего министра обороны, который призывал не абсолютизировать роль ядерного оружия, несмотря на огромные масштабы потерь в результате его применения. Голос же гражданских ученых и специалистов по этим вопросам в СССР тогда еще почти не был слышен, особенно в привязке к вопросам долгосрочного военно-политического, а тем более оперативно-стратегического планирования.

«В отличие от взглядов многих буржуазных военных деятелей, советская военная наука, несмотря на колоссальную

* См., например, редакционную статью «Вооруженные силы Советского государства» в журнале «Военная мысль» (1974. — № 7. — С.3), опубликованную в связи с выходом в свет одной из книг министра обороны СССР А.А.Гречко (М., Воениздат, 1974. — 406 стр.).

мощь ракетно-ядерного оружия, не абсолютизирует его. Ей не свойственно также, подобно различным модным буржуазным военным теориям и концепциям, отдавать предпочтение в современной войне каким-либо другим отдельным видам вооруженных сил. Советская военная наука считает, что современная война, если империалистическая реакция развяжет ее, будет проходить в виде активных и решительных действий всех видов вооруженных сил, согласованных по цели, времени и месту»¹⁸³, — писал министр обороны СССР А.А.Гречко.

Отсюда делался вполне определенный вывод о том, что будущая война, скорее всего, будет носить затяжной характер¹⁸⁴. А на этой основе, в свою очередь, основывались концепции и конкретные планы строительства Вооруженных Сил СССР, мобилизации промышленности и сельского хозяйства на военный период. Гигантские масштабы войны, уязвимость тыла, огромные людские и материальные потери интерпретировались как императив для нарастания мобилизационной готовности промышленности, как необходимость иметь огромные резервные мощности, запасы сырья, продовольствия и т.п. Все это, разумеется, ложилось тяжелым бременем на экономику страны, деформировало экономическое и политическое мышление. Это препятствовало проведению реформ, направленных если не на ликвидацию, то по крайней мере на некоторую либерализацию высоко централизованной административно-командной системы, едва ли не главным оправданием которой была способность обеспечить мобилизацию страны в случае большой войны.

Снова и снова подчеркивалась, в частности, особая роль танков в современной войне — как с применением ядерного оружия, так и без его применения. Отмечалась необходимость широкого внедрения и других типов бронированных машин — прежде всего боевых машин пехоты (БМП), самоходной бронированной полевой артиллерии (боевых машин артиллерии), а также легких многоцелевых танков, практически исчезнувших с поля боя в конце второй мировой войны и возродившихся вновь в 70-е годы¹⁸⁵.

Лишь после октябрьской войны 1973 года на Ближнем Востоке, в которой наблюдались огромные потери танков, в том числе от противотанкового управляемого оружия, советскими военными теоретиками предпринимаются не-

которые попытки пересмотреть их роль в современной войне. Так, в труде Военной академии Генерального штаба отмечалось (с обычными для таких случаев ссылками на зарубежных специалистов), что резкое повышение возможностей пехоты эффективно сражаться с танками и непрерывное развитие мобильных зенитных управляемых ракет ведут к тому, что сочетание танков с истребителями-бомбардировщиками, которое доминировало с 1940 года на большинстве полей сражений, утрачивает функцию решающего тактического фактора¹⁸⁶.

Однако эти выводы не получили, как представляется, в тот период должного развития и не привели к перемене роли танков в Вооруженных Силах СССР.

Тезис о том, что война «будет проходить в виде активных и решительных действий всех видов вооруженных сил», позволял одновременно сохранять крупные сухопутные силы, оснащая их все новыми и новыми видами вооружений, наращивать мощь стратегических наступательных вооружений, развивать другие виды вооруженных сил, в том числе Военно-Морской Флот.

13. Новая роль для океанского Военно-Морского Флота

Еще в конце 60-х годов советский Военно-Морской Флот (в отличие от хрущевского периода, силы общего назначения ВМФ СССР) добился более высокого статуса в общей системе Вооруженных Сил СССР.

Многое говорит о том, что именно тогда начался период апогея развития флота в истории вооруженных сил не только Советского Союза, но и России. В отдельные периоды истории России флот играл весьма важную роль — в первые десятилетия XVIII века при Петре Великом, в 70 — 80-е годы того же века при императрице Екатерине Великой. При этом российский флот не имел, за редким исключением, океанского характера, несмотря на отдельные выдающиеся достижения на океанских просторах русских мореплавателей — Беринга, Крузенштерна и Лисянского, Беллинсгаузена и Лазарева и др. В то же время нельзя недооценивать исторического опыта действия русских эскадр в Средиземном море в XVIII — XIX веках, в том числе крупные морские победы над турецким флотом

вдали от родных берегов в Чесменском сражении (1770 г.), в Наваринском сражении (1827 г., в составе соединенной русско-франко-английской эскадры)¹⁸⁷.

Крупным военно-политическим событием 60-х годов прошлого века были выход на океанский простор двух русских эскадр и прибытие их в Сан-Франциско и Нью-Йорк¹⁸⁸. То был период обострения отношений России с английским правительством Пальмерстона из-за польского восстания 1863 года, совпавшего с гражданской войной в США — с войной Севера против Юга*, в которой Россия заняла сторону Севера.

К этой исторической памяти, к вековому стремлению российской державы, русских моряков вырваться на просторы Мирового океана неоднократно обращались в своих выступлениях на заседаниях Совета обороны, Политбюро, а также в открытой печати сторонники создания советского океанского Военно-Морского Флота.

Символом нового статуса ВМФ СССР и его соответствующих оперативно-стратегических установок стали практически глобальные военно-морские учения «Океан», проводившиеся с 14 апреля по 6 мая 1970 г. В маневрах принимали участие подводные и надводные корабли различных классов, морская авиация, морская пехота.

Начальник Политуправления Военно-Морского Флота адмирал В. Гришанов с гордостью писал: «Само название маневров — «Океан» — символично. Теперь мы называем наш флот океанским. И это справедливо. На карте Мирового океана нет районов, где бы не плавали советские военные корабли»¹⁸⁹. Один из теоретиков военно-морских сил отме-

* После поражения в Крымской (Восточной) войне 1853 — 1856 годов Россия утратила право иметь военный флот на Черном море. Только-только вступившая в полосу реформ, она не имела средств и производственных мощностей для создания броненосного флота, способного бросить вызов флотам Великобритании или Франции в борьбе за «владение морем». Поэтому был сделан упор на создание двух основных типов военно-морских сил: во-первых, сил сугубо оборонительного плана, способных действовать совместно с сухопутными силами, береговой артиллерией в прибрежной зоне (броненосцы береговой обороны — плавающие батареи типа «поповка»); во-вторых, легких крейсеров, предназначенных для действия на океанских коммуникациях противника — морской державы, в высокой степени зависимой от морской торговли. Корабли второго типа, составившие две эскадры, были заранее выведены в Мировой океан в 1863 году, еще до начала вооруженного конфликта.

чал, что по единому замыслу и плану основные силы четырех флотов СССР вышли в различные районы Атлантического и Тихого океанов и Средиземного моря¹⁹⁰.

Подчеркивая уникальность этой военно-политической акции, адмирал Гришанов отмечал, что она носила беспрецедентный характер не только в отечественной, но и в мировой практике действий военно-морских сил: «По решаемым задачам и составу (в них входили подводные корабли, авиация, морская пехота Краснознаменных Северного, Тихоокеанского, Черноморского и дважды Краснознаменного Балтийского флотов) маневры не имеют себе равных в истории не только русского и советского, но и зарубежного флотов».

Учения Краснознаменного Тихоокеанского флота (КТОФ) проходили в «непосредственной близости от очагов военной агрессии США в Юго-Восточной Азии, в зоне активных действий американского военно-морского флота»¹⁹¹. Маневры «Океан» завершились посещением советскими кораблями более десяти иностранных портов, расположенных на четырех континентах земного шара¹⁹².

Такая деятельность советского ВМФ в тот период прежде всего связывается с именем адмирала флота Сергеем Георгиевичем Горшковым*, возглавившим Военно-Морской Флот СССР в 1956 году и оставшимся на этом посту более 30 лет. Горшков был чрезвычайно целеустремленным человеком, обладающим исключительным умением убеждать и военных, и политических руководителей страны. Как писал в 1990 году его преемник на посту Главнокомандующего советским ВМФ адмирал флота В.Н.Чернавин, Горшков «был сторонником всемерного укрепления морской мощи нашего государства». Горшков активно оспаривал концепции, сформулированные в труде «Военная стратегия». В соответствии с ними ВМФ отводилась роль лишь «помощника Советской Армии». Как сетует Чернавин, «приверженцы этого мнения, к сожалению, существуют и сегодня»¹⁹³.

* В Великую Отечественную войну С.Г.Горшков не командовал крупными соединениями и объединениями морского флота. В его задачу входило командование Азовской флотилией, Новороссийским оборонительным районом, Дунайской военной флотилией. Лишь под конец войны, с января 1945 года, он принял командование эскадрой Черноморского флота. После Великой Отечественной войны он был начальником штаба, командующим Черноморским флотом, затем недолгое время первым заместителем Главнокомандующего ВМФ.

Горшков настойчиво добивался повышения значения ВМФ в общей системе вооруженных сил. В то же время он вынужден был отдавать себе отчет в том, что не может претендовать на наличие особой военно-морской стратегии. Горшков подчеркивал, что последняя является специфической стороной военной стратегии. Опираясь на анализ стратегических концепций первой и второй мировых войн, практических вопросов взаимодействия флотов и сухопутных войск в прошлых войнах различных государств, он пришел к выводу о том, что «объективное развитие событий все более снижало универсальность морской стратегии, ставило ее в рамки специфической стороны военной стратегии»¹⁹⁴.

Обосновывая повышенную роль Военно-Морского Флота, адмирал Горшков настоятельно подчеркивал его особое значение не только в военное, но и в мирное время. Он, в частности, заявил о сдерживающей роли советского ВМФ в международных конфликтных и кризисных ситуациях в различных районах мира: «Советский Военно-Морской Флот является средством... сдерживания военных авантюр и решительного противодействия угрозам безопасности народов со стороны империалистических держав»¹⁹⁵.

С выходом советского ВМФ на океанские просторы Советский Союз, по мнению Горшкова, «получил новые, более широкие возможности для его использования в мирное время в целях обеспечения своих государственных интересов»¹⁹⁶.

14. Преемственность и революционность 80-х годов

В начале 80-х годов разрядка осталась уже в прошлом. Начался новый тур обострения международной напряженности, который и в СССР, и на Западе многие стали называть «второй холодной войной». Это не могло не отразиться на оценках военно-политической обстановки, причем не только текущей и среднесрочной, но и долгосрочной.

Однако даже в этих условиях в советских представлениях о будущей войне появляется немало нового, того, что будет потом включено в концептуальные положения военно-политической теории второй половины 80-х — перио-

да «перестройки» и «нового мышления». Существенную роль при этом сыграли опыт разрядки в отношениях СССР — США, а также новое, более глубокое понимание последствий ядерной войны.

Обобщенная характеристика будущей войны, представленная в труде маршала Н.В.Огаркова «История учит бдительности», готовившемся на протяжении первой половины 80-х годов, практически повторяла то, что говорилось советскими военачальниками и военными теоретиками в 60-е годы. «...Советская военная доктрина предполагает, что современная мировая война, если империалисты все же развяжут ее, приобретет небывалый пространственный размах, охватит все континенты и океанские просторы и неизбежно втянет в свою орбиту большинство стран мира. Она приобретет беспрецедентно разрушительный характер. Военные действия будут вестись одновременно в обширных зонах, отличаться невиданной ожесточенностью, носить высокоманевренный, динамичный характер...» Такого рода война, как считал Огарков, будет «продолжаться до полной победы над врагом»¹⁹⁷.

Аналогичный характер носили и оценки других советских военных авторов. Так, бывший Главнокомандующий войсками СССР генерал армии И.Г.Павловский в новом издании своего труда «Сухопутные войска СССР» писал, что «новая мировая война, если ее развяжут империалисты, явится решающим столкновением двух противоположных общественных систем. По своему характеру она будет коалиционной, а главным средством ее ведения — ракетно-ядерное оружие»¹⁹⁸. Так же, как и Огарков, Павловский совершенно однозначно ставил вопрос о возможности и необходимости достижения победы в ее классическом, традиционном смысле, который сложился еще со времен наполеоновских войн. «Победа над агрессором в такой войне может быть достигнута только совместными и согласованными действиями всех сил и средств ведения вооруженной борьбы.

Поэтому для окончательной победы в этой ярко выраженной классовой войне будет недостаточно только уничтожить средства ядерного нападения врага и разгромить его основные силы ударами ядерных ракет. Понадобится еще завершить полный разгром его вооруженных сил...»¹⁹⁹.

Нельзя не отметить, что тезис о достижении победы в будущей войне сохранился в выступлениях ряда советских во-

еначальников и военных теоретиков и после того, как министр обороны СССР Д.Ф.Устинов в 1982 году отверг идею о возможности победы в ядерной войне, заявив, что «Советский Союз не делает ставку на победу в ядерной войне»²⁰⁰.

Говоря о стремлении к победе, советские военные авторы в 80-е годы практически нигде не пишут о необходимости достижения военного превосходства. Наоборот, во многих выступлениях подчеркивается необходимость сохранения лишь общего военно-стратегического равновесия (паритета) СССР с его вероятными противниками, а попытки достижения превосходства, если не количественного, то качественного, говорится в этих выступлениях, предпринимает противоположная сторона²⁰¹.

Повторяя в основном высказывания политического руководства, Д.Т.Язов, бывший тогда министром обороны, писал в 1988 году: «...Советский Союз к военному превосходству не стремится, на большую безопасность не претендует, но и на меньшую не пойдет и не допустит военного превосходства над собой»²⁰². Некоторые военные авторы пошли еще дальше, заявляя, что «при установившемся в мире военно-стратегическом равновесии и накопленных ныне запасах ракетно-ядерного оружия само понятие «военное превосходство» лишено смысла»²⁰³. Но этот тезис не получил широкого распространения среди военных специалистов в их открытых публикациях, хотя и поддерживался многими во внутренних дискуссиях.

В трудах советских военных теоретиков и военачальников в 80-е годы весьма четко было выражено негативное отношение к идеям ограниченной ядерной войны. Интерес к этой теме в советской военной литературе значительно повысился в связи с тем, что она к этому времени вновь стала весьма громко звучать с американской стороны. Как и в прошлые периоды, в СССР подвергались критике американские и натовские концепции ограниченной ядерной войны.

По словам начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР С.Ф.Ахромеева, «в современных условиях, при наличии у обеих сторон многих тысяч ядерных зарядов, ограниченная война невозможна. Если ядерная война разгорится, она неминуемо станет всеобщей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Теория же ограниченной ядерной войны исходит из ложного понимания существа дела и стремления сделать саму идею ядерной войны приемлемой для общественного мнения, внушить людям, будто бы ядер-

ный конфликт можно вести по каким-то заранее разработанным "правилам"»²⁰⁴.

Ему вторил Н.В.Огарков, который писал, что расчеты заокеанских стратегов на возможность ведения так называемой ограниченной ядерной войны не могут иметь под собой в современных условиях какого бы то ни было основания. Это утопия: любое так называемое ограниченное применение ядерных средств неизбежно приведет к незамедлительному использованию всего ядерного арсенала сторон. Такова суровая логика войны²⁰⁵.

В советском «Военном энциклопедическом словаре» зафиксировано, что концепция ограниченной ядерной войны в советской военной теории считается несостоятельной, так как удержать ядерную войну в каких-то заранее определенных рамках практически невозможно²⁰⁶.

Свой вклад в критику идей ограниченной ядерной войны внесли и «гражданские стратеги». Говоря о возможности ограниченных ударов, контроля над эскалацией войны, затяжных и поэтапных обменов ядерными ударами, как писал профессор В.В.Журкин, официальные лица и специалисты на Западе зачастую имеют в виду первое применение ядерного оружия как некий одиночный, чуть ли не символический акт, после которого обе стороны сразу же примутся улаживать конфликт, что, в свою очередь, сможет, дескать, привести к взаимоприемлемому компромиссу. Нет ничего опаснее таких представлений. Применение ядерного оружия не может расцениваться как «демарш в кризисной обстановке». Оно означало бы «переход Рубикона» и вызвало бы цепь необратимых событий. Использование ядерного оружия поставит под угрозу жизненные интересы другой стороны и вызовет ответный удар, рассчитанный на максимальное поражение противника. Ядерная война — это не «совместное предприятие», не игра по заранее заданным правилам: в силу физических свойств ядерного оружия и последствий его применения такая война стала бы величайшей в истории катастрофой²⁰⁷.

Академик Е.П.Велихов подчеркивал, что особая опасность концепции ограниченной ядерной войны заключается и в следующем: для отдельных регионов она с самого начала стала бы тотальной. Ограниченный, с точки зрения США, ядерный конфликт в Европе означал бы гибель европейской цивилизации²⁰⁸.

Отрицая в принципе ограниченную ядерную войну, советское военное командование признавало, что оно вынуждено учитывать деятельность другой стороны в данном направлении. В целях обеспечения надежного и убедительного сдерживания на всех основных уровнях потенциального конфликта советское военное искусство, в том числе стратегия, оперативное искусство, тактика, в своем арсенале предусматривает соответствующие ядерные средства, наличие которых призвано заставить другую сторону воздерживаться от использования военной силы, в первую очередь ядерного оружия. В целом ряде советских военных публикаций можно встретить рассуждения о том, какую роль играет ядерное оружие в силах общего назначения, как оно может быть применено не только в стратегическом, но и в оперативном и тактическом масштабах. В этом проявлялась явная двойственность советской военной мысли по данному вопросу.

В своих трудах середины 80-х годов Н.В.Огарков поставил под вопрос вообще применимость ядерного оружия в войне. Проследивая эволюцию взглядов на ядерное оружие, которую проделала советская военная мысль в послевоенный период, Огарков, в частности, писал, что в 50 — 60-х годах, когда ядерного оружия было еще мало, оно рассматривалось лишь как средство, дающее возможность нарастить огневую мощь войск. Ядерное оружие разными способами стремились приспособить к существующим в то время формам и способам ведения военных действий, и в первую очередь для решения стратегических задач. В последующий период, в 70 — 80-х годах, быстрый количественный рост ядерного оружия различной мощности, разработка многообразных дальнобойных и высокоточных средств его доставки к цели и широкое внедрение в войска и силы флота «привели к коренному пересмотру роли этого оружия, к ломке прежних взглядов на его место и значение в войне, на способы ведения боя, операции и даже на возможность ведения войны с применением ядерного оружия в целом»²⁰⁹.

Негативное отношение к ядерной войне у советских военных авторов возникло значительно позже, нежели у ученых, занимающихся естественными науками. Так, еще в 1972 году один из наиболее выдающихся физиков XX века Нобелевский лауреат Петр Леонидович Капица, пересмотрев свои взгляды 50-х годов, когда он сравнивал

атомную войну по ее последствиям с эпидемиями прошлых периодов истории человечества, пришел к более радикальному выводу: «Общепризнанно, что такая война, где бы она ни возникла, в несколько часов могла бы отравить весь земной шар и прекратить жизнь человека»²¹⁰.

В первой половине 80-х годов весьма сильное воздействие на представления о характере будущей войны высшего государственного руководства — Л.И.Брежнева, а также Ю.В.Андропова, А.А.Громыко, Д.Ф.Устинова — оказали характеристики последствий ядерной войны, сделанные американскими и советскими врачами, а затем разработка крупными учеными мира концепции «ядерной зимы». Движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», возглавляемое американским кардиологом Бернардом Лауном и советским кардиологом Евгением Чазовым, было поддержано Брежневым, несмотря на весьма негативное отношение к их заявлениям о катастрофическом характере ядерной войны со стороны руководства Главного политуправления²¹¹. Последние считали, что такие выступления подрывают «моральный дух» вооруженных сил, которые не могут существовать иначе, как готовясь одержать победу в случае войны.

Что касается концепции «ядерной зимы», выдвинутой несколькими западными учеными, то параллельно ее начали разрабатывать и ученые в СССР (прежде всего В.В.Александров, а также Н.Н.Моисеев, Г.Л.Стенчиков, Г.С.Голицын, А.С.Гинзбург, Ю.А.Израэль и др.)²¹².

Признание советскими военачальниками и военными теоретиками практической бессмысленности ядерной войны сопровождалось поисками альтернативы в виде большой «обычной войны»; об этом еще в 60-е годы писали ряд советских авторов. Как правило, такая альтернатива предусматривалась лишь на определенный период войны.

Так, в вышедшем в 1982 году коллективном труде «Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР» говорилось следующее: «...будущая война может быть развязана как обычным, так и ядерным оружием; начатая обычным оружием, она на определенном этапе может перерасти в ядерную; в случае нападения агрессора для его разгрома должны быть использованы вся военная мощь страны и ее Вооруженных Сил, а также различные формы и способы вооруженной борьбы»²¹³. Далее в книге отмечалось: «...советская военная мысль разработала способы ведения военных

действий как с применением, так и без применения ядерного оружия»²¹⁴.

Применение только обычных средств заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР М.А.Гареев связывал прежде всего с начальным периодом мировой войны²¹⁵.

Намек на возможность ведения большой обычной войны содержался в работе генерал-лейтенанта А.И.Евсеева: «По размаху военных действий начальный период будущей войны будет существенно отличаться от начальных периодов прошлых войн. Причем это относится не только к ядерной войне»²¹⁶.

Сменивший в 1984 году Н.В.Огаркова на посту начальника Генерального штаба С.Ф.Ахромеев писал: «В последние годы наши вероятные противники, сознавая неотвратимость ответного ядерного удара и катастрофические последствия, особое внимание уделяют развитию систем обычного оружия с более высокими характеристиками по мощности, дальности и точности. Одновременно ими совершенствуются и способы развязывания военных действий с применением обычных средств поражения, прежде всего новых видов управляемого в автоматизированном режиме высокоточного оружия». Далее Ахромеев делал следующее заключение: «Все эти действия противника советская военная наука не оставляет вне своего поля зрения. Учитываем мы эти тенденции как при обучении войск (сил), так и при управлении ими»²¹⁷.

К сказанному С.Ф.Ахромеевым можно присовокупить то, что отмечалось в опубликованном в 1985 году труде Военной академии Генерального штаба: на новом этапе развития советской военной теории снова стали признаваться правомерными операции с применением обычного оружия, произошло «восстановление в правах традиционных категорий и принципов оперативного искусства»²¹⁸. Этот тезис затем был практически дословно повторен в статье начальника этой Академии генерала армии Г.И.Салманова в журнале «Военная мысль» в 1988 году²¹⁹.

Во внутренних дискуссиях по военно-теоретическим вопросам в этот период поднимается тезис о том, что боевые действия во время столкновений двух основных блоков в Европе могут вестись исключительно обычным оружием в силу того, что стороны хорошо понимают катастрофичность последствий ядерной войны и не будут

переходить «ядерный порог». В качестве аргумента используется напоминание о том, что Гитлер в ходе второй мировой войны так и не решился применить химическое оружие, опасаясь возмездия — удара аналогичным оружием.

Все большее внимание советская военная мысль уделяет высокоточному обычному оружию — противотанковому, противосамолетному, противокорабельному, средствам поражения радиолокационных станций и др. Своеобразным толчком для таких дискуссий послужили арабо-израильский вооруженный конфликт в долине Бекаа в 1982 году и англо-аргентинская война из-за Фолклендских (Мальвинских) островов.

В 80-е годы усиливается тенденция признания важной роли средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ). (В этом вопросе наибольшую активность проявляли моряки.) Эта тенденция в значительной мере связана со скачкообразным увеличением насыщенности вооруженных сил многообразными информационными средствами. В таких условиях нарушение ритмичности поступления информации или сбой хотя бы в одном звене управления отрицательно влияет на боевые возможности сил в целом. Нарушение же управления ими в нескольких звеньях может дать не меньший результат, чем непосредственное применение средств вооруженной борьбы²²⁰. Эффект применения средств РЭБ против систем и средств боевого управления, связи, разведки становится соизмеримым с эффектом применения ударных огневых средств. РЭБ выходит за рамки вида боевого обеспечения, становится неотъемлемой частью боя, операции²²¹.

К сожалению, в выступлениях крупных общевойсковых военачальников в этот период средствам радиоэлектронной борьбы не уделялось должного внимания.

Оценивая перспективы развития новых высокоточных обычных средств поражения, Н.В.Огарков фактически подверг сомнению традиционное понимание роли танка, самолета, надводного корабля²²². Однако в целом в армии господствовала прежняя точка зрения на эти виды вооружений.

Так, генерал армии И.Г.Павловский, занимавший на протяжении многих лет пост Главкома сухопутных войск, оценивал роль танков и танковых войск в современных условиях примерно так же, как это делали маршалы танковых войск Ротмистров, Бабаджанян, Лосик и многие общевойсковые генералы в 50 — 60-е годы. «Танковые войска —

главная ударная сила сухопутных войск и могучее средство вооруженной борьбы, предназначенное для решения наиболее важных задач в различных видах боевых действий. Они являются современным и весьма перспективным родом войск, применяемым преимущественно на решающих направлениях с целью нанесения противнику мощных и глубоких ударов»²²³.

В аналогичном духе высказывались и авторы упомянутого коллективного труда «Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР»: «Главной ударной силой сухопутных войск по-прежнему являются танковые войска. Высокая подвижность, большая огневая и ударная сила, мощная броневая защита делают этот род войск наиболее эффективным... Исключительно велика роль танковых войск и в условиях ведения боевых действий без применения ядерного оружия. Все это предопределило их особое место в общем составе сухопутных войск и оказало решающее влияние на их организационное развитие»²²⁴.

Во второй половине 80-х годов в советской литературе появляются кардинально новые оценки последствий применения новейшего обычного оружия в случае большой войны в Европе. Наиболее четко по этому поводу высказался в открытой печати заместитель министра обороны СССР по вооружению Виталий Михайлович Шабанов. Нить его рассуждений выглядела следующим образом: качественный скачок в развитии обычных средств вооруженной борьбы влечет за собой изменение характера подготовки и ведения операций, что, в свою очередь, предопределяет возможность ведения военных действий с применением обычных средств в качественно новых и значительно более разрушительных, чем прежде, формах.

В статье «"Обычная" война: новые опасности» (1986 г.) Шабанов писал, что использование автоматизированных систем управления войсками и оружием, создание глобальных систем разведки, разведывательно-ударных комплексов, полная механизация и высокая мобильность войск, применение военной робототехники обуславливают передачу автоматам все большего количества функций оценки ситуации, а в конечном итоге и управления, выполнявшихся ранее человеком. Скоротечность действий и быстрое изменение тактической и оперативной обстановки, охват одновременно больших территорий стран Европы, преднамеренное нарушение каналов связи, ведение боевых операций в любое время суток и при любых погодных условиях не позволят политическому и высшему военному руководству из-за нехватки

времени и информации санкционировать принимаемые решения. В экстремальных случаях это может привести к необратимой эскалации военных действий, вплоть до применения тактического ядерного оружия²²⁵.

Вместе с тем в случае войны в Европе переход к боевым действиям с применением оружия массового уничтожения может быть внезапным, непредсказуемым, а это порождает у государств стремление держать свои ядерные средства в состоянии повышенной боевой готовности, что, в свою очередь, существенно увеличивает опасность возникновения ядерной войны и ее эскалации. При массовом применении обычного оружия не исключено преднамеренное или случайное нападение на ядерные и химические средства противника, в том числе на склады, пусковые установки, машины-хранилища для перевозки ядерных боеголовок и снарядов, транспортно-заряжающие машины и другие подобные объекты. По своим последствиям это может оказаться аналогичным применению соответствующих средств массового поражения, нарушить равновесие в тактических и ядерных вооружениях и вызвать непредсказуемые ответные действия. Удары обычных огневых средств способны разрушить и многочисленные европейские мирные атомные электростанции, и энергоустановки. Результат был бы фактически равнозначен нападению с применением ядерного оружия, а последствия значительно более ощутимыми, чем при аварии в Чернобыле. (В выступлении Шабанова ряд специалистов в то время усматривали стремление последнего добиться увеличения ассигнований на развитие обычных средств даже за счет сокращения советской ядерной программы.)

Логическим следствием развития представлений о катастрофичности последствий ядерной и даже обычной войны в условиях ядерно-техногенной Европы стало признание высшими советскими военными руководителями невозможности победы в ядерной войне. Такие признания последовали за соответствующими заявлениями советского партийно-государственного руководства, пришедшего к власти в 1985 году.

«Невозможно выиграть не только ядерную войну, но и гонку вооружений. Социалистические страны не позволят сломать военно-стратегический паритет, обеспечивающий их безопасность, мир во всем мире»²²⁶, — заявил министр обороны СССР Сергей Леонидович Соколов 9 мая 1986 г.

«В современной обстановке, — подчеркивал в «Правде» в июле 1987 года министр обороны СССР генерал армии Д.Т.Язов, — когда накоплены огромные арсеналы ядерного оружия, представляющего опасность для судеб самого человечества, ядерная война не может быть средством достижения политических целей»²²⁷.

В ряде случаев подобные заявления носили как бы ритуальный, протокольный характер. Не случайно они сопровождались упоминанием о том, что Советский Союз не позволит Западу нарушить военно-стратегический паритет, иными словами, не уступит в гонке вооружений, не допустит поражения в «холодной войне». Это были своеобразные усилия по «поддержанию высокого морального духа» военнослужащих. Однако при этом упускалось из вида, что понятие «победа» (являющееся одним из ключевых в военном искусстве) может применяться не только к стратегическому, но и к оперативному и тактическому масштабам действий, фактически к уровням вооруженной борьбы, где еще нельзя говорить о победе в войне в целом, то есть о достижении поставленных политических целей.

Советские авторы не могли не обратить внимание на то, что в документах министерства обороны США в первой половине 80-х годов более откровенно, чем в 70-х годах, ставилась задача обеспечения «пресобладания» Соединенных Штатов в различных видах вооруженных конфликтов, в результате чего «мир восстанавливался бы на условиях, более предпочтительных для США»²²⁸.

Аналогичный тезис фигурировал и в докладе президента Р.Рейгана «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов» от 28 января 1987 г., где, в частности, указывалось: «Соединенные Штаты на основе сотрудничества со своими союзниками должны добиваться сдерживания любой агрессии, способной представить угрозу для безопасности, а в случае, если политика сдерживания потерпит провал, должны быть готовы отразить любое военное нападение и завершить конфликт на условиях, благоприятных для Соединенных Штатов, их интересов и союзников». Точно такая же формулировка содержалась и в докладе Р.Рейгана от 1988 года²²⁹.

В СССР такие заявления расценивались, и не без оснований, как замаскированный призыв к обеспечению военного превосходства США над Советским Союзом, сохранению ставки на победу в войне практически любых

масштабов. В то же время многие отставные американские государственные, военные деятели, не говоря уж об ученых, однозначно признавали и в тот период невозможность победы в ядерной войне.

Для советской военной и военно-политической мысли 80-х годов характерно продолжение, а по ряду моментов и усиление официального отрицательного отношения к идее ограниченной ядерной войны. В этом были едины как военачальники и военные теоретики, так и гражданские ученые, участие которых в обсуждении военно-политических проблем в этот период значительно расширилось.

Одной из центральных тем в оценках военно-политической обстановки в 80-е годы в СССР становится тема стратегической стабильности, обеспечение которой признается как главнейшее условие предотвращения войны. Появляется целый ряд работ, в которых разделяются понятия военно-стратегического равновесия (паритета) и стратегической стабильности.

В Политическом докладе ЦК КПСС, сделанном М.С.Горбачевым на XXVII съезде КПСС, говорилось, что «нынешний уровень баланса ядерных потенциалов противостоящих сторон непомерно высок» и что этот баланс обеспечивает каждой из сторон равную опасность. В связи с этим был сделан важный вывод о том, что «продолжение гонки ядерных вооружений неизбежно увеличит эту равную опасность и может довести ее до таких пределов, когда даже паритет перестанет быть фактором военно-политического сдерживания»²³⁰.

Подобным образом стали оценивать паритет и военачальники. Так, например, Маршал Советского Союза В.Г.Куликов писал в 1988 году, что «дальнейшее повышение уровня паритета не несет большей безопасности ни одной из сторон. Наоборот, оно прямо ведет к обратным результатам — усилению угрозы развязывания мировой войны»*.

Одним из основных толчков к обсуждению темы стратегической стабильности послужила выдвинутая президентом США Рональдом Рейганом 23 марта 1983 г. программа «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

* В.Г.Куликов подчеркивал, что при «непомерно высоком уровне паритета» как в ядерных, так и в обычных вооружениях будет сложно предотвратить или снизить разрушительные последствия военного столкновения. (См. Куликов В.Г. О военно-стратегическом паритете и достаточности для обороны // Военная мысль. — 1988. — № 5. — С.7.)

Впервые условия обеспечения стратегической стабильности в открытой литературе в нашей стране были сформулированы в докладе Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы «Стратегическая стабильность в условиях радикального сокращения ядерных вооружений».

В конце 80-х годов многие советские военные авторы в оценках военно-политической обстановки стали отмечать улучшение международных отношений, снижение напряженности. Весьма подробно о принятых в этот период мерах писал, в частности, Н.В.Огарков, сделав следующий общий вывод: «В результате международная напряженность заметно уменьшилась»²³¹. В то же время подчеркивалось, что угроза войны и военных конфликтов между Западом и Востоком не исчезла. А по ряду направлений, как отмечали видные военные авторы, она продолжала нарастать. В числе этих направлений назывались увеличение противосилового потенциала американских стратегических ядерных сил (СЯС), развитие высокоточного обычного оружия, а также наращивание флота США и других государств.

В феврале 1989 года Д.Т.Язов писал: «...налицо попытка НАТО с помощью специально отобранных, соответствующим образом препарированных «факторов» реанимировать лживый тезис о «советской военной угрозе» ... а заодно оправдать продолжение реализации долгосрочных военных программ НАТО, предусматривающих оснащение вооруженных сил блока новыми высококачественными комплексами обычного оружия, а также автоматизированными системами управления, связи, разведки и РЭБ. Только за счет этих систем планируется, например, увеличение на 40 процентов боевого потенциала сухопутных войск НАТО»²³².

По оценке начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии М.А.Моисеева, военная доктрина НАТО по-прежнему сохраняла угрожающий для СССР и его союзников характер. «Военная доктрина НАТО, несмотря на публичные заверения в «оборонительном» ее характере, — писал он в 1989 году, — предполагала и предполагало до сих пор использование ядерного оружия с целью угрозы, ведения боевых действий и победы в ядерной войне. Все планы США строятся на ведении военных действий на чужих территориях и допускают превентивные удары «по подозрению», а также массированные удары для подавления сопротивления "на начальном этапе войны"»²³³.

Советское военное командование в своих оценках военно-политической обстановки также обратило внимание на деятельность США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, которая была «направлена на дальнейшую деформацию регионального соотношения сил, наращивание военного потенциала, обострение конфликтных ситуаций, проведение обструкционистской линии в вопросах мирного урегулирования»²³⁴.

Относительно военно-морских сил США С.Ф.Ахромеев в сентябре 1988 года писал, что «сейчас они намного превысили пределы, необходимые для обороны»²³⁵. В целом представители военно-морского командования активно выступают с призывами к бдительности. По словам Главкома ВМФ В.Чернавина, писавшего в «Морском сборнике» в январе 1989 года (вскоре после объявления М.С.Горбачевым в речи в ООН 7 декабря 1988 г. об одностороннем сокращении советских Вооруженных Сил на 500 тыс. человек), «представители стран НАТО не могли не увидеть тех изменений, которые произошли в теории и практике советского военного строительства под воздействием перестройки и нового политического мышления.

Однако в руководящих кругах НАТО предпочитают делать вид, что ничего существенного не произошло, и с их стороны адекватной реакции не последовало. Они по-прежнему проводят крупномасштабные учения в духе наступательной стратегии, зачастую вблизи границ Советского Союза. Причем интенсивность и размах их в последнее время повысились»²³⁶.

Резкой и вполне заслуженной критике подверг Чернавин военно-морскую стратегию США: «Согласно «новой морской стратегии», принятой на вооружение Пентагоном в 1986 г., целями ВМС США являются достижение преимуществ с помощью превентивных мер, захват инициативы с началом конфликта, нанесение ударов по объектам, расположенным в глубине советской территории».

Как отмечал Чернавин, развернутая США и некоторыми другими странами НАТО гонка морских вооружений, резкое повышение активности их флотов ведут к росту военной опасности, и особенно в Мировом океане, где возможность возникновения конфликтных ситуаций с применением оружия становится наиболее вероятной²³⁷. Главком ВМФ обоснованно обвинил Запад в нежелании начинать переговоры по ограничению и сокращению военно-морских сил и вооружений, как это предлагал СССР.

При этом В.Чернавин сделал обобщающее заключение в духе противостояния СССР и США, ОВД и НАТО, характерного для предыдущих десятилетий: «Природа империализма такова, что он не в состоянии отказаться от надежд с помощью военной силы изменить ход исторического развития»²³⁸.

Во второй половине 80-х годов в СССР усилился голос гражданских специалистов в анализе военно-политической обстановки, в определении возможностей предотвращения войны, в том числе и связанных с природой противостоящих друг другу в системе международных отношений политических сил и государств. Пересмотру был подвергнут и широко распространенный ранее марксистский тезис о том, что империализму и капитализму имманентно присущи милитаризм и стремление к войнам.

Видный советский экономист профессор И.Д.Иванов писал, что неверно рассматривать милитаризм как некую обязательную и фатальную фазу в генезисе капитализма. По его мнению, милитаризм в принципе экономически обратим и устраним со всеми соответствующими выводами и последствиями. Немилитаризованная модель капиталистической экономики вполне реальна (она существовала и существует в значительной группе стран), а сам милитаризм экономически поддается демонтажу, отмечал Иванов²³⁹.

По оценке академика Г.А.Арбатова, в современных условиях проявляется тенденция сужения социальной базы милитаризма; все более очевидным становится тот факт, что война уже перестала отвечать общеклассовым целям буржуазии. Одна из причин этого состоит в том, что за развязанные войны капитализму, как показала история, пришлось расплачиваться социальными потрясениями. Другая причина связана с прогрессом науки и техники, который привел к тому, что война стала безрассудной, самоубийственной. Одновременно научно-технический прогресс открыл возможности решения многих проблем, из-за которых не раз возникали войны, мирным путем²⁴⁰.

Как писал в 1984 году А.Н.Яковлев, в то время директор Института мировой экономики и международных отношений, «логика и факты политической борьбы показывают, что нет автоматизма и какой-то предопределенности в расширении влияния ВПК (военно-промышленного комплекса. — А.К.)... степень его влияния на общественно-политическую жизнь страны может быть переменной величиной»²⁴¹.

Ряд гражданских ученых сфокусировали внимание на том, насколько вероятна в современных условиях война. «Сегодня в отношениях между Востоком и Западом нет ни одного конфликта, ради решения которого мог бы появиться соблазн прибегнуть к войне...»²⁴², — писали в журнале «Коммунист» в 1988 году исследователи внешнеполитической стратегии В.Журкин, С.Караганов, А.Кортунов.

Новые подходы к оценке военной угрозы появились и в работах военных специалистов, которые обращали внимание на то, что в советских военно-политических прогнозах на протяжении многих десятилетий недостаточно учитывались кардинальные различия между правительствами государств, которые могут представлять собой буржуазно-демократические режимы, а также и крайне правые, типа режимов правительств Гитлера или Муссолини. Кроме того, в их работах подчеркивалось, что в оценках военно-политической обстановки практически не принималось во внимание глубокое воздействие итогов второй мировой войны на общественное сознание в развитых капиталистических странах, что стало важным препятствием для развязывания больших войн.

Началась переоценка адекватности оборонных усилий СССР масштабам военной угрозы. Существенную роль при этом играли, разумеется, экономические факторы, то тяжелое, кризисное положение, в котором ко второй половине 80-х годов оказалась советская экономика. «Оценивая события недавних лет, поневоле приходишь к выводу о том, что, как ни объясняй происходившее, масштабы наших военных приготовлений превышали все разумные параметры»²⁴³, — писал бывший тогда заведующим отделом Института мировой экономики и международных отношений С.Е.Благоволлин. Его коллега доктор исторических наук А.Г.Арбатов в серии работ подверг сомнению оправданность ряда направлений развития Вооруженных Сил СССР, в частности высказался против необходимости иметь войска противовоздушной обороны страны²⁴⁴; кроме того, он принял участие в дискуссии по этому вопросу на страницах главного военно-теоретического органа Вооруженных Сил СССР²⁴⁵.

Подобные выступления нередко вызывали резкую критику со стороны представителей Вооруженных Сил, но в целом развернувшаяся по этим вопросам полемика многими военными специалистами была оценена положительно.

Дискуссия между радикально настроенными гражданскими учеными и публицистами, с одной стороны, и рядом военных специалистов и военачальников — с другой, неоднократно принимала весьма острый характер: со стороны военных звучали и серьезные политические обвинения, которые в недавнем советском прошлом могли бы принести немало бед.

Политические изменения в СССР, вызванные курсом М.С.Горбачева, вошедшим в историю как «перестройка» и «новое политическое мышление», отразились и на советской военной доктрине, последняя модификация которой получила наименование доктрины «оборонной достаточности» (термин применялся также и по отношению к коалиционной военной доктрине Организации Варшавского Договора, принятой в 1987 г.). В политической части этой доктрины определенно декларировалось отсутствие агрессивных устремлений в военно-политических установках СССР и ОВД, в военно-технической — провозглашались переход к концепции оборонной (разумной) достаточности в строительстве и развертывании вооруженных сил, а также отказ от подготовки и проведения крупных наступательных операций на Европейском театре.

Глава III

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ

В первые годы существования Красной Армии многие из ее высших командиров были сторонниками исключительно наступательных, активных боевых действий и инициативной стратегии в целом. Это логически вытекало из идеологической установки на мировую революцию, о чем уже говорилось в предыдущих главах. На выбор такой позиции влияли также и традиции военно-стратегической мысли предреволюционной России, которая как бы в отместку за проигранные ею оборонительные войны (Крымская в XIX в., русско-японская в начале XX в.) делала ставку исключительно на наступательную стратегию. Впрочем, нечто похожее имело место накануне первой мировой войны и в других странах — ее будущих основных участниках: в Германии, Австро-Венгрии, во Франции.

1. Дебаты в 20-е годы

Среди тех, кто подчеркивал необходимость ставки прежде всего на наступательную стратегию, был М.В.Фрунзе. Только наступление, по его глубокому убеждению, могло приносить победу.

Ставка на наступательные операции в военной доктрине Красной Армии, по его мнению, соответствовала и наступательному характеру внешней политики Советской России. «Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти в наступление на капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом, в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики»¹, — писал М.В.Фрунзе в 1921 году. Его не смущала экономическая слабость Советской Рос-

сии, находившейся в состоянии глубокой разрухи после первой мировой войны, гражданской войны и интервенции. По Фрунзе, «базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд и других стран»².

Однако в противоположность многим другим старшим командирам Красной Армии он не абсолютизировал роли наступательных операций, обращая внимание на необходимость в рамках общей наступательной стратегии предусматривать возможность оборонительных операций, в том числе и отступления, когда это необходимо. «...Мы отнюдь не отрицаем отступательных операций, но мы рассматриваем отступление как часть наступления. Допущения идеи отступления как таковой, отступления абсолютного, оторванного от идеи перехода в наступление, по нашему мнению, быть не должно»³, — говорил Фрунзе на совещании военных делегатов XI съезда Российской Коммунистической партии.

Среди сторонников абсолютизации наступательных операций Красной Армии были как политработники и вышедшие из низов командиры, так и некоторые бывшие генералы царской армии, и в их числе выделялся А.М.Зайончковский. В своих лекциях он подчеркивал, что «стратегия обороняющаяся, нерешительная не соответствует идее классовых войн»⁴. Но и Зайончковский не отрицал необходимости использования обороны не только в тактическом, но и в стратегическом масштабах для сбережения сил и их мобилизации, прикрытия экономической базы вооруженной борьбы⁵.

В то же время в 20-е годы в Красной Армии существовало сильное течение в пользу преимущественно оборонительной стратегии для РККА на начальной стадии большой войны. К нему принадлежали прежде всего Свечин, Верховский, Незнамов, Меликов.

Размышления и выводы А.А.Свечина о соотношении между наступлением и обороной в стратегическом масштабе в первую очередь являются производными от его военно-политических взглядов на будущую войну. Для Свечина, как это уже отмечалось в предыдущей главе, было характерно скептическое отношение к тезису о том, что все будущие войны, в которых придется принимать участие Советской России, будут войнами революционными.

Свечин в своих трудах последовательно и настойчиво указывал на выгоды оборонительной стратегии, на те ее сто-

роны, которые не привлекали внимания многих его современников как в нашей стране, так и на Западе. В «Эволюции военного искусства» Свечин, в частности, писал: «Оборона в стратегии имеет возможность использовать рубежи и глубину театра, что заставляет наступающего противника тратить силы на укрепление пространства и тратить время на его прохождение, а всякий выигрыш во времени — новый плюс для обороны. Обороняющийся жнет и там, где не сеял... так как наступление часто останавливается фальшивыми данными разведки, страхом, инертностью»⁶.

Военный историк комбриг А.И.Верховский (1886 — 1938), военный министр Временного правительства с августа по октябрь 1917 года, перешедший затем на сторону новой власти, также размышлял о выборе стратегии действий Красной Армии в случае агрессии. Он противопоставил «схему (модель) Канн» «схеме (модели) Полтавы», отдав явное предпочтение последней. Говоря о «схеме Канн», Верховский имел в виду не столько знаменитое сражение Второй Пунической войны, в котором карфагенский полководец Ганнибал одержал блестящую тактическую победу, ударами с флангов окружив и уничтожив превосходящее по численности войско римлян (2 августа 216 г. до н.э.). Его занимала главным образом сама идея крупной наступательной операции по охвату флангов, окружению и разгрому основной группировки войск противника в современных условиях, проработанная бывшим начальником Генерального штаба кайзеровской Германии Альфредом фон Шлиффеном в его знаменитом труде «Канны». Идея «Канн», по Шлиффену, была поднята уже на оперативно-стратегический уровень.

«Схема Полтавы» также рассматривается Верховским, но не только применительно к одному лишь событию на поле боя под украинским городом Полтава 8 июля 1709 г., когда русские войска под предводительством Петра Великого разгромили шведскую армию во главе с Карлом XII. «Полтава» — это символ сознательного стратегического отступления, сознательного выбора стратегической обороны для последующего контрудара, контрнаступления, без чего невозможен разгром противника. «Полтава», по Верховскому, — действия в оперативно-стратегическом масштабе, которые увенчиваются успехом на поле боя в тактическом масштабе, приносящим, в свою очередь, стратегические результаты.

Суть «Полтавы», по Верховскому, заключается в следующем: «Молодая, только недавно сформировавшаяся армия (русская. — А.К.), плохо подготовленная к маневру, давала бой лучшей армии тогдашней Европы — шведам. Нужно было поразить врага новым приемом борьбы, расстроить его блестящее маневренное искусство и атаковать после того, как он был расстроен»⁷.

Для расстройства высокого маневренного искусства шведов, дававшего им неоспоримые преимущества над русской армией, Петр I оборудовал подступы к укрепленному лагерю русской армии системой полевой фортификации — редутов оригинальной конфигурации (6 фронтальных и 4 перпендикулярных). Замысел Петра, состоявший в том, чтобы измотать и расколоть строй шведов на линии редутов, а затем нанести им поражение в полевом бою, полностью оправдался.

Размышляя о крупных оборонительных операциях и сражениях первой мировой и гражданской войн, Верховский также подчеркивал не только военные, но и политические выгоды обороны в стратегическом масштабе, исходя из сильных антивоенных настроений в Европе после первой мировой войны: «...оборонительное сражение имеет крупные политические выгоды. Отношение широких масс к войне резко отрицательно во всех странах Европы, и тот, кто хоть издали имеет вид наступающего, навлекает на себя ненависть. Войска правительства, ведущего наступательную войну на чужой территории, теряют в своей боеспособности. Наоборот, чем глубже внутри страны идет оборона, тем лучше дерутся обороняющиеся части. Эту мысль при нашей территории нельзя забывать. Предшествующие поражения не понижают силы сопротивления войск, если интересы сколько-нибудь широких слоев поставлены на карту, — наоборот, сила сопротивления войск растет. Таковы все оборонительные операции мировой и гражданской войн». Далее Верховский произнес ставшую знаменитой в то время фразу: «С этой точки зрения нам выгоднее в первых боях отдать Минск и Киев, чем взять Белосток и Брест»*.

Вещий смысл этих слов заключается в том, что в Великую Отечественную войну 1941 — 1945 годов Красная

* Белосток и Брест в то время входили в состав буржуазной Польши, с которой у СССР были весьма напряженные отношения. Польша рассматривалась как один из наиболее вероятных противников СССР в случае войны на Западе.

Армия сначала заняла Белосток и Брест, вступив осенью 1939 года на территорию Польши, после того как та была разгромлена нацистской Германией. Но затем именно на Белостокском выступе в июне 1941 года Красная Армия потерпела одно из наиболее сокрушительных поражений «в первых боях». Несколько позднее пришлось отдать врагу сначала Минск, а затем и Киев, восточнее которого гитлеровский вермахт создал «котел», где погибли несколько армий Юго-Западного фронта. Значимость сознательной, заранее спланированной и обеспеченной материально и духовно обороны как эффективной формы военного искусства была восстановлена после принесшей победу Красной Армии Орловско-Курской операции летом 1943 года.

Фразу Верховского многократно цитировали в период так называемого разгрома школы Свечина, когда Свечина, Верховского и их единомышленников обвиняли в пораженьчестве, в непонимании «революционного духа» Красной Армии и даже в предательстве, в «пособничестве классовому врагу».

Среди тех, кто активно выступал против идей Свечина, Верховского, Меликова и других военных теоретиков, уделявших большое внимание вопросам обороны, можно отметить такую крупную фигуру, как М.Н.Тухачевский. Отношение Тухачевского к обороне и наступлению в стратегии Красной Армии было прямым следствием его взглядов на характер будущих войн, о чем говорилось в предыдущих главах книги.

Нельзя не привести довольно пространное высказывание Тухачевского, из которого видно, насколько идеологизирована была его аргументация в пользу преобладания наступления в стратегии и военной доктрине. Резко раскритиковав взгляды молодого военного историка и теоретика Меликова (ученика Свечина), назвав их антимарксистскими и оппортунистическими, Тухачевский сказал следующее: «Тов. Свечин имеет союзником и другого старого специалиста — т.Верховского, который в своей книжке «Огонь, маневр и маскировка» договаривается до того, что нам, быть может, лучше отдать Минск и Киев, чем занять Белосток и Брест... Такие настроения являются уделом не только некоторых представителей старых военных специалистов, но имеют распространение и среди коммунистов. Мы, например, вели немалые споры с одной

«глубокомысленно» стратегической теорией, которая проповедовала нечто большее, чем оборону, — отход внутрь страны, наподобие почти что 1812 г., и которую Климентий Ефремович Ворошилов, высмеивая, назвал «можайской стратегией».

Эти крупнейшие ошибки, — продолжал Тухачевский, — конечно, не являются случайными. Мы имели большую дискуссию по вопросу о политике и стратегии на нашем первом Всесоюзном съезде ВНО (Военно-научное общество. — А.К.). Там даже очень серьезные марксисты утверждали, что пролетарское государство не имеет права низложить вооруженной силой буржуазное государство другой страны»⁸.

Тухачевский проявил себя как ярко выраженный сторонник решительных наступательных действий в духе «стратегии сокрушения», которой, по его мнению, отдавал предпочтение в своем учении о войне и К.Клаузевиц. Тухачевский обрушивается на крупнейшего немецкого военного историка Г.Дельбрюка, который ввел в оборот понятия «стратегия измора» и «стратегия сокрушения», широко применяемые советскими военными теоретиками 20-х годов (прежде всего А.А.Свечиным и А.И.Верховским).

Надо отметить, что в ряде случаев, если абстрагироваться от совершенно необоснованных и выходящих за пределы нормального общения идеологических ярлыков, навешиваемых на сторонников стратегической обороны, критика в их адрес была небезосновательной. Так, например, некто П.Суслов, участвуя в разгроме школы Свечина, писал по поводу приведенной выше фразы Верховского, что ее автор, равно как и Свечин, игнорирует роль политической географии, что для них политическое значение Советской Белоруссии и Советской Украины — второстепенные факторы для стратегического руководства⁹.

Политико-географические вопросы действительно представляют собой серьезную проблему при разработке замысла и целей оборонительных и наступательных действий не только в стратегическом, но и в оперативном масштабе, в том числе в современных условиях, практически для любого государства или коалиций государств.

У Свечина, Верховского и их единомышленников в Красной Армии, подчеркивающих преимущества обороны над наступлением, имелись предшественники среди дореволюционных русских военных теоретиков. Наиболее

видные из них — генерал от инфантерии Н.П.Михневич и подполковник Генерального штаба А.А.Незнамов. Не в пример многим своим русским и зарубежным коллегам Н.П.Михневич обратил внимание на то, что Клаузевиц считал «оборону сильнейшей формой ведения войны»¹⁰.

В своем труде «Стратегия» Михневич писал: *«Оборона имеет выгоды и стратегические: обороняющийся находится вблизи своих средств. По мере отступления силы его все более и более сосредоточиваются, средства увеличиваются, между тем как у наступающего — наоборот. Обороняющийся может двигаться быстрее наступающего, так как последний тянет за собою весь тыл, восстанавливает железные дороги, разрушенные мосты и т.п., а обороняющийся при искусной подготовке театра военных действий в административном отношении может двигаться почти без обзоров. Быстрота же движений — большой прирост в силе. «Сила армий, подобно как в механике, измеряется массою, умноженною на скорость», — сказал Наполеон. Обороняющийся у себя в стране несет меньше лишений, чем наступающий, да и настроение армии, обороняющей родные очаги, гораздо серьезнее»*¹¹.

В рассуждениях Михневича особое место занимает вопрос об искусной подготовке театра военных действий обороняющейся стороной в административном отношении. Представляется, что этот вопрос, во многом недооцененный военными и политиками в последующей истории, требует внимания и в современных условиях при реализации подлинно оборонительных стратегических и оперативных планов.

Однако в целом Михневич ратовал за приоритет наступательной, а не оборонительной стратегии. В свое время он выступал военным теоретиком царской России, проводившей политику, ориентированную на территориальные захваты. К тому же на военно-политических установках царского правительства перед первой мировой войной в значительной мере сказывалась финансовая и политическая зависимость России от Франции. Правительство же и Генеральный штаб Франции настойчиво требовали от русской армии в случае войны с «центральными державами» (Германская империя и Австро-Венгерская монархия) немедленных наступательных действий против Германии, призванных оттянуть как можно больше германских сил с Западного фронта. Под нажимом

французов в августе 1914 года, еще до окончания общего развертывания армий прикрытия на театре, было осуществлено плохо подготовленное вторжение в Восточную Пруссию двух русских армий, что привело к тяжелому поражению армии Самсонова.

Подполковник Генерального штаба А.А.Незнамов в своем труде «Оборонительная война» (1909 г.) приводил три мотива, могущих повлиять на выбор стратегической обороны в будущей европейской войне государствами, подобными России.

Во-первых, по Незнамову, такие государства «временно не готовы к тому, чтобы немедленно приступить к решительным действиям... *слабейший не отказывается от наступления; он жаждет его, но, пока неготов к нему, выжидает...* Второй побудительной причиной может служить такое превосходство сил у противника, что другая сторона не может вообще выставить равных, так как у нее нет на это средств... (Причины: несоответствующая военная система, недостаточное количество населения, борьба с коалициями и проч.) Наконец, третья причина: неудача в решительном сражении, после которой одна из сторон, как ослабленная, временно не может мечтать о наступлении»¹².

А.А.Незнамов неоднократно подчеркивал мысль о том, что *конечная цель* обороны, совершенно так же как и наступления, — *победа над противником в решительном столкновении*, и все формы, в которые оборонительная война выливается, суть не что иное, как средства, подготавливающие успех в этом решительном столкновении.

В обобщенном виде цели и задачи обороны Незнамов сформулировал следующим образом: «...отсрочить развязку до благоприятного для себя времени, замедляя успех противника, препятствуя ему в приведении в исполнение его намерений и охраняя жизненные центры своей страны»¹³. Опираясь на опыт войн прошлого, он выступал сторонником активной обороны. «...Все лучшие полководцы истории в случаях, когда они бывали вынуждены обороняться, всегда оборонялись активно. Они не ограничивались одной задержкою противника в наступлении, а постоянно переходили в наступление сами; с превосходными силами устремлялись на различные группы противника и наносили им поражение по очереди. Если противник был сосредоточен, активными маневрами заставляли его разделиться и действовали, как только что сказано»¹⁴.

А.А.Свечин вслед за Михневичем постоянно подчеркивал, что Клаузевиц считал оборону сильнейшей формой ведения войны; и к ней должна прибегать материально более слабая сторона¹⁵.

Он обратил внимание на то, что обороне в труде Клаузевица «О войне» посвящена шестая, наиболее обширная часть книги. И действительно — ей уделено 257 страниц (по изданию 1937 г. в русском переводе), тогда как раздел «Наступление» состоит из 67 страниц и назван «Наброски к седьмой части». Правда, при этом часть «Оборона» включает в себя и вопросы наступления (например, раздел «Взаимодействие наступления и обороны»)¹⁶.

Свечин показал, что тезис Клаузевица об обороне как более сильной форме ведения войны вызвал в период между окончанием франко-прусской войны 1870 года и началом мировой войны самые жесткие нападки немецких и французских военных критиков и профессоров. Загипнотизированные успешными наступательными действиями, руководимыми одним из идейных учеников Клаузевица Гельмутом Мольтке-старшим, критики обвиняли уже почти сорок лет назад ушедшего из жизни Клаузевица в том, что его сбила с толку катастрофа, постигшая Наполеона при вторжении в Россию в 1812 году*. Критики Клаузевица, как писал Свечин, доходили до того, что обвиняли его в пацифизме, и только высокий моральный авторитет Клаузевица помешал приписать ему упадничество и пораженческие настроения¹⁷.

Описывая в 30-е годы превратности судьбы Клаузевица и его учения, А.А.Свечин имел все основания проводить аналогию с собой и своей школой.

Обращаясь к своему времени, его военно-политическим условиям и полемизируя со своими коллегами — сторонниками революционной наступательной стратегии, А.А.Свечин делал следующее весьма важное заключение:

* Клаузевиц состоял в этот период на русской службе. По результатам кампании 1812 года он написал весьма обстоятельный военно-исторический труд, малоизвестный широкой публике, где рассказ о событиях чередуется с глубокими размышлениями о политике, стратегии, тактике. Ряд положений, разработанных Клаузевицем в этом труде, непосредственно вошли потом в его главный труд «О войне». (См. Клаузевиц. 1812 год. — Пер. с нем. — М., Госвоениздат, 1937.)

«Мы не думаем, что признание обороны сильнейшей формой ведения войны является ошибкой, по крайней мере в условиях Европы, не объятых революционным движением». Опираясь на глубокие исторические тенденции, он подчеркивал, что применительно к характеру будущих войн «национальные и экономические заборы Европы имеют огромную историческую давность...»¹⁸.

Оборону и наступление А.А.Свечин рассматривал в их диалектическом единстве. Вопреки обвинениям в том, что он уповает лишь на оборону, опираясь на размышления Клаузевица, Свечин подобно Незнамову расценивал ее прежде всего как средство обеспечения условий для перехода в эффективное контрнаступление. Он писал, что действенность стратегической контратаки в большинстве случаев в своем размахе сильно превосходит первоначальный удар наступающего. «Не видели ли мы во всем течении мировой войны подтверждение глубокой правильности этих взглядов Клаузевица? Не оправдалась ли его мысль полностью в стратегической контратаке Фоша в июле 1918 г. и поляков — в августе 1920 г.?»¹⁹.

Видя, насколько непопулярны идеи стратегической обороны у многих его коллег, и помня, что они также были непопулярны у генералитета всех главных держав, готовившихся к первой мировой войне, Свечин пытался вскрыть корни подобных настроений. Он обратился к таким устойчивым категориям военного искусства, психологии военачальников, как активность и инициатива. Этим категориям ряд авторов справедливо уделяют большое внимание и поныне.

«Весьма часто ошибки, наблюдаемые в постановке цели, не соответствующей имеющимся для достижения ее средствам, объясняются отчасти ложными идеями об активности. Оборона получила малопочетный эпитет «подлой». Все академические курсы перед войной (первой мировой. — А.К.) в один голос восхваляли достоинства наступления, активности, захвата инициативы. Однако истинная активность заключается прежде всего в трезвом взгляде на условия борьбы; надо видеть все, как есть, а не строить обманчивой перспективы. Инициатива может трактоваться как узкое понятие, определяемое исключительно временем, — предупреждение неприятеля, захват почина действий». Далее Свечин делает исключительно важное заключение: «Однако возможно толковать сохранение в своих руках инициативы

и более глубоко, как искусство проводить свою волю в борьбе с неприятелем»²⁰.

На серии примеров первой мировой войны Свечин убедительно показал, как во имя активности, захвата и удержания инициативы крупнейшие военные деятели совершали тяжелые ошибки, которые в конечном счете вели к поражениям*.

В трудах А.А.Свечина по военной истории и военной стратегии содержится целый ряд исторических примеров, показывающих моменты, когда стратегическая оборона была единственно верным способом разгрома противника, но она отвергалась и политическим руководством, и военным командованием, не поддерживалась общественностью. Свечин подтвердил, что в истории сторонники «решительных действий», «наступления», «немедленных решающих сражений» не раз оставались на вершине славы даже после того, как выяснялась полная непригодность их линии действий, приводившей к тяжким поражениям.

В «Стратегии» он разбирает пример из истории Пунических войн Древнего Рима, когда римская армия потерпела сокрушительное поражение от Ганнибала при Каннах. «...Из двух римских консулов (руководивших армией. — А.К.) мудрый Павел Эмилий был убит в битве под Каннами, а ответственный за поражение Теренций Варрон (рекомендовавший наступление, завершившееся поражением. — А.К.) спасся бегством с поля сражения, здравствовал потом и оставил многочисленное потомство; каждый вождь, разумно руководящий операцией, может рассчитывать найти в лице своего партнера одного из идейных потомков Теренция Варрона. Племя горе-полководцев неистребимо»²¹, — грустно заключает А.А.Свечин.

Уместно напомнить, насколько непопулярным в русском обществе было стратегическое отступление русской армии перед лицом вторгшейся «Великой армии» Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. В ходе это-

* Оценивая директиву № 3 нашего Главного командования от 22 июня 1941 г., в которой ставилась задача контрнаступления, Г.К.Жуков самокритично, честно писал, что в своем решении «Главное командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы». (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — С.264.)

го отступления французам были нанесены ряд ударов, но не решающих, и развернуты в широком масштабе партизанские действия, поражающие коммуникации агрессора.

К таким ударам можно отнести столкновение авангардов 1-й армии Барклая де Толли и наполеоновской армии под Витебском, ряд ударов 2-й армии Багратиона у местечек Мир, Романовка и Салтановка, сражение под Смоленском. На петербургском и рижском направлениях корпус П.Х.Витгенштейна нанес поражение корпусу Удино у м.Клястицы; затем он отбросил корпус Макдональда от Риги. 3-я Западная армия Тормасова, прикрывавшая киевское направление, вела успешные действия против корпусов Ренье и Шварценберга, нанеся первому поражение у Кобрина.

Отстаивать идею стратегической обороны М.Б.Барклая де Толли, а затем М.И.Кутузову пришлось в обстановке острой борьбы, когда этот план встречал возражения не только императора Александра I и его военных советников, но и подавляющего большинства генералов и офицеров русской армии (включая такого талантливого полководца, как П.И.Багратион, обвинявшего почти открыто Барклая в отсутствии патриотизма). Все они требовали дать решающее сражение вторгшемуся противнику прямо на западных рубежах Российской империи, а затем на различных рубежах стратегического отступления русской армии²². Ход событий убедительно продемонстрировал правоту М.Б.Барклая де Толли и М.И.Кутузова, адекватно оценивавших суровые реалии военно-политической и стратегической обстановки, руководствовавшихся не эмоциями, а трезвым расчетом, опиравшимся на соотношение сил, сопоставление боевых возможностей русской и наполеоновской армий, на динамику изменений этих возможностей по мере продвижения агрессора в глубь нашей территории.

Вопреки утверждениям ряда своих оппонентов, А.А.Свечин в вопросах обеспечения стратегической обороны отнюдь не уповал исключительно на обширность пространств нашей страны, ее бездорожье и суровую зиму. Более того, он прямо предостерегал против опасных иллюзий в отношении тех возможностей, которые предоставляют нам территория, климат. Так, еще в 1924 году Свечин писал: «Советская власть получила от старого режима сложное наследство, в том числе и ту пуховую периноу, которую представляли мысли о бесконечности русской территории, представляющей широкое поле для отступления, о неуязвимости для внешнего врага политического

центра, о русской зиме, которая остановит всякое вторжение»²³. Стратегическая оборона виделась ему прежде всего как совокупность соответствующих операций, включавших в себя контрудары, сражения и бои на различных заранее подготовленных рубежах.

Свечин наглядно показал, как радикально изменились материальные средства ведения войны со времен поражения Наполеона в России. Он подчеркивал, что телеграф, радио, авиация, автомобили, вся современная техника — это «великие пожиратели пространства... для Наполеона, наступление которого часто велось на фронте, суживавшемся до одного-двух переходов, пространство было несравненно опаснее, чем для современных армий, представляющих как бы гигантскую метлу, захватывающую театр военных действий по всей его ширине»²⁴.

История, как отмечал А.А.Свечин, учит, что стратегическое значение столиц находится в прямой зависимости «от напряжения политических страстей». Поэтому в будущей войне, которая будет иметь острейший политический характер, Свечин настойчиво рекомендовал обратить основное внимание на то, чтобы была надежно обеспечена в первую очередь защита Москвы как политического центра Советской России. «На задаче защиты Москвы должны быть сосредоточены все силы Советской России, решительная партия должна быть сыграна здесь»²⁵, — подчеркивал он.

2. Всеобщая конференция по разоружению (1932 — 1934 гг.)

В конце 20-х — начале 30-х годов взгляды на соотношение между наступлением и обороной в военной истории XX века подверглись серьезным изменениям под влиянием как развития материальных средств ведения войны, так и оформления новых оперативно-стратегических концепций. Высокого уровня достигло совершенствование таких видов военной техники, как ударная авиация и танки; военно-морской флот оснащается палубной авиацией, возрастают возможности подводных лодок.

Одновременно в дипломатической сфере ряд политических и государственных деятелей прилагают немалые усилия, чтобы добиться прогресса в области ограничения вооружений и разоружения. В этом плане особый интерес

представляет Всеобщая конференция по разоружению 1932 — 1934 годов.

Конференция начала работу в сложной, противоречивой обстановке. «Эра пацифизма» подходила к концу. Главные антагонисты капиталистического мира выходили из экономической депрессии. Политическая инициатива в странах Запада все больше переходила к консервативным группировкам, считавшим переговоры по разоружению утопией, а военную силу — единственно надежным инструментом обеспечения национальных интересов, защиты и собственно колониальных владений, и всей «версальской системы» от «советской угрозы».

Японская агрессия в Маньчжурии, начавшаяся в сентябре 1931 года, нанесла серьезный удар по и без того зыбким устоям международного права, подрывала веру в возможность поддержания всеобщей безопасности коллективными усилиями. В Германии усиливалась угроза прихода к власти национал-социалистов. Немаловажным политическим фактором в это время стал фашистский режим в Италии.

Но, с другой стороны, некоторые позитивные политические тенденции еще не исчерпали себя. Например, германское правительство канцлера Генриха Брюнинга (хотя и не без внутренней борьбы) пока еще в основном придерживалось политики нормальных отношений с СССР, используя выгоды установившихся во времена Веймарской республики скрытых каналов военно-технического сотрудничества (в обход Версальского мира) для восстановления военного потенциала и наращивания боевых возможностей рейхсвера, вскоре преобразованного в вермахт. Существенным элементом как укрепления советских позиций, так и улучшения международного климата явился достигнутый в 1932 году поворот к лучшему в советско-французских отношениях*.

Весьма примечательной стороной Всеобщей конференции по разоружению было выдвижение разработанной ря-

* Его конкретным выражением стал пакт о ненападении, заключенный между двумя странами 29 ноября того же года. Аналогичные пакты были заключены Советским Союзом с сопредельными Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией. К этому времени особые военно-политические отношения (включая контакты, обмены данными между генеральными штабами) имелись у СССР с Литвой, значительная часть территории которой после войн 20-х годов оказалась в руках Польши.

дом западных военных деятелей совместно с пацифистскими кругами концепции «качественного разоружения». Среди тех, кто в числе первых выдвинул тезис о том, что военный смысл количественных сокращений вооружений имеет шансы на успех только тогда, когда подтверждается их качественными ограничениями, был английский военный теоретик Б. Лиддел-Гарт. Он начал пропагандировать такую концепцию разоружения, в результате которой уничтожалась бы военно-техническая основа подготовки и проведения крупных наступательных операций²⁶. (Идеи Лиддел-Гарта получили свою вторую жизнь много позже — в конце 80-х — начале 90-х годов, на исходе «холодной войны», — в различного рода концепциях и доктринах типа «ненаступательной обороны», «разумной достаточности» и т.п., выдвигаемых как на Западе, так и на Востоке с целью снижения высокого уровня наступательных потенциалов ОВД и НАТО и лишения их «агрессивной направленности».)

На пятый день конференции от имени Международной федерации обществ в поддержку Лиги Наций с тезисами «качественного разоружения» выступил лорд Р.Сесил. Кампания, предпринятая антивоенной общественностью Западной Европы и Соединенных Штатов в поддержку этих тезисов, обеспечила им большой политический резонанс. Солидаризировались с выдвинутым предложением и министры иностранных дел Великобритании и Италии, представитель США. Другую, противоположную позицию заняли лишь Франция и ее союзники, выступавшие за создание вооруженных сил Лиги Наций.

Несколько позднее представитель США огласил предложения президента Г.Гувера по сокращению вооружений и разоружению, которые предусматривали «увеличение сравнительной силы обороны путем уменьшения силы нападения». Для этого предлагалось «принять уже сделанные на женевской конференции предложения об отмене всех танков, всякой химической войны и всех тяжелых подвижных орудий». В заявлении также предлагалась «отмена всех бомбардировочных самолетов». Но эта концепция не распространялась на военно-морские вооружения, где США, по-видимому, стремились сохранить максимальную свободу рук.

В ходе обсуждения предложений о «качественном разоружении» участники конференции завязли в спорах о том, какое оружие считать наступательным, а какое —

оборонительным. Для выяснения были созданы технические подкомитеты, состоявшие на две трети из профессиональных военных экспертов. Заседания проходили келейно, независимые неправительственные эксперты и ученые к обсуждению практически не привлекались. В итоге представителям Великобритании, Франции, США, Японии и других стран удалось утопить главный вопрос в многочисленных деталях и оговорках. Практически все виды вооружений, по которым у той или иной великой державы имелось преимущество, объявлялись ею исключительно оборонительными и неопасными для других стран²⁷.

Например, в сухопутной комиссии, образованной конференцией, британские и английские эксперты яростно доказывали, что легкие и средние танки являются оборонительным оружием.

Англичане предлагали поэтому запретить только танки тяжелее 25 *т*. Французский генерал пошел еще дальше: он настаивал на том, что даже танки в 70 (!) *т* не страшны для современной обороны²⁸. В этом, по-видимому, проявилось явное отставание французской военной мысли от развития военной техники. Хотя Франция имела по тем временам крупнейший танковый парк в мире, ее военные руководители были убеждены, что танки являются лишь тактическим средством сопровождения пехоты. (К тому же ура-патристические круги в значительной мере рассчитывали на неприступность строившейся оборонительной «линии Мажино».)

Но вторая мировая война опровергла все эти выкладки. Через восемь лет, в мае 1940 года, немецкие подвижные соединения, оснащенные преимущественно легкими танками, при мощной поддержке бомбардировочной авиации обошли «линию Мажино», ворвались во Францию, разгромили и прижали к морю англо-французские войска под Дюнкерком.

В морской комиссии, работавшей во время конференции, британские представители наотрез отказывались обсуждать какие-либо сокращения флота линейных кораблей, столетиями считавшихся основой морского могущества Великобритании; как подчеркивалось в беседах с советскими экспертами, они добивались главным образом запрещения подводных лодок²⁹. И хотя относительно угрозы подводных лодок как наступательного оружия англичане оказались совершенно правы (немецкие подводные лодки,

как и в первую мировую войну, в период второй мировой войны представляли одну из главных угроз для противников Германии, и прежде всего для Англии), вторая мировая война показала, что время линкоров прошло и какого-либо решающего влияния на ход военных действий они оказать не могут. Немало английских (и не только английских, но и немецких, американских, итальянских, японских) линкоров было потоплено торпедами и бомбами.

Американские же эксперты в морской комиссии упорно отказывались согласиться с представителями Японии в том, что авианосцы являются наступательным оружием. Вторая мировая война опять-таки расставила все по своим местам: трагедия Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 г. — результат действия японских самолетов, взлетавших, как известно, с палуб авианосцев.

Советские представители, работавшие в подкомиссиях конференции, неоднократно давали понять, что они поддерживают идею качественного разоружения. С.Венцов, А.Егорьев, А.Ланговой высказывались за запрещение легких и средних танков, всей военной авиации, крупнокалиберной мобильной артиллерии, авианосцев и подводных лодок³⁰.

Наступательные возможности танков, мобильной артиллерии, авиации советские военные специалисты осознавали в то время не хуже, а лучше представителей многих других государств. Связано это было с зарождением и развитием в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов теорий «глубокого боя» и «глубокой операции», решавших задачи прорыва укрепленной обороны противника, обеспечения возможностей для ведения маневренной войны, осуществления стратегических наступательных операций.

Вместе с тем, высказываясь за запрет упомянутых видов вооружений, советские дипломаты и военные эксперты невольно принижали значение «качественного разоружения». Их главной задачей было продвижение своих предложений, которые ориентировались прежде всего на сокращение количественных параметров вооружений.

Всеобщая конференция по разоружению, несмотря на обилие серьезных и интересных идей, высказанных там по технологии сокращения и ограничения военных потенциалов индустриально развитых держав, так и осталась в истории всего лишь политико-дипломатическим уроком. По мере нарастания угрозы второй мировой войны, инициаторами которой, безусловно, являлись взявшиеся за новый пе-

редел мира Япония, Италия, а затем захватившая в этом лидерство гитлеровская Германия, работа конференции вообще теряла всякий смысл. Политики западных стран вошли в игру по «умиротворению агрессора». Военные готовились к войне. Вместо всеобщего разоружения начался обратный, с фатальным исходом для Европы и мира, процесс наращивания вооружений. К примеру, в СССР был восстановлен в полном объеме принцип кадровой, регулярной, экстерриториальной массовой армии, осуществлена ее моторизация и механизация и даже «химизация» на случай, как тогда говорили, «газовой войны» (призрак такой войны стал приобретать реальные формы после применения боевых отравляющих веществ Италией в агрессии против Абиссинии). Резко возросли объемы производства вооружений.

3. Советские теории «глубокого боя» и «глубокой операции»

Теории «глубокого боя» и «глубокой операции» заслуживают особого рассмотрения, поскольку они на многие годы вперед, вплоть до 80-х годов, определили развитие наступательной тактики, оперативного искусства и стратегии Советских Вооруженных Сил. Они являются предметом особой гордости советской военной науки, ветераны которой до сих пор отстаивают приоритет этих новых форм боя и операции, существенно повлиявших на «стратегический ландшафт» второй мировой войны. Ряд советских и зарубежных военных специалистов обоснованно считают, что отголоски этих теорий можно найти во многих положениях родившейся в 80-х годах американской концепции «воздушно-наземной операции».

Зарождение теорий «глубокого боя» и «глубокой операции» можно видеть в исследованиях, проводимых во второй половине 20-х годов М.Н.Тухачевским, Н.Е.Варфоломеевым, А.К.Коленковским, И.П.Уборевичем, В.К.Триандафилловым и другими, которые нашли отражение в Полевом уставе 1929 года³¹.

Большой вклад в создание основ теории «глубокой операции» и тактики «глубокого боя» внесли ученые Военной академии имени М.В.Фрунзе и сотрудники Штаба РККА Г.С.Иссерсон, Е.А.Шиловский, С.Н.Аммосов, А.Н.Лапчинский, А.И.Седякин, С.М.Белицкий и другие,

работавшие под руководством начальника Генерального штаба А.И.Егорова и начальника академии Б.М.Шапошникова, занимавшего эту должность в 1932 — 1935 годах. Эта теория в начале 30-х годов стала входить в учебный курс Военной академии имени М.В.Фрунзе³² и созданного в этот период «оперативного факультета», ставшего немногим позже базой для развертывания высшей военной академии РККА — Академии Генерального штаба.

С принятием первого пятилетнего плана реконструкции Советских Вооруженных Сил активизировались поиски новых путей дальнейшего военного строительства, разработки военной теории и более эффективных, отвечающих требованиям времени, способов и форм вооруженной борьбы. Постановлением РВС СССР, как писал в своих мемуарах Маршал Советского Союза М.В.Захаров, эти важные и неотложные задачи возлагались на Генеральный штаб РККА, и прежде всего на его Оперативное управление. К началу 1931 года первый этап этой работы в основном был завершен³³.

За несколько месяцев до своей трагической гибели в 1931 году в авиакатастрофе* В.К.Триандафиллов представил Штабу РККА доклад «Основные вопросы тактики и оперативного искусства в связи с реконструкцией армии», в котором в виде тезисов были изложены основные взгляды на характер глубокого боя и операции и, как он писал, сделана попытка «нащупать общую, генеральную линию в развитии тактики и оперативного искусства» и новых средств борьбы³⁴.

По мнению Триандафиллова, как пишет Захаров, главнейший и решающий вопрос тактики заключался в том, что при использовании новых видов вооружений и боевой техники открывалась «возможность одновременной атаки противника по всей глубине его тактического расположения», одновременного применения нескольких эшелонов танков, совместно с пехотой при поддержке артиллерии и штурмовой авиации атакующих противника, расположен-

* 12 июля 1931 г. в этой же авиационной катастрофе погибли заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА К.Б.Калиновский, помощник начальника сектора управления Штаба РККА М.И.Аркадьев, командир корабля С.Т.Рыбальчук, летчик отряда особого назначения В.С.Богданов, авиатехники А.Н.Шендриков, С.М.Половинкин и летчик-наблюдатель Н.Н.Белков.

ного в первой полосе обороны. Такой мощный удар придавал атаке скоротечность и стремительность. Глубокое тактическое воздействие на боевые порядки войск противника открывало перспективы и для оперативного искусства, создавало условия для подготовки и ведения современных операций на больших пространствах³⁵.

После широкого обсуждения доклада Триандафиллова в кругу высшего командного состава начальник Генштаба РККА А.И.Егоров и руководитель Оперативного управления И.П.Обысов завершают дело, начатое Триандафилловым. 20 апреля и 20 мая 1932 г. в РВС СССР были заслушаны тезисы доклада, озаглавленного «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе». Высказанные в них мысли представляли большой научный интерес и являлись важным итогом военно-теоретических поисков, проводимых в начале 30-х годов. Вскоре на основе положений, выдвинутых в докладе, а также отзывов и замечаний, поступивших с мест, были разработаны Временные указания по организации глубокого боя, которые в феврале 1933 года после утверждения наркомом по военным и морским делам были направлены в войска как официальное руководство³⁶.

Проведение «глубокого боя» и «глубокой операции» требовало значительного сосредоточения сил и средств на направлении удара. Оперативное построение ударной армии для проведения «глубокой операции» включало эшелон атаки, эшелон развития прорыва, авиацию и воздушно-десантные войска.

Однако у теорий «глубокого боя» и «глубокой операции» имелись и свои оппоненты. Среди них самой крупной фигурой был К.Е.Ворошилов — народный комиссар обороны и председатель РВС СССР, подвергавший сомнению не саму идею мощной наступательной (по словам оппонентов, «таранной») операции, а способы ее реализации, предлагавшиеся Тухачевским, Триандафилловым и другими теоретиками.

В годы Великой Отечественной войны, когда после тяжелых и кровопролитных сражений 1941 — 1943 годов стратегическая инициатива перешла к Красной Армии, положения теории «глубокой операции» получили наконец свое воплощение в жизнь.

Если в середине 30-х годов «глубокая операция» мыслилась как операция, проводимая ударной армией, действовавшей на направлении главного удара, то во второй половине 30-х годов речь шла уже о ее использовании во

фронтальной операции (группы армий). Незадолго же до начала Великой Отечественной войны был сделан вывод о том, что «глубокие операции» могут проводиться не только одним фронтом, но и группой фронтов.

С какой стратегией вступил СССР в Великую Отечественную войну?

Наступательный характер советской военной стратегии был ярко выражен, например, в проекте Полевого устава Красной Армии 1939 года: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих Вооруженных Сил...

Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенося ее на территорию противника.

Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника...»³⁷.

Одним из главных средств обеспечения успеха стратегических наступательных операций считались мощные механизированные корпуса, воссозданные, как уже отмечалось, только накануне гитлеровской агрессии. Это были крупные, громоздкие формирования, в каждое из которых по штату должны были входить две танковые и одна моторизованная дивизии; число танков в каждом из таких корпусов (численность личного состава — 37 200 чел.) определялось в 1108 (!) единиц. Ряд источников утверждают, что указания о формировании таких корпусов были даны лично И.В.Сталиным³⁸. По планам Генерального штаба Красной Армии для полного укомплектования этих корпусов нужно было иметь примерно 32 (!) тысячи танков³⁹. Такого масштаба производство танков не закладывалось в планы ни одной другой страны в мире.

Накануне войны в Красной Армии реально имелось 22,6 тыс. танков, значительная часть которых требовала капитального и среднего ремонта*. Это — 1816 новейших тяжелых танков «КВ» («Клим Ворошилов») и средних

* На 15 июня 1941 г., то есть за неделю до вторжения гитлеровской армии в Советский Союз, из старых типов танков нужно было в капитальном ремонте 29%, в среднем ремонте — 44%; исправные же танки старых образцов составляли не более 27% (ЦАМО. — Ф.2. — Оп.75593. — Д.13. — Л.26). Восстановление танков старых типов в военных округах задерживалось из-за отсутствия запасных частей, заявки на которые к июню 1941 года не были удовлетворены промышленностью.

танков Т-34, равных которым по тактико-техническим характеристикам не было ни в одной стране мира. 508 танков «КВ» и 963 танка Т-34 находились в западных приграничных округах⁴⁰. По сравнению с танковым парком нацистской Германии и ее сателлитов (особенно с той частью, которая была развернута на Востоке против СССР) это были весьма внушительные силы, которые при должной организации могли бы быть весьма эффективно использованы как в обороне, так и в наступлении.

К сожалению, этого, как известно, не произошло, несмотря на героические действия многих танковых частей и соединений, жертвовавших собой, чтобы остановить продвижение мощного, высокоорганизованного и самоуверенного противника.

Подлинное число танков, имевшихся на вооружении у Красной Армии накануне гитлеровской агрессии, так же как и многие другие фактические данные, например о потерях сторон, которые, по ложному утверждению идеологов прошлого, могли негативно сказаться на морально-психологическом климате советского общества, на морали и идеологии Вооруженных Сил, не обнародовалось. Впервые на официальном уровне упомянутые здесь цифры были названы начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генералом армии М.А.Моисеевым в его интервью главному редактору «Военно-исторического журнала» накануне 45-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, то есть спустя 49 лет после трагедии июня 1941 года⁴¹. Произошло это после того, как в целом ряде военных журналов различными исследователями были предприняты попытки расчетным путем определить численность советского танкового и авиационного парка накануне Великой Отечественной войны⁴². Появление этих статей было обусловлено отнюдь не чисто историческим интересом. Многие из них напрямую связывали события прошлого с поисками оптимальной структуры и состава Вооруженных Сил СССР на 90-е годы и далее.

4. Наступательные устремления Сталина в военно-морской сфере

И.В.Сталин предпринимал серьезные попытки придать наступательный характер стратегии советского Военно-Мор-

ского Флота. Об этом свидетельствовала принятая по его инициативе в 1937 году крупная кораблестроительная программа, предусматривавшая прежде всего строительство таких надводных кораблей, как линкоры и тяжелые крейсера в основном для Балтийского, Черного и Баренцева морей⁴³. По мнению бывшего народного комиссара ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова, на такое решение Сталина подтолкнула гражданская война в Испании, в которой Советский Союз оказывал большую помощь республиканским силам. Н.Г.Кузнецов в своих воспоминаниях писал об этом так: «Мы не смогли тогда по-настоящему участвовать в морском контроле, проводившемся по решению «Комитета по невмешательству», нам не хватало нужных кораблей и плавающих баз. В то же время стало особенно ясно, как важно для нас море и как нам нужен сильный флот»⁴⁴.

Приняв крупную кораблестроительную программу, Сталин не считал нужным определить сколько-нибудь четкое ее военно-политическое предназначение. Как писал Кузнецов, «у него есть какие-то свои планы, делиться которыми он не считает нужным»⁴⁵. Ряд ветеранов ВМФ указывают на то, что, возможно, речь шла о намерениях Сталина бросить вызов морскому могуществу Англии.

Руководство ВМФ, в том числе в лице самого Кузнецова, более склонно было настаивать на увеличении производства тральщиков и сторожевых кораблей⁴⁶. Но программа включала строительство крупных надводных кораблей.

15 июля 1938 г. был заложен первый головной линкор «проекта 23», получивший название «Советский Союз». Его стандартное водоизмещение должно было составить 59 130 т. Он должен был нести девять орудий главного калибра — по 406 мм в трех башнях. В 1938 — 1939 годах на двух других заводах было заложено еще три линкора: «Советская Украина», «Советская Россия» и «Советская Белоруссия». Всего же планировалось построить по данной программе 15 линкоров и 15 тяжелых крейсеров⁴⁷.

Тяжелые крейсера типа «Кронштадт» (двум другим кораблям из первой тройки этого класса были присвоены наименования «Севастополь» и «Сталинград») фактически были запроектированы как линейные корабли. Они должны были иметь водоизмещение 32 870 т, по 9 орудий главного калибра 305 мм. Согласно расчету, выполненному военно-морской академией и конструкторским бюро, «тяжелый крейсер» этого проекта был бы способен наносить серьезные повреждения

германским линейным кораблям типа «Шарнхорст» (водоизмещение 26 000 *т*, 9 орудий главного калибра 280 *мм*) на дистанциях боя 72 — 122 кабельтовых на курсовых углах 33 — 50 градусов, вести бой на курсовых углах 33 — 50 градусов на дистанции 96 — 120 кабельтовых с модернизированными итальянскими линкорами типа «Юлий Цезарь» (водоизмещение 23 622 *т*, 10 орудий главного калибра 320 *мм*)⁴⁸.

Когда в Европе разгорелась вторая мировая война и стало ясно, что она не обойдет стороной и СССР, строительство больших надводных кораблей начало свертываться, но не сразу, а лишь летом 1940 года. Коренной пересмотр программы произошел в октябре того же года. Однако и после этого работы по строительству трех линкоров и двух тяжелых крейсеров продолжались на верфях в Ленинграде, Николаеве, Молотовске. Прекращено было строительство линкора «Советская Белоруссия». Металл, выставленный на стапель, было приказано разобрать. Вместо этого линкора было запланировано заложить 4 эсминца⁴⁹.

В документах об оперативной и боевой деятельности ВМФ основное внимание уделялось наступательным операциям и видам боевых действий. На первое место выдвигалась традиционная для флота операция по уничтожению сил противника на море, что напоминало концепции Генштаба царской России. Способы ведения оборонительных операций и боевых действий совместно с сухопутными войсками, действующими на побережье, в этих документах освещались в значительно меньшей степени⁵⁰. Но именно этим в первую очередь и пришлось заниматься флоту в Великую Отечественную войну.

Ориентация и сухопутных сил, и Военно-Морского Флота прежде всего на наступательные действия в масштабах, не адекватных реальному соотношению сил на море, отрицательно сказалась на подготовке не только обороны, но и в целом военных действий на театрах.

5. Как мыслились первые стратегические операции накануне Великой Отечественной войны

План первых стратегических операций, которые должны были осуществляться после первых ударов противника и завершения мобилизации, заключался в следующем. Глав-

ный удар наносился силами Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов в направлении Кракова для того, чтобы отрезать Германию от Балкан, то есть от основных ее союзников, важных источников сырья, продовольствия и особенно от нефти. В дальнейшем предполагалось развивать наступление в северном или северо-западном направлении с целью разгрома основной группировки противника и овладения территорией Польши и Восточной Пруссии. Войскам же Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта предписывалось обороняться, а при благоприятных условиях перейти в наступление, овладевая районом Сувалки, и затем нанести удар на Инстанбург (Черняховск), Аленштайн (Ольштын), чтобы сковать силы противника, действующие к северо-западу от Бреста и в Восточной Пруссии.

Главным силам Юго-Западного фронта и левого крыла Западного фронта на первом этапе наступления ставилась задача разгромить люблинско-сандомирскую группировку противника и на 5-й — 10-й день наступления выйти на Вислу. В дальнейшем, наступая на Кельце и Краков, им предстояло на 20-й — 30-й день выйти на р.Пилица и к верхнему течению р.Одер.

Не вдаваясь в подробности задач других объединений сухопутных войск, можно отметить задачи, стоявшие перед Военно-Морским Флотом. Во взаимодействии с ВВС Красной Армии ему предписывалось нанести решительное поражение флотам противников, содействовать наступлению сухопутных войск, не допускать подвоза войск и техники в порты воюющих с СССР государств, оборонять побережье страны от морских десантов противника и проводить высадку своих десантов⁵¹.

Добиваясь сокращения сроков создания ударных группировок, советское военное командование еще в мирное время разместило в районе их развертывания — на Белостокском и Львовском выступах — наиболее укомплектованные боевой техникой подвижные соединения. Такая дислокация в полной мере соответствовала замыслу наступательных операций советских войск, поскольку они сразу занимали охватывающее положение по отношению к группировкам противника.

Однако уже тогда можно было предвидеть, что в случае успеха противника (за счет упреждения, высокой степени концентрации сил, непрерывности усилий и других

факторов) эти две группировки советских войск сами оказывались бы под угрозой глубокого охвата.

Исходя из установки на наступательные (контрнаступательные) действия, Генеральный штаб РККА планировал сосредоточение основных усилий фронтов в армиях первого эшелона с целью обеспечения сильного первоначального удара. Такая конфигурация исходила из полного подчинения требованиям мощного наступления с решительными целями.

Концентрация основных сил в первом эшелоне групп армий (эквивалентов советским фронтам) составляла и отличительную черту гитлеровского плана «Барбаросса»⁵². В случае организованного отпора, успешного контрнаступления и глубокого прорыва подвижных соединений Красной Армии командующие группами армий вермахта не располагали сколько-нибудь крупными резервами, чтобы справиться с возникавшей в этом случае угрозой поражения.

Как и во всей советской военной теории, особенно после разгрома школы А.А.Свечина, в этих планах Генерального штаба РККА обороне отводилась сугубо второстепенная роль.

Наступательные задачи ставились и для Дальневосточного и Забайкальского фронтов на случай развязывания против СССР агрессии со стороны Японии. При наличии существенного превосходства над японцами в качестве и количестве танков и самолетов перед этими фронтами еще в начальный период войны, то есть в ходе отмотилизования, сосредоточения и развертывания, ставилась задача разгромить японские войска, расположенные в приграничных районах. Затем войскам Забайкальского фронта предписывалось, обойдя Большой Хинган с юга, выйти в район Таонань, Цицикар и совместно с войсками Дальневосточного фронта, наступающими из Приморья, овладеть Северной Маньчжурией.

Наступательный характер оперативно-стратегических установок советского высшего политического и военного руководства наиболее рельефно отражали первые директивы главного командования. Особенно примечательна была Директива 3, направленная в войска тогда, когда стало ясно, что нацистская Германия осуществляет не ограниченную по выбору средств и целей военную акцию против СССР, а массированное вторжение по всей линии, как стали называть позже, Восточного фронта.

Директива выглядела следующим образом⁵³:

Д и р е к т и в а 3

Военным советам Сев.-Зап., Зап., Юго-Зап. и Южно-
го фронтов
22.06.41.

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олиста (Алистус) и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлении Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6 понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23 — 24.6 ставлю:

- а) Концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.
- б) Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

- а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы. Госграница слева прежняя.
- б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалковской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.

Граница слева — прежняя.

- в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалковской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.

- г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и

6А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынского и Кр[?]нополь и к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

Тимошенко, Маленков, Жуков.

Попытки реализации этой директивы еще более ухудшили ситуацию, сделав менее выгодным положение соответствующих советских группировок. Идея активности ради активности действительно, как и указывал в свое время Свечин, оказалась куда важнее глубоких соображений оперативно-стратегической целесообразности.

Когда стало ясно, что перенести военные действия сразу же на территорию противника невозможно, как нет возможности и остановить его в приграничных районах, были поставлены цели ведения до определенного этапа стратегической обороны.

Главнейшими целями стратегической обороны Красной Армии в начальный период войны были:

— задержать фашистские войска на оборонительных рубежах возможно дольше, с тем чтобы выиграть максимум времени для подтягивания сил из глубины страны и создания новых резервов, переброски их и развертывания на важнейших направлениях;

— нанести врагу максимум потерь, измотать и обескровить его и этим несколько уравновесить соотношение сил;

— обеспечить мероприятия по эвакуации населения и промышленных объектов в глубь страны, выиграть время для перестройки промышленности на нужды войны;

— собрать максимум сил и перейти в контрнаступление, с тем чтобы сорвать гитлеровский план войны в целом⁵⁴.

В перечне стратегических задач, сформулированных на обломках сугубо наступательного плана войны с Германией, мы видим фактически то, на чем предлагали сосредоточить внимание при организации сознательной, преднамеренной стратегической обороны Свечин, Вер-

ховский, Незнамов и что было отвергнуто в свое время как не соответствующее военной доктрине «пролетарского государства».

Вторая мировая война прошла под знаком явного предпочтения наступления обороне в стратегии ее ведения, а следовательно, в политике, избирающей эту стратегию. Возможности стратегической обороны были использованы далеко не полностью не только на советско-германском (Восточном) фронте летом 1941 года. Они были явно не реализованы и западными союзниками в мае 1940 года, чем и воспользовался гитлеровский вермахт⁵⁵.

Можно считать, что в майской кампании 1940 года вслед за польской кампанией сентября 1939 года гитлеровский вермахт в значительной мере реализовал шлиффеновскую идею «Канн» в стратегическом масштабе, выполнив то, чего в 1914 году не удалось выполнить Мольтке-младшему, нарушившему заветы Шлиффена о всемерном усилении правого крыла германских армий, наступавших через Бельгию.

Шлиффен в свое время проницательно заметил, что «совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается в военной истории, ибо для него необходимы, с одной стороны, Ганнибал, а с другой — Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели»⁵⁶. Приходится признать, что германское верховное командование в мае 1940 года оказалось коллективным Ганнибалом, а военно-политическое руководство Франции, Англии, Бельгии и Голландии — коллективным Теренцием Варроном.

Крупнейших оперативно-стратегических результатов в духе шлиффеновских «Канн» германское командование достигло и на Восточном фронте — как летом 1941 года, так и, оправившись после тяжелого поражения под Москвой, летом 1942-го. Однако уже в Сталинградской битве зимой 1942 — 1943 годов роль Теренция Варрона пришлось играть германскому командованию, и прежде всего самому Гитлеру.

Одним из примеров преднамеренной обороны в стратегическом масштабе явилась Курская битва летом 1943 года — самое крупное сражение второй мировой войны. В ходе этой битвы глубоко эшелонированная оборона войск Воронежского и Центрального фронтов (при значительной поддержке со стороны Степного фронта)

оказалась непробиваемой для самых мощных танковых ударов вермахта, несмотря на то что последний был оснащен и новейшей тяжелой бронетанковой техникой (танки «Пантера» и «Тигр», самоходное орудие «Фердинанд»), и новыми самолетами, и другим вооружением, существенно превосходившим по своим тактико-техническим характеристикам боевые средства, имевшиеся у гитлеровской армии в 1939 — 1941 годах.

Среди главных инициаторов такого варианта генерального сражения 1943 года были Г.К. Жуков и А.М. Василевский, убедившие в необходимости его принятия Сталина, предпочитавшего начать наступление, упреждающее немцев.

После Курской битвы, завершившейся переходящим в общее наступление контрнаступлением Красной Армии, стратегическая инициатива окончательно и бесповоротно перешла в руки Красной Армии. Начался этап крупных стратегических наступательных операций против все еще грозного противника, умело организовавшего стратегическую оборону и отступление.

6. После второй мировой войны

Те, кто пережил Великую Отечественную, часто вспоминают тост, произнесенный Сталиным на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г.: «За здоровье русского народа». «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»⁵⁷.

Эти слова жесточайшего политика и полководца были восприняты многими, пережившими войну, как прямое признание ошибок и самокритичную оценку наиболее кризисных моментов, ибо под словом «Правительство» Сталин, конечно же, подразумевал себя. Но у этого заявления была и другая цель. Сталин отнюдь не призывал других людей, в том числе историков, к правдивым и критическим оценкам хода войны. Наоборот, он как «высший

судия» как бы ставил точку на самой возможности каких бы то ни было иных «критических оценок» в дальнейшем. Будто бы призывая людей говорить суровую правду, на деле он имел твердое намерение раз и навсегда подвести черту под прошлым, не допустить его дальнейшего критического анализа. «И не трудно себе представить, какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который, вооружившись цитатами из этого знаменитого тоста, попробовал бы на конкретном историческом материале развивать слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель и участник войны проиллюстрировал бы эти слова личными воспоминаниями»⁵⁸ — таково мнение известного военного писателя Константина Симонова, лично хорошо знавшего Сталина.

Так что после завершения Великой Отечественной (второй мировой) войны долгое время трагический опыт отступления и обороны 1941 и 1942 годов должным образом не анализировался. Такой анализ, проводимый даже исключительно с военной точки зрения, неизбежно напоминал бы о крупнейших политических и стратегических просчетах самого Сталина. К тому же «некоторые хорошо воевавшие командиры в первые годы после Великой Отечественной войны слишком долго пребывали в состоянии эйфории, но ведь жизнь учит, что бывает порой полезнее извлечь уроки из поражений, чем из побед»⁵⁹.

Основной упор в изучении опыта Великой Отечественной войны делался на рассмотрение успешных контрнаступательных (Московская, Сталинградская, Курская битвы) и наступательных операций, среди которых выделялись прежде всего самые крупные стратегические операции с привлечением сил и средств нескольких фронтов (двух, четырех и даже пяти), а на приморских направлениях — и сил флотов, объединенных в одну семантическую группу так называемых «десяти сталинских ударов», осуществленных в январе — октябре 1944 года и направленных на изгнание армии фашистской Германии и ее сателлитов с советской территории, а также последующие наступательные операции по освобождению Восточной Европы и разгрому гитлеровского вермахта на германской территории. В то же время предпринимались попытки представить действия Советских Вооруженных Сил в 1941 году как «заманивание» войск агрессора в глубь страны в духе стратегического отступления русских армий

в Отечественную войну 1812 года. Ни о каких истинных цифрах соотношения потерь сторон наши военные стратеги и историки, конечно, не говорили. Солдат — этот рабочий войны — практически исключался из анализа. А ведь многим были известны благородные слова о том, что война заканчивается с похоронами последнего погибшего на поле брани солдата.

Слушатели Военной академии имени М.В.Фрунзе вспоминают, что им в первые послевоенные годы демонстрировали специальный документальный фильм, в котором показывались не существовавшие в реальности рубежи стратегической обороны, на которые якобы опиралась при отступлении 1941 года Красная Армия, «сжимаясь постепенно как пружина», для того чтобы затем, распрямившись, разгромить и отбросить врага за пределы Советского Союза.

В 1946 году Сталин, видимо, пытаясь при опоре на исторические примеры уйти от личной ответственности за военное поражение 1941 года, заявил, что наш «гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»⁶⁰. Эта тема была немедленно подхвачена военачальниками и военными теоретиками.

Так, генерал армии А.Еременко писал: «Наиболее выдающимся примером из истории войн прошлого является контрнаступление русской армии в Отечественной войне 1812 года, когда великий русский полководец Кутузов блестяще применил эту форму борьбы и разгромил армию Наполеона... Лишь Советская Армия, сталинское военное искусство дали подлинные образцы контрнаступления в условиях современного периода войны...»⁶¹.

В первый послевоенный период в советской военной теории основным видом стратегических действий признавалось стратегическое наступление, проводимое методом последовательного достижения промежуточных стратегических целей. Наступательные операции фронтов считались основной формой стратегических действий. К участию в такой операции должны были привлекаться объединения всех видов Вооруженных Сил. Стратегическая оборона считалась по-прежнему лишь временным методом стратегических действий, призванных реализовать общий наступательный план войны. В отличие от предво-

енного периода, однако, имелось в виду, что основным содержанием стратегической обороны может быть не только оборонительная операция на стратегическом направлении, но и на театре военных действий силами двух-трех фронтов с участием других объединений и соединений от всех видов Вооруженных Сил⁶².

Основными способами ведения стратегической наступательной операции считались: окружение и уничтожение окруженного противника, рассечение стратегической группировки, дробление стратегического фронта с последующим уничтожением изолированных группировок противника.

Основное внимание уделялось окружению как наиболее решительному и эффективному способу разгрома противника в духе ряда операций Красной Армии 1944 — 1945 годов. Его намечалось осуществить ударами по сходящимся направлениям или одним-двумя охватывающими ударами с прижатием противника к естественной преграде (например, к морю)⁶³. На деле же в ряде случаев оперативно-стратегические планы не ориентировались на немедленное проведение стратегических наступательных операций. Так, рассекреченный спустя почти сорок лет советский план обороны территории Восточной Германии в конце 40-х — начале 50-х годов предусматривал на первом этапе оборонительные действия с контрударами для восстановления положения в обороне⁶⁴.

В соответствии с «Планом активной обороны территории Советского Союза», который был представлен в конце 1946 — начале 1947 года Генеральным штабом ВС СССР Высшему Военному совету, основные задачи Вооруженных Сил определялись следующим образом: армия отпора, опираясь на укрепленные районы, была обязана разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление. ВВС и войска ПВО, входящие в состав армии отпора, должны были надежно прикрыть с воздуха главные силы армии отпора и быть в постоянной готовности к отражению внезапного нападения авиации противника. Войска резерва Главного командования предназначались для того, чтобы совместно с армией отпора произвести сокрушительный удар по главным силам противника, нанести им поражение и участвовать в контрнаступлении⁶⁵.

Масштабы, глубина контрнаступательных операций в этих публикуемых материалах не приводятся. Между тем

заметно, что они воспроизводят общую картину предвоенного замысла начального периода войны с Германией, который так и не был осуществлен.

Что касается советского Военно-Морского Флота, то в первое послевоенное десятилетие в оперативно-стратегических планах ему отводилась оборонительная роль. Он по-прежнему в основном был флотом прибрежного действия, способным проводить операции лишь в рамках достижения целей крупных фронтовых операций⁶⁶.

В то же время имеется ряд свидетельств тому, что еще в 1950 году, когда Военно-Морской Флот был передан в самостоятельное подчинение своему министерству, Сталин задумывал строительство океанского надводного и подводного флота с соответствующими стратегическими наступательными задачами. Одна из основных идей этого замысла — создавать Соединенным Штатам угрозу, аналогичную той, которую с моря они представляют для СССР.

Лишь после XX съезда КПСС и доклада Н.С.Хрущева о культе личности Сталина советские военные историки и специалисты по стратегии смогли начать анализировать ошибки и просчеты 1941 и 1942 годов. Однако основное внимание тогда было сосредоточено на ошибках Сталина в оценке намерений Гитлера, на неверии его в данные советской разведки и предупреждения со стороны государственных руководителей западных демократий о готовящемся нападении на СССР, способствовавшем тому, что гитлеровцам действительно удалось добиться внезапности первого удара — как тактической, так и оперативно-стратегической.

7. 60-е годы — усиление роли наступательных операций

В труде «Военная стратегия» содержалась критическая оценка недостаточного внимания к обороне в советской военной теории: «...Вопросы организации и ведения обороны в нашей предвоенной теории разрабатывались неполно. Считалось, что оборона, играя подчиненную роль по отношению к наступлению, будет вестись в рамках стратегического наступления только на отдельных направлениях, а не на всем фронте вооруженной борьбы». Относительно отступления в рамках проведения оборонитель-

ной операции говорилось следующее: «В принципе в нашей предвоенной теории допускался вынужденный отход войск на отдельных участках. Проблема же вывода крупных сил из-под ударов противника не была разработана ни теоретически, ни практически»⁶⁷.

В то же время наступательным действиям, прежде всего наступательным стратегическим операциям, проводившимся группами фронтов, в этой книге уделялось основное внимание. Из опыта Великой Отечественной войны делался вывод: «Минувшая война полностью подтвердила жизненность основного положения советской военной доктрины, что только в результате решительного наступления можно разгромить вооруженные силы противника, овладеть его территорией, сломить волю врага к сопротивлению и одержать окончательную победу в войне»⁶⁸.

Как было показано выше, применительно к современным для авторов труда «Военная стратегия» условиям — 60-е годы — в определении основных видов боевых действий ставился вопрос о роли ядерного оружия в будущей войне. Здесь же отметим, что авторы предпочли ограничиться альтернативой: будет ли в сухопутной войне применяться ядерное оружие как средство обеспечения действий сухопутных войск или нужно готовиться к принципиально новой войне, где главным средством решения стратегических задач станет ракетно-ядерное оружие.

Что же касается главной темы — стратегии ведения войны, то через всю книгу «Военная стратегия» красной нитью проходит концепция наступательности. Выражается полное несогласие с теми специалистами, которые в новых условиях тяготели к обороне. В труде говорится о том, что на сухопутных театрах задача вооруженной борьбы будет решаться преимущественно наступлением. При этом подчеркивается, что главной задачей сухопутных войск вряд ли станет прорыв обороны противника, тем более ее «прогрызание». Такого рода действия авторами «Военной стратегии» уже не считались актуальными, как это было в прошлых войнах, особенно в начальный период войны. Разгром уцелевших после ударов РВСН и дальней авиации главных группировок врага на сухопутных театрах в ходе наступления будет достигаться прежде всего уничтожением ядерных средств противника и его дивизий ракетно-ядерными ударами и стремительными действиями танковых группировок и десантов в глубине»⁶⁹.

Признание стратегической обороны в качестве одного из основных видов стратегических действий вооруженных сил в современной войне, писали авторы «Военной стратегии», означало бы «признание оборонительной стратегии в целом, по существу — перенос обстановки начала Великой Отечественной войны в современные условия»⁷⁰.

Подобная дефиниция не была случайной. Слишком свежи были в памяти тогдашних военачальников печальные результаты возведенного при жизни Сталина в ранг «маневренной стратегической обороны» отступления и сокрушительного поражения Красной Армии в кампании 1941 — 1942 годов Великой Отечественной войны. Вторых, в 60-е годы «холодная война» набирала силу. В оценках действий окружающего Советский Союз мира доминировало идеологическое начало, сосредоточенное в ленинском определении империализма как источника мировых войн. Характер военных приготовлений США и их союзников однозначно оценивался как имеющий агрессивную и наступательную направленность: «Империалисты готовят против нашей страны наступательную войну, войну всеобщего разрушения и массового уничтожения народа с помощью ядерного оружия. Поэтому им надо противопоставить решительные, активные действия наших Вооруженных Сил, и в первую очередь сокрушительные ядерные удары стратегическими средствами. Только этим можно обуздать империалистических агрессоров, сорвать их преступные планы, быстро нанести им поражение»⁷¹. Из этого делался следующий непререкаемый вывод: «Стратегическая оборона, а затем контрнаступление в современных условиях не смогут обеспечить достижение решительных целей войны». Тем самым напрочь отвергалось значение для современных условий опыта Курской битвы, состоявшей, как уже отмечалось выше, из преднамеренной обороны на первой фазе и мощного контрнаступления, переросшего в общее наступление на второй.

Как и перед Великой Отечественной войной, в 60-е годы обороне отводилось подчиненное, второстепенное место, она рассматривалась как сугубо вынужденный, временный вид боевых действий войск, причем только в оперативном и тактическом масштабах. «Что касается стратегической обороны, оборонительной стратегии, то они должны быть решительно отвергнуты как крайне опасные

для страны», — категорически заявляли авторы «Военной стратегии».

Подобные взгляды оказались в значительной мере определяющими советскую военно-стратегическую мысль вплоть до 80-х годов.

Известным вкладом в развитие современной стратегии стала прозвучавшая в этой книге мысль о стирании граней содержательного отличия между наступлением и обороной. Совершенствование дальнобойных средств вооруженной борьбы, появление принципиально нового вида стратегических действий — ракетно-ядерных ударов по объектам на всей территории противника, по мнению В.Д.Соколовского и его коллег, привело к тому, что этот вид стратегических действий уже не укладывается в рамки прежнего стратегического наступления или обороны, где главную роль играли сухопутные войска. Удары же ракетных войск, дальней авиации, подводных лодок с ядерными ракетами трудно, по его мнению, квалифицировать как действия либо наступательного, либо оборонительного характера⁷².

Вопрос о стирании граней между наступлением и обороной в различных видах боевых действий позже стал появляться в исследованиях, касающихся не только действий стратегических ядерных сил, но и сухопутных войск, в том числе с применением лишь обычного оружия.

В 60 — 70-е годы предпринимались серьезные попытки разобраться в том, что представляют собой оборонительные действия, а что наступательные — как на тактическом, так и оперативно-стратегическом уровне. Наиболее обстоятельной в этом отношении, по нашему мнению, является публикация генерал-лейтенанта И.Завьялова в 1970 году в журнале «Военная мысль».

Предложенная Завьяловым методология, его размышления и выводы представляют интерес и сегодня, когда под давлением непрерывно возрастающей эффективности средств вооруженной борьбы ведется поиск надежных формул их боевого использования в стратегии, не носящей признаков агрессии. Завьялов определил современное наступление как «движение вперед носителей различных видов оружия и посланных ими средств поражения, а кульминационным актом его является удар по врагу поражающей мощностью огня и ударной силы оружия»⁷³. Из этого определения следовало, что все виды оружия, с помощью которых могут быть нанесены удары по врагу, относятся к

наступательным средствам даже в случае применения их в обороне. Удар в наступлении и контрудар или даже упреждающий удар в обороне являются выражением наступательного способа действий.

Но если признаками наступления являются движение вперед и удар, писал Завьялов, то признаками обороны, видимо, будет воспрепятствование этому путем удержания определенных позиций и отражения ударов противника. Задача обороны решается с использованием различного рода укреплений, заграждений, специальных сооружений для укрытия живой силы и военной техники, применением индивидуальных средств защиты. Такие средства Завьялов назвал чисто оборонительными (пассивными) даже в том случае, если они применяются в наступлении.

Но это только часть оборонительных средств. Начиная с первой мировой войны, наряду с развитием пассивных оборонительных средств, стали применяться и получили широкое распространение активные средства — противотанковые, противовоздушные, а затем и противоракетные. Все они, по Завьялову, тоже являются оборонительными, ибо их основное предназначение в наступлении и в обороне — это борьба с соответствующими наступательными средствами противника. Правда, способ действий (движение вперед оружия и посланных им снарядов или ракет и удар) является наступательным, но это якобы не меняет их сущности⁷⁴.

Но только с применением наступательных средств, продолжал свою мысль Завьялов, возможно осуществление нападения одной стороны на другую и нанесение внезапных ударов. Оборонительные же средства предназначены лишь для воспрепятствования наступлению и отражения ударов врага. Даже активное оборонительное оружие может найти свое применение только для нанесения ответных ударов по наступательным средствам врага. Например, средства ПВО или противотанковое оружие могут быть использованы только при появлении средств воздушного нападения и танков противника соответственно. «Это положение и является основным критерием для разделения средств вооруженной борьбы на наступательные и оборонительные»⁷⁵.

Следует отметить, что взгляды Завьялова на классификацию средств вооруженной борьбы по «оборонительному» и «наступательному» признакам, которые практически не нашли своего развития в других аналогичных трудах совет-

ских авторов, во многом совпадали с получившими распространение в 80-х годах предложениями западных, а затем и советских военных политологов по взаимной трансформации военных доктрин ОВД и НАТО путем принятия стратегических концепций «ненаступательной обороны».

8. Диалектика обороны и наступления в стратегической ядерной сфере

В начале 60-х годов, когда были продемонстрированы первые технические успехи по перехвату единичных баллистических целей, в советской военной теории появляются весьма оптимистические оценки возможности создания систем противоракетной обороны. В этой области усердствовал министр обороны СССР Малиновский, заявлявший неоднократно, что проблемы перехвата баллистических ракет в Советском Союзе в принципе решены. «Особо должен доложить, что успешно решена и проблема уничтожения ракет в полете»⁷⁶, — заявил Малиновский на XXII съезде КПСС, вызвав «бурные аплодисменты».

К этому времени действительно удалось провести успешные испытания по перехвату МБР противоракетой с неядерной боевой частью, созданной в конструкторском бюро, возглавляемом Г.В.Кисунко. Первый такой эксперимент успешно прошел 4 марта 1961 г. на полигоне Сары Шаган (МБР запускалась с другого полигона — Капустина Яра). На одной из пресс-конференций Хрущев, вроде бы между прочим, но так, чтобы поняли все, сказал: «Наша ракета, можно сказать, попадает в муху в космосе»⁷⁷.

Однако этим еще не решалась задача создания надежной противоракетной обороны как сложнейшей системы, призванной иметь дело не с единичной целью, а одновременно с большим количеством объектов.

В то же время в выступлениях ряда военных профессионалов возможности ПРО оценивались весьма осторожно, если не скептически. В них рекомендовалось обратить внимание не только на развитие средств перехвата баллистических ракет, но и на уничтожение их на стартовых позициях, а также на применение методов пассивной защиты. Одновременно признавалось, что собственно «работы по созданию противоракетной обороны требуют ко-

лоссальных материальных затрат, которые посильны только самым мощным и наиболее развитым в экономическом отношении странам»⁷⁸.

Взгляды о возможности и желательности создания систем ПРО проникли и на высший политический уровень СССР. Их весьма красноречиво выразил Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин в ответах на вопросы иностранных журналистов во время своего пребывания в Англии в феврале 1967 года. Отвечая на вопрос о том, не является ли развертывание советской системы ПРО новым шагом в гонке вооружений и как он расценивает возможность достижения договоренности с США о взаимном моратории на развертывание противоракетных оборонительных систем, А.Н.Косыгин заявил: «Это — важный вопрос в военной области. Я не хотел бы отвечать на него прямо и в свою очередь хочу спросить автора данного вопроса — а он, как я понял, представляет английский институт стратегических исследований — о следующем: какое оружие следует рассматривать как фактор напряженности — наступательное или оборонительное? Думаю, что оборонительные системы, которые предупреждают нападение, не являются причиной гонки вооружений, а представляют собой фактор, предотвращающий гибель людей. Некоторые рассуждают так: что дешевле — иметь наступательное оружие, которое может уничтожить города и целые государства, или иметь оборонительное оружие, которое может предупредить это уничтожение. В настоящий момент кое-где имеют хождение теории, что следует разрабатывать систему, которая дешевле. Такого рода «теоретики» спорят и о том, сколько стоит убить человека — 500 тыс. долларов или 100 тыс. Может быть, противоракетная система дороже стоит, чем наступательная, но она предназначена не для убийства людей, а для сохранения человеческих жизней. Я понимаю, что не даю ответа на тот вопрос, который мне задан, но вы можете сами сделать соответствующие выводы.

Для решения проблемы безопасности есть другие пути, куда более надежные, пути, которые действительно могли бы устроить человечество. Вы знаете, что мы высказываемся за то, чтобы вообще прекратить ядерное вооружение и уничтожить запасы ядерного оружия...»⁷⁹. Поистине удивительные аналогии таит история. Канва рассуждений советского премьера в 60-х годах оказалась очень близкой содержавшейся в преамбуле к программному заявлению о

«стратегической оборонной инициативе» (СОИ) американского президента Р.Рейгана в начале 80-х.

Тем не менее первые успехи противоракетного перехвата и достаточно мрачные прогнозы серьезных аналитиков о дестабилизирующем влиянии массированного развертывания систем ПРО на только что складывающийся советско-американский паритет в области стратегических наступательных вооружений (СНВ) подтолкнули обе стороны к переговорам по ограничению как наступательных, так и особенно оборонительных стратегических ядерных средств.

Этот момент стал одним из ключевых в развитии советских взглядов на соотношение между наступлением и обороной в стратегической ядерной сфере, получивших официальное признание с подписанием в мае 1972 года в Москве советско-американского Договора об ограничении систем ПРО. Заключение этого договора, весьма жестко ограничивавшего противоракетные средства, а главное — запрещающего создание систем противоракетной обороны территории страны, отражало фактическое понимание неотвратимости возмездия в ядерной войне, невозможности упования в ней на сколько-нибудь надежную оборонительную систему.

Так произошел радикальный отход от господствовавших в 60-е годы в советском политическом руководстве и военном командовании взглядов.

Свидетельства пересмотра подходов к соотношению между средствами обороны и наступления в стратегической ядерной сфере в советской военной теории появились еще несколькими годами раньше. Уже упоминавшийся генерал-лейтенант Завьялов писал: «Военное искусство ядерной войны опирается на наступательное ядерное оружие. В этой войне оно действительно станет лучшим средством обороны»⁸⁰.

После подписания Договора по ПРО вопрос о развитии соответствующих средств в советской военной печати звучал довольно глухо. Во внутренних дискуссиях военные теоретики постоянно подчеркивали экономическую неэффективность систем ПРО, так как, мол, «для надежного перехвата одной баллистической ракеты необходимо по крайней мере три антиракеты».

Много внимания в этот период в советской военной литературе уделялось анализу качественных параметров стратегических ядерных сил США, прежде всего оснаще-

нию МБР и БРПЛ разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН — или МИРВ в английской аббревиатуре). Подчеркивалось, что США не планируют увеличения числа своих пусковых установок, но значительно увеличивают число боезарядов на носителях. Тем самым делался вполне определенный намек на то, что возможности для перехвата такого рода средств нападения резко сокращаются.

Признавая ограниченный характер возможностей систем противоракетной обороны, Маршал Советского Союза П.Батицкий (Главком войск ПВО страны), писал: «В рамках достигнутых соглашений об ограничении средств противоракетной обороны она, вероятнее всего, будет изменяться лишь качественно и по своим возможностям станет ограниченной, способной прикрыть только столицы своих государств от перспективных средств ракетного нападения»⁸¹.

Вообще в 70-е годы ядерная стратегия подчинялась логике развития советско-американского ракетно-ядерного противостояния, формально регулируемого начавшимся тогда «стратегическим диалогом» двух держав. Эти переговоры привели к подписанию пакета двух достаточно крупных соглашений — ОСВ-1, куда вошли Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972 г.). Интересно отметить, что, ставя политическую цель укрепления стратегической стабильности во взаимных отношениях, стороны в результате достигнутых соглашений ОСВ-1 окончательно (по крайней мере на 10-летний период) остановились на активно-оборонительном варианте планирования стратегических ядерных действий в форме ответно-встречного удара СНВ. По Завьялову, который метко подчеркнул присущий военной мысли дуализм в определении понятий «наступательный» и «оборонительный» применительно к оружию и формам его боевого использования, такая стратегия вполне могла бы характеризоваться как наступательная. Этот выбор был предопределен не только политикой, но и достигнутым тогда уровнем развития науки и технологии, давших в руки стратегов наступательную силу: межконтинентальные средства ядерного воздействия друг на друга, а также пассивные оборонительные возможности — наземные и космические системы раннего предупреждения о пусках баллистических ракет

(полете тяжелых бомбардировщиков), осуществляемых с территории (или с акваторий океанов) одной стороны с целью удара по объектам на территории другой.

9. Теория «глубокой операции» в 70-е годы

Что касается общевойсковых действий, то здесь в 70-е годы прежде всего продолжали развиваться наступательные оперативно-стратегические концепции, основы которых закладывались еще в 30-е годы творцами теории «глубокой операции». По словам генерала армии И.Павловского, «высокие боевые качества советских сухопутных войск, наличие в их составе мощных, дальнобойных средств поражения и резко возросшая подвижность всех войсковых организмов создали благоприятные условия для дальнейшего совершенствования *теории и практики глубокой наступательной операции*». В современных условиях, по его мнению, сухопутные войска приобрели возможность своими средствами и во взаимодействии с другими видами вооруженных сил «наносить огневые удары на всю глубину оперативного построения противника, осуществлять стратегическое наступление в более высоких темпах и на значительно большую глубину, чем это было на заключительном этапе Великой Отечественной войны»⁸².

Генерал армии В.И.Варенников писал, что в современных условиях из-за возросшей маневренности и подвижности обороняющегося еще большую значимость приобретает борьба с оперативными резервами. Соответственно более важную роль призваны сыграть передовые отряды (в виде отдельных частей и соединений), смелые и решительные действия которых на широком фронте по тылам врага призваны обеспечить захват промежуточных рубежей, важных объектов, узлов, дорог и переправ на путях отхода противника, обеспечивая условия для успешного развития операций⁸³.

В обеспечении успеха наступательных операций в еще большей мере подчеркивается значение фактора внезапности. Особенно важно при этом применение «неизвестных противнику приемов действий» войск, «умелое применение неизвестных противнику приемов решения оперативных и тактических задач» и т.п.⁸⁴

В середине 70-х годов в развитие теории «глубокой операции» вводится в оборот (в дискуссионном порядке) новый термин «объемная операция».

Генерал-лейтенант И.И.Юрпольский, используя этот термин, писал, что при современном уровне развития средств вооруженной борьбы традиционная схема наступательной операции (создание группировки, прорыв обороны, наращивание усилий, развитие прорыва тактического в оперативный и завершение разгрома противника) может и должна претерпеть существенные изменения. Дело в том, что новые средства вооруженной борьбы позволяют противнику уже в самом начале наступательной операции создать такие условия, в которых действия группировок сухопутных войск будут малоэффективными (большие зоны радиоактивного заражения, минирование местности, затопления, разрушения, укрепленные районы, подготовленные оборонительные рубежи с сильной системой противотанковой обороны и т.д.). Чтобы наступательная операция имела успех, чтобы не «прогрызть» оборону и добиться победы в короткие сроки, потребуется часть группировки сухопутных войск поднять в воздух и перебросить (вслед за ядерными и огневыми ударами) через зоны заражения и оборонительные рубежи⁸⁵.

Генерал-майор И.И.Джорджадзе, поддерживая идею «объемной операции», писал, что «положения теории объемной операции носят глобальный характер». Принципы и основные направления этой теории «действуют как в области оперативного искусства, так и в области тактики и стратегии, применимы как для наступательной, так и для оборонительной операции»⁸⁶.

Генерал-лейтенант Г.И.Демидков, сторонник идеи «объемной операции», подчеркивал: «Детальный анализ возможных путей разрешения проблем современной наступательной операции показывает, что их следует искать прежде всего в направлении *все более полного использования сухопутными войсками воздушного пространства...*»⁸⁷. Наступление воздушного эшелона, а не эпизодическая высадка десантов или удары аэромобильных войск являются важной общевоинской проблемой и постоянно действующим фактором разгрома противника. Проведение операции по такой схеме «должно позволить достигнуть более решительных целей с меньшими потерями, наилучшим образом обеспечить использование новых средств борьбы и нанесение внезапного удара». По оценке Демидкова, на разработку теории «объемной операции» и внед-

рение ее в войска может потребоваться всего несколько лет⁸⁸.

В то же время эта концепция встретила и серьезную критику. Ее сторонников упрекали в том, что рассмотрение наступательной операции в основном с позиций сухопутных войск может вести к односторонности суждений и ошибочным выводам. В частности, подчеркивалось, что современные наступательные операции ведутся совместными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск, являясь, таким образом, комплексными.

Генерал Юрпольский, по мнению его оппонентов, в основу своей идеи положил лишь расширяющееся использование в операциях воздушно-десантных и аэромобильных войск, увеличение масштабов применения которых не вызывает сомнения. Однако высота, на которой ведутся и развиваются боевые действия в воздушном пространстве, еще никогда не принималась за единицу измерения размаха современных операций, несмотря на то что и авиация, и воздушно-десантные войска применяются уже несколько лет. Наземные войска, в том числе воздушно-десантные и аэромобильные, всегда были и будут связаны с решением боевых задач на земле, а не в воздухе. Перевоска же по воздуху этих войск — это лишь один из кратковременных этапов воздушно-десантных операций, а их подготовка и ведение боевых действий этими войсками в ходе операций всегда осуществлялись и будут осуществляться на земле. «Однако из этого не вытекает необходимость назвать современную глубокую наступательную операцию объемной»⁸⁹, — писал генерал-майор в отставке М.В.Смирнов.

С точки зрения дальнейшего развития теории наступательной операции и ее практической реализации в создании соответствующих средств, оргштатных структур и т.п. представляется заслуживающим внимания замечание Смирнова о том, что Юрпольский рассматривает развитие успеха операции только в связи с применением воздушно-десантных войск, забывая о таком испытанном средстве, как сильные подвижные соединения. Опыт их применения, как подчеркивает автор, во взаимодействии с авиацией и воздушными десантами «сохраняет свое значение и в современной войне»⁹⁰.

В конце 70-х годов оформилась и была принята на вооружение концепция оперативных маневренных групп (ОМГ), а сторонники теории «объемной операции» потерпели поражение.

Было бы неверным считать, что советские военные теоретики не занимались вопросами обороны в стратегическом и оперативном масштабах применительно к силам общего назначения. Столь резких и категоричных высказываний против стратегической обороны, которые содержались у маршала Соколовского и его коллег по труду «Военная стратегия», в этот период уже не встречается.

С точки зрения развития военной мысли в области стратегической обороны (не касаясь ядерной сферы) 70-е годы вряд ли были отмечены чем-либо значительным. Показательно, что статьи о стратегической и оперативной обороне встречались в среднем на страницах советской военной печати (прежде всего главного военно-теоретического журнала «Военная мысль») в три-четыре раза реже, чем статьи о наступлении. Но и в них разрабатывались, как правило, отдельные частные моменты. Например, подчеркивалась особая сложность в условиях применения оружия всех видов быстрого восстановления нарушенной системы стратегической обороны, в первую очередь восполнения крупных людских потерь.

10. Первая половина 80-х годов

Начало 80-х годов принесло определенные изменения в ядерную часть советской военной доктрины и стратегии. Что касается общестратегических взглядов и установок, то здесь перемены значительно задержались, хотя вызвали они давно.

Изменения в стратегической ядерной сфере были вызваны прежде всего принятием Советским Союзом в 1982 году политического обязательства о неприменении первым ядерного оружия. Это обязательство с военно-стратегической точки зрения обосновывалось невозможностью одержать победу в ядерной войне ни для одной стороны тем, что СССР не делает ставку на победу в такой войне, а также несостоятельностью расчетов нанести по Советскому Союзу обезоруживающий удар при современном уровне систем обнаружения и боеготовности стратегических сил.

«Если агрессор применит ядерное оружие первым, он принесет нашим народам неисчислимые бедствия.

Однако и агрессор должен знать, что преимущества от упреждающего применения ядерного оружия не приведут

его к победе... При современном состоянии систем обнаружения, боеготовности стратегических ядерных средств Советского Союза обезоруживающего удара по социалистическим странам у США не получится. Агрессор не уйдет от всесокрушающего ответного удара»⁹¹, — писал в 1982 году министр обороны СССР Д.Ф.Устинов.

Для обеспечения обороноспособности страны в новых условиях ставилась задача повышения боеготовности советских армий, совершенствования управления и связи, с тем чтобы влияние фактора внезапности было сведено к минимуму, а также обеспечения комплекса мер для ужесточения контроля, исключающего несанкционированный пуск ядерного оружия, от тактического до стратегического⁹².

Последняя задача выглядит несколько «притянутой за уши», поскольку необходимость наличия строгих мер, исключающих возможность несанкционированного применения ядерного оружия, очевидна даже и при отсутствии обязательства о неприменении ядерного оружия.

После выступления Устинова практически все советские работы по вопросам военной доктрины и стратегии включали в себя упоминание об обязательстве СССР не применять ядерное оружие первым. Более того, это положение во многих случаях объявлялось краеугольным камнем советской военной доктрины. В таком же духе высказался в своей широко известной брошюре «История учит бдительности» в 1985 году и Н.В.Огарков: «В основе советской военной доктрины лежит положение о том, что **Советский Союз не применит ядерного оружия первым**»⁹³. Какие-либо дополнительные оперативно-стратегические аспекты данного обязательства не раскрывались. Не говорилось о том, какие объекты должны поражать в ответном ударе советские стратегические ядерные силы или ядерные средства оперативно-тактического и тактического назначения, не определялся порог «неприемлемого ущерба», как это делали в своих заявлениях министр обороны США Р.Макнамара в 60-е годы и его коллега Г.Браун — в 70-е.

Исключение составляет, пожалуй, публикация Министерства обороны СССР в 1984 году «Откуда исходит угроза миру», в которой говорилось, что в советской военной доктрине отсутствует и концепция упреждающих ударов⁹⁴. Но и в ней не содержалось никаких разъяснений, которые

делали бы декларируемое изменение в советской военной доктрине более убедительным.

В то же время продолжали выходить труды советских военных теоретиков, в которых трактовка ряда вопросов советской ядерной стратегии выглядела несколько по-иному. В этих работах на первое место в числе возможных целей для советских стратегических ядерных сил (РВСН, атомных ракетноносных подводных лодок и дальней авиации) ставились аналогичные стратегические средства другой стороны, а затем уже говорилось о поражении важнейших военно-экономических объектов, группировок войск, органов государственного и военного управления. Подчеркивалось особое значение первого стратегического массированного удара, способного оказать решающее влияние на дальнейший ход войны⁹⁵.

Крупным вызовом оформившимся в советской военной доктрине представлениям о соотношении наступления и обороны в стратегической ядерной сфере стало выдвижение президентом США Р.Рейганом «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Этот вопрос сохраняет свое значение и ныне, поскольку он глобален и его глубинная суть направлена в сердцевину ставшей уже трионизмом в политике ядерных держав стратегии сдерживания через угрозу взаимного (всеобщего) ядерного уничтожения.

Идея создания американской ПРО территории страны с упором на использование средств поражения на новых физических принципах и с космическими эшелонами вызвала волну дебатов среди специалистов в СССР, странах Варшавского Договора, да и не только в них — во всем мире. Эти дебаты получили отражение в целом ряде открытых публикаций. Весьма значительную роль в них сыграли гражданские ученые.

В мае 1983 года, вскоре после известной речи президента Рейгана, получившей у журналистов название «О звездных войнах», было опубликовано Заявление советских ученых, в котором говорилось: «...В ядерной войне эффективных оборонительных средств нет, и создание их практически невозможно». Далее непосредственно указывалось на угрозу, которую таит для военно-стратегического равновесия и международной безопасности попытка создания ПРО территории страны: «В реальности попытка создания так называемого «оборонительного оружия» против стратегических ядерных сил другой стороны, о чем за-

являет президент США, неизбежно выльется в появление еще одного элемента, усиливающего американский потенциал «первого удара»... Такое «оборонительное оружие» почти ничего не может дать стране, подвергшейся внезапному массированному нападению, поскольку оно явно неспособно защитить подавляющее большинство населения. Использование противоракетного оружия больше всего подходит именно для нападающей стороны, стремящейся уменьшить мощность ответного удара. Однако полностью предотвратить этот ответный удар оно тоже не может»⁹⁶.

Эта оценка получила поддержку как у высшего государственного и политического руководства страны, так и среди руководства Министерства обороны СССР.

Особая важность заявления ученых была связана с тем, что ряд советских специалистов в 70-е — в начале 80-х годов также выдвигали предложения о создании различных вариантов широкомасштабной системы ПРО, в том числе с космическими эшелонами. Так, еще в начале 70-х годов с идеей космической ПРО выступил академик Г.И.Будкер, но его предложение подверглось убедительной критике со стороны академиков Л.А.Арцимовича и Б.П.Константинова и было отвергнуто. Другой вариант космической ПРО (с использованием ракет-перехватчиков на орбитальных космических платформах) предложил академик В.Н.Челомей*. Свою идею он изложил Л.И.Брежневу. Обсуждение этой идеи проходило на высоком уровне в очень напряженной обстановке; комиссию по анализу концепции Челомея возглавлял заместитель министра обороны В.М.Шабанов. Благодаря ответственной позиции ряда ученых и военных предложение Челомея было отклонено. Эти дискуссии создали определенный иммунитет у отечественных ученых и специалистов, помогли быть лучше подготовленными к последовавшим за речью Р.Рейгана о «звездных войнах» обсуждениям⁹⁷.

* Генеральный конструктор ракетной и космической техники В.Н.Челомей имел конкретное предложение: к концу 60-х годов под его руководством совместно с генеральным конструктором ЦНИИ «Комета» А.И.Савиным был создан и развернут первый в мире уникальный комплекс противокосмической обороны с центром управления в Подмоскowie, специальной стартовой площадкой на полигоне Байконур, ракетой-носителем и космическим аппаратом-перехватчиком. (См. Военно-исторический журнал. — 1993. — № 11. — С. 19.)

В результате вместо того, чтобы в ответ на рейгановскую программу «стратегической оборонной инициативы» объявить о собственном аналогичном шаге, в Советском Союзе сформировался иной курс действий.

На дипломатическом фронте развернулась борьба за сохранение советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны в том виде, в каком он был подписан в 1972 году. На случай же нарушения Соединенными Штатами этого договора в связи с испытанием и развертыванием ПРО территории страны была разработана программа асимметричных ответных мер, которые прежде всего обеспечивали бы сохранение способности стратегических ядерных сил СССР к адекватному ответному удару, то есть соизмеримому по эффективности с тем, который мог быть осуществлен в условиях действия и соблюдения противной стороной упомянутого договора.

В открытой печати сведения о разработке различного рода контрмер в отношении новой угрозы, вызванной СОИ, появились в 1983 — 1986 годах в серии специальных докладов Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы, созданного по инициативе академика Е.П.Велихова и возглавляемого им на протяжении четырех лет. В обобщенном виде эти исследования, основанные на анализе объективных связей между стабильностью, безопасностью, потенциалом угроз физическому и психологическому здоровью людей, вошли в книгу «Космическое оружие: дилемма безопасности»⁹⁸.

Важными представляются и выступления по этим вопросам советских военных специалистов. Так, генерал армии В.М.Шабанов в июле 1985 года авторитетно заявил, что часто приводимые сопоставления программы СОИ с «Манхэттенским проектом» или проектом «Аполло» (высадка человека на Луну) неверны. Принципиальное отличие СОИ состоит в том, что проект предполагает борьбу не только с законами природы, но и с разумным противником, который непредсказуемо может использовать те же законы против создателей новых военных систем, и заставляет их предусматривать по возможности все варианты контрмер⁹⁹.

Предлагаемые контрмеры заключались как в техническом совершенстве защиты баллистических ракет от обнаружения и ударов из космоса, так и в тактике их боевого ис-

пользования. Так, например, в интересах морского компонента стратегических ядерных сил одной из основных задач повышения боевой устойчивости ракетных подводных лодок в районах их боевого патрулирования становится использование различных сил флота для противолодочной борьбы, в том числе и путем отвлечения сил противника на себя или на ложные направления¹⁰⁰. Выживаемость стратегических подводных лодок призвана была, как подчеркивали представители ВМФ, обеспечить и новые «тяжелые авианесущие крейсера» типа «Тбилиси»; головной корабль этого типа вошел в состав ВМФ в 1989 году.

Программа «звездных войн», постепенно теряя грандиозность военно-стратегических и научно-технологических целей, провозглашенных президентом Р.Рейганом, просуществовала около 10 лет. Она дробилась и приобретала прагматические черты доступных для современного уровня развития науки, техники и производства противоракетных программ. В частности, одной из них является программа США по созданию тактической ПРО на ТВД (1993 г.), более ранняя — программа «глобальной защиты от ограниченных ударов баллистических ракет» (GPALS).

Нашедшая определенную поддержку и в научных, и в общественно-политических кругах Запада, советская негативная реакция по отношению к СОИ достигла своих результатов, не допустив опасной для мира разбалансировки военно-стратегических отношений между СССР и США, которая могла бы произойти при разрыве Договора по ПРО 1972 года. Этот договор продолжает играть значительную стабилизирующую роль и в современных условиях, хотя по ряду параметров военно-стратегический баланс и военно-политическая обстановка в 90-х годах значительно изменились.

Завершая рассмотрение вопроса о соотношении обороны и нападения в стратегической ядерной сфере, нельзя не отметить, что, к сожалению, в советской военной и военно-политической мысли теория ядерного сдерживания не получила должного развития. Соответственно это сказывается и на определении важнейших нюансов политической роли ядерного оружия.

Этот недостаток ощущается в настоящее время применительно к вполне конкретным проблемам военно-политического курса и военной стратегии нашей страны.

11. «Оборонная достаточность» и новое соотношение между обороной и наступлением

В 1986 году на XXVII съезде КПСС по установившейся советской традиции была выдвинута новая внешнеполитическая инициатива, предлагающая ОВД и НАТО руководствоваться в военных доктринах принципом разумной достаточности своих военных потенциалов. Провозглашение этого принципа (в дальнейшем получившего название «оборонная достаточность») послужило своего рода политическим сигналом для поиска нового соотношения между наступлением и обороной в советской военной доктрине в пользу выбора таких стратегических концепций подготовки и ведения войны на Западном театре, которые в условиях взаимного сокращения войск и вооружений были бы лишены внешних и внутренних признаков обоюдной агрессивности (способности к внезапному открытию наступательных фронтов), то есть в военно-стратегическом плане характеризовались бы как оборонительные.

Как и в предыдущие годы, в процессе поиска новых стратегических концепций обращались к опыту прошлого, прежде всего к опыту Великой Отечественной войны.

Еще в 1985 году заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник М.А.Гареев высказал весьма негативное отношение к недооценке стратегической обороны в Великой Отечественной войне.

Он подчеркивал, что накануне этого тяжелейшего испытания обороноспособности страны и жизнестойкости государства советская военная теория недостаточно разрабатывала проблему форм и способов ведения стратегической обороны, а вопросы ведения обороны на оперативно-тактическом уровне крайне слабо отрабатывались практически. Идея непереносимого перенесения военных действий с самого начала на территорию противника, отмечал М.А.Гареев, укоренилась среди государственных руководителей и значительной части высшего военного командования нашей страны. Причем эта идея не была обоснована теоретически (имеется в виду военно-стратегический, а не политико-идеологический аспект), не была сна подкреплена и анализом конкретной военно-политической обстановки, оперативными расчетами. Возможность ведения сколько-нибудь длительных военных действий на своей территории практически исключалась. Отражение стратегического наступления

превосходящих сил противника (либо, добавим, захватившего стратегическую инициативу противника, как было в 1941 году) невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных и ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы имелись, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств приграничных округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов¹⁰¹.

М.А.Гареев справедливо отмечал, что со сталинских времен вопросы недооценки стратегической обороны накануне 22 июня 1941 г. не рассматривались должным образом в советской военной литературе, этому фактору придавалось явно недостаточное значение. «Недооценка обороны и не совсем правильная оценка изменившегося характера начального периода войны имели более тяжкие последствия, чем это иногда изображается в военной литературе...»¹⁰².

Однако подобные выводы из опыта первого периода Великой Отечественной войны по-прежнему не распространялись на современную стратегию. К примеру, о наступательных операциях в современных условиях Гареев писал весьма подробно, следуя официальным традициям всего послевоенного периода.

«В принципе у нас выработана четкая система взглядов на подготовку и ведение наступательных операций. Но они, как и другие положения теории, постоянно развиваются. В частности, необходимо продолжить работу по исследованию способов обеспечения непрерывности и стремительности наступления войск на большую глубину. В этом плане возникает множество проблем: прорыв обороны, насыщенной различными противотанковыми средствами, организация надежного огневого поражения противника, особенно его бронированных объектов в обороне...»¹⁰³.

В то же время в среде военных профессионалов в этот период возрастают сомнения в реалистичности ставки на ведение только стратегических наступательных операций как основного вида боевых действий. Для европейского театра это признавалось крайне рискованным в любом случае, поскольку при успехе такой операции исключительно велик риск перехода начатого обычными средствами вооруженного конфликта через «ядерный порог» и последующей

необратимой эскалации, что, в общем-то, и предусматривалось планами НАТО в соответствии со стратегией «гибкого реагирования». Однако выставить на широкое открытое обсуждение такого рода оценки пока еще никто не решался.

Между тем с середины 80-х годов увеличивается число специальных разработок, посвященных прежде всего опыту оборонительных действий Красной Армии в стратегическом масштабе в 1941 и 1942 годах; более детально рассматриваются и вопросы оперативной обороны¹⁰⁴. Начинают полностью печататься мемуары видных советских военачальников Великой Отечественной войны, включая разделы, не вошедшие в издания 60 — 70-х годов, когда снова, особенно после снятия Н.С.Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, критика Сталина, в том числе и его просчетов в 1941 году, стала свертываться. Среди этих публикаций выделяются прежде всего воспоминания Г.К.Жукова и К.К.Рокоссовского.

В мемуарах К.К.Рокоссовского, увидевших свет только весной 1989 года, большое внимание уделено фортификационным сооружениям — крепостям, укрепленным районам.

Это особенно примечательно, поскольку сам Рокоссовский, выйдя из плеяды кавалерийских командиров, начинал войну командиром крупного подвижного соединения — механизированного корпуса. Рокоссовский самостоятельно проанализировал в 1941 году план стратегического развертывания русского Генерального штаба, составленный накануне первой мировой войны, и убедился в его рациональности, вопреки распространенным после революции в СССР обвинениям русского Генерального штаба в «тупоумии», «бездарности», «самодурстве» и пр. Этот план, по мнению К.К.Рокоссовского, был составлен в значительной мере с учетом реальных особенностей, могущих оказать то или иное воздействие на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. При этом оценивались сравнительные возможности России и Германии отобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого и исходили при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж крепостей. «Вот такой план для меня был понятен», — писал Рокоссовский.

По справедливому мнению К.К.Рокоссовского, перед лицом угрозы вторжения вермахта, имевшего большой опыт боев и полностью отобилизованные вооруженные

силы, было бы наиболее логичным для Красной Армии сохранить в качестве рубежа развертывания старые укрепленные районы, несколько отнесенные вглубь от старой границы СССР (существовавшей до 1939 г.), не прибегая к мобилизации до начала войны. Рокоссовский подтвердил необходимость сохранить и усилить строительство укрепленных районов на старой границе, а не обезоруживать их. Он считал явной ошибкой строительство укрепленных районов непосредственно на новой границе, прямо на глазах у немцев¹⁰⁵.

Весьма показательной и важной с точки зрения переоценки опыта оборонительных операций и боев начального периода Великой Отечественной войны явилась публикация в «Военно-историческом журнале» засекреченной ранее работы генерала Л.М.Сандалова¹⁰⁶.

Сандалов* на частном примере 4-й армии, стоявшей на одном из направлений главного удара немецкой группы армий «Центр», убедительно показал, с какими задержками и ошибками шло строительство укрепрайонов вдоль новой границы и почему они не смогли сыграть должной роли в обеспечении успеха обороны¹⁰⁷.

В военной мысли второй половины 80-х усиливается интерес к Курской битве как к сражению, в котором советская сторона преднамеренно избрала для себя оборонительный вариант боевых действий. Генерал-майор А.П. Марышев называет преднамеренную оборону на Курской дуге «классической» и заключает, что «именно к созданию такой обороны и следует стремиться»¹⁰⁸. Вместе с тем он справедливо замечает, что ко времени Курской битвы для Красной Армии сложились весьма благоприятные условия, которых в другой момент могло и не быть. «Поэтому более пристального внимания заслуживает опыт обороны в первом периоде Великой Отечественной войны»¹⁰⁹.

Вокруг Курской битвы в советской печати развернулась дискуссия, в которой отрабатывалась новая оператив-

* Л.М. Сандалов начал войну начальником штаба 4-й армии, дислоцированной накануне Великой Отечественной войны в районе Бреста. Затем он был начальником штаба Центрального, позже — 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. После окончания Великой Отечественной войны генерал-полковник Сандалов — начальник штаба Прикарпатского военного округа, заместитель начальника Главного штаба сухопутных войск, начальник штаба Московского военного округа.

но-стратегическая концепция Вооруженных Сил СССР 80-х годов. Автор настоящей книги вместе с генералом В.В.Ларионовым в 1987 году опубликовал статью «Курская битва в свете современной оборонительной доктрины», где предпринималась попытка подвести итоги этой дискуссии. В специальной статье, посвященной сорок пятой годовщине Курской битвы, генерал армии С.И.Постников писал в июле 1988 года, что за 45 лет «произошли огромные изменения в формах и способах ведения вооруженной борьбы. Однако опыт минувшей войны и поныне остается бесценным источником военных знаний. Изучение и обобщение опыта крупнейшей в истории битвы, основным содержанием которой стали оборона и контрнаступление, имеют непреходящее значение для дальнейшего развития военного искусства на базе социалистической, сугубо оборонительной военной доктрины»¹¹⁰.

В целом военные специалисты стали рассматривать Курскую битву как прототип примера новой оборонительной стратегии на западном направлении.

29 мая 1987 г. на берлинском совещании Политического консультативного комитета (ПКК) государств — участников Варшавского Договора был обнародован документ «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора». Он содержал ряд важных положений, учитывающих позитивные сдвиги в европейской военнополитической ситуации после принятия ОВД и НАТО стокгольмского документа по мерам укрепления доверия в военной области (1986 г.) и активизации переговорных усилий Востока и Запада по сокращению их военных потенциалов от Атлантики до Урала, включая решение о выводе из Европы ядерных ракет средней и меньшей дальности. В документе, в частности, отмечалось, что «военная доктрина Варшавского Договора, как и каждого из его участников, подчинена задаче недопущения войны — как ядерной, так и обычной... Военная доктрина государств — участников Варшавского Договора является строго оборонительной, исходит из того, что в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса недопустимо»¹¹¹.

Ключевым в эволюционном переходе военной доктрины ОВД (и СССР) в новое, оборонительное качество стал тезис о том, что государства — участники ОВД в соответствии с объявленной ими доктриной предлагают НАТО

«сокращение в Европе вооруженных сил и обычных вооружений до уровня, при котором ни одна из сторон, обеспечивая свою оборону, не имела бы средств для внезапного нападения на другую сторону, для развертывания наступательных операций вообще»¹¹². Для находившегося на излете своей деятельности Варшавского Договора, ничуть не уступавшего по своей потенциальной боевой мощи НАТО, это было смелое и вполне приемлемое для обеих сторон предложение.

В то же время обращало на себя внимание то, что в берлинском (1987 г.) документе ПКС Варшавского Договора ничего не было сказано о собственно военной (военно-технической, если пользоваться введенной Фрунзе терминологией) стороне доктрины, составляющей суть стратегических и оперативных установок, позволяющих судить о приоритетности оборонительных или наступательных боевых действий в избранной стратегии ведения войны.

Вполне понятно, что такая неопределенность в формулировке новой военной доктрины позволяла широко варьировать в рамках «разумной достаточности» для обороны не только число дивизий, танков и самолетов, но и конфигурацию их группировок на театре войны, подстраивая последнюю под наступательный план действий, исходя из бытующего в среде военных профессионалов афоризма «Наступление — лучший способ обороны». Этот зарекомендовавший себя в сфере оперативно-тактического искусства афоризм механически переносился в высшую сферу военного искусства — стратегию, определяющую линию военного поведения государства в подготовке к большой войне.

Многие советские военачальники и военные теоретики доказывали, что общая оборонительная направленность военной доктрины не означает отказа от преимущественного упора на наступательные боевые действия в случае возникновения войны. (Аналогичные идеи живучи и сегодня, кстати, и в военно-политическом мышлении целого ряда деятелей других государств, в том числе США.)

При этом позиция сторонников такого взгляда на «оборонительный характер» советской военной доктрины объяснялась ими прежде всего двумя моментами: (а) политическим тезисом о том, что у СССР якобы нет политических целей, требующих развязывания по его инициа-

тиве войны, осуществления военной агрессии; (б) военно-политической констатацией (и только) ориентации Советских Вооруженных Сил исключительно на ответные действия — в качестве реакции на агрессию потенциального противника. Условия, как видим, необходимые, но крайне недостаточные для того, чтобы однозначно подтвердить оборонительный (неагрессивный) характер военной доктрины.

Неподтвержденность политической стороны доктрины ее военно-технической содержательной частью неоднократно подвергалась критическому анализу со стороны ряда советских и западных специалистов (в том числе и профессиональных военных), указывающих на необходимость полного соответствия между ними при безусловном подчинении стратегии политическим установкам.

Какая-либо дихотомия в трактовке, а следовательно, реализации военной доктрины таит в себе опасные последствия для национальной и международной безопасности. Она чревата, пользуясь выражением А.А.Свечина, «эмансипацией» стратегии от политики, что может, как это уже отмечалось, особенно остро проявить себя в кризисной ситуации. При отсутствии соответствия стратегии и оперативных форм оборонительному духу военно-политического курса государства, его концепции и политике национальной безопасности наступательные стратегические установки могут оказать едва ли не решающее воздействие на поведение государственных лидеров в кризисных условиях.

С определенным запозданием ряду советских военных теоретиков и военачальников пришлось разбираться с ненормальностью такого положения, при котором политическая часть военной доктрины носит оборонительный характер, а военная — наступательный. Особенно горьким для советской ментальности было признание, что, вопреки всем прошлым заявлениям, политическая часть военной доктрины Советского Союза имела иллюзорное покрывало оборонительного образа действий. В этой связи в конце 80-х годов весьма подробно на страницах военных журналов обсуждалась советско-финская война 1939 — 1940 годов. На очереди стояла афганская политическая авантюра, вылившаяся в локальную войну на территории соседнего государства. Оборонительная направленность в политике требовала и соответствующего

подхода в военной сфере. Если в политике эта направленность, как правило, признавалась и соблюдалась, то в военном деле, особенно в предвоенные годы и длительное время после второй мировой войны, оборонительным действиям отводилась в основном второстепенная роль. В некоторых случаях это было оправданно, хотя и наносило политический ущерб, давало повод для обвинения СССР в агрессивных намерениях, как писал в 1990 году новый начальник Военной академии Генерального штаба генерал-полковник И.Н.Родионов¹¹³.

Примечательно, что первое публичное заявление об изменении советской военной доктрины в ее военно-технической части было сделано в 1987 году представителем Генерального штаба генерал-полковником М.А.Гареевым в помещении пресс-центра МИД СССР на совместной пресс-конференции с заместителем министра иностранных дел СССР В.Ф.Петровским. Гареев заявил, что, в соответствии с объявленной новой доктриной СССР и ОВД, основным способом действий Советских Вооруженных Сил при отражении агрессии будут оборонительные операции и боевые действия¹¹⁴.

В аналогичной тональности на этой же пресс-конференции выступил и другой представитель Генштаба — генерал-полковник Н.Ф.Червов. Он говорил: «Наша страна за то, чтобы ограничить свои военные потенциалы пределами разумной достаточности. Под этим мы имеем в виду, что вооруженные силы будут способны по своей структуре, предназначению вести лишь оборонительные действия»¹¹⁵.

Высказывания двух представителей мозгового центра советской стратегии, хотя и близкие по форме, имеют различную смысловую нагрузку: Гареев говорит об оборонительном ее характере на случай «отражения агрессии», Червов распространяет это положение, правда, через «способность» вооруженных сил, на войну в целом. Тогдашний министр обороны Д.Т.Язов, поясняя новую советскую военную доктрину, подчеркивал, что СССР не ограничится в случае агрессии одними оборонительными действиями. «Только обороной невозможно разгромить агрессора. Поэтому после отражения нападения войска и силы флота должны быть готовы вести **решительное наступление**. Переход к нему примет форму контрнаступления...»¹¹⁶.

Объективные факторы общественно-политических изменений, происходивших в СССР, во всем «социалистическом содружестве», ускоряемые политическими лозунгами и результатами «перестройки» и «нового политического мышления», естественно, оживляли военную мысль, заставляя искать новые формулы стратегических концепций обороны страны. Военная наука не без труда освобождалась от идеологических пут марксистско-ленинского теоретизирования в области войны и мира, армии и государства, политики и стратегии. На примере эволюции послевоенной доктрины Союза мы видим, как стратегия, освобожденная от идеологической вуали, подчиняется политике. Она сопротивляется, упрямится, держится до поры за окостеневшие установки, вообще обладает страшной инерционностью из-за того, что сама управляет громоздкой, массивной по своей природе, военной машиной — армией и флотом. Анализ эволюции военной мысли в завершающий период существования Союза ССР и возглавлявшейся им военной коалиции восточноевропейских государств дает некоторое представление об этом.

Возглавлявший до И.Н.Родионова Военную академию Генерального штаба генерал армии Г.И.Салманов писал в 1988 году, что «новое мышление» «нашло отражение в военной стратегии: были определены меры по предотвращению войны, обеспечению устойчивости стратегического паритета, взаимосвязи оборонительной доктрины и перспективы военного строительства». Оценивая новейшие тенденции развития советской военной стратегии, Салманов заявлял: «Среди видов стратегических действий на первое место выдвигаются *стратегическая оборона и контрнаступление*, предпринимаемое после отражения удара противника»¹¹⁷.

Аналогичным образом высказался и один из руководящих работников Генштаба и ведущих разработчиков советской военной стратегии генерал-полковник В.В.Коробушин: «*Советская военная наука* рассматривает оборону и контрнаступление как основные виды стратегических действий в различных ситуациях»¹¹⁸. При этом «...советская оборонительная военная доктрина предъявляет новые, повышенные требования к проблеме устойчивости и активности обороны... Первые оборонительные операции становятся основной формой ведения военных действий с началом нападения агрессора, а контрнаступа-

тельные — основной формой наступления в начальном периоде войны»¹¹⁹.

Цели контрнаступательных операций начального периода войны определялись следующим образом: срыв наступательной операции агрессора и нанесение решительного поражения его ударной группировке; ликвидация вклинения противника и восстановление утраченного положения; захват инициативы и создание благоприятных условий для последующих боевых действий¹²⁰.

Подтверждая приверженность СССР новой оборонительной доктрине и размышляя об оборонительных действиях при отражении агрессии, Маршал Советского Союза В.Г.Куликов подчеркивал в 1988 году: «...Весьма важно научиться организовывать и вести активную оборону, предусматривая эффективное огневое поражение противника и проведение контратак и контрударов»¹²¹.

В целом идея необходимости иметь возможность для ведения активных, а не пассивных оборонительных действий, разнообразно используя маневр, широко представлена в военной и военно-политической литературе конца 80-х — начала 90-х годов. Так, генералы А.С.Куликов и А.Д.Нефедов заявляли о необходимости поиска оптимального сочетания маневренных и позиционных форм обороны.

«Ее цель — отражение вторжения агрессора, нанесение ему поражения и восстановление утраченного положения. Главным условием для достижения этого является сосредоточение усилий на наиболее вероятных направлениях нанесения ударов противником с созданием на них прочной позиционной обороны. Но при этом неизбежно ослабление других направлений, что может явиться предпосылками к ведению на них маневренной обороны»¹²².

В обширной по замыслу военно-теоретической статье «Военно-стратегический паритет как фактор сдерживания» подполковник В.Ф.Андреев идет дальше своих старших по званию коллег. В 1989 году он пишет, что принцип «лучшая оборона — наступление» уже не является адекватным новым условиям, и обращает критический взор на идею упреждающего удара, все еще занимающую умы некоторых военных теоретиков. «Если в прошлом практическая реализация этой формулы предполагала способность и готовность упредить противника в наступлении (особенно в стратегическом) как своеобразном эф-

фективном оборонительном средстве, то теперь положение изменилось». Эти условия Андреев связывает прежде всего с наличием ракетно-ядерного паритета. «В условиях ядерного паритета сил использование первым своего наступательного потенциала (превентивное наступление), в том числе и в оборонительных интересах, авантюристично и самоубийственно. Паритет объективно диктует новый императив ядерного века. Лучшая оборона — это ненаступательная оборона, исключая превентивные, упреждающие наступательные действия»¹²³.

Аналогичное развитие военная мысль получила и применительно к силам общего назначения советского ВМФ.

В ряде публикаций говорилось, что новый этап в развитии флота, так же как и в целом Советских Вооруженных Сил, происходит на базе оборонительной военной доктрины и поэтапного ядерного разоружения. «Оборонительная концепция потребовала пересмотра многих понятий и категорий. Основным видом действий ВМФ, как и всех Вооруженных Сил, стали оборонительные операции. Не снижая боевой готовности, флот перестраивает систему оперативной и боевой подготовки. На этом этапе требуется коренная переработка основополагающих руководящих документов, поиск оптимального состава и организации флота. По-новому рассматривается характер угрозы Советскому Союзу и на принципе разумной достаточности намечаются пути дальнейшего развития ВМФ и направленность его подготовки»¹²⁴.

Было объявлено о намерении сократить в ближайшие годы численность боевого состава советского ВМФ, об изменении масштабов и характера военно-морских учений и о приближении к берегам Советского Союза районов их проведения.

В целом все эти приобретающие доминирующее значение в военной теории мысли резко контрастировали с теми, которые высказывались на протяжении почти всего послевоенного периода во всех основных советских публикациях, посвященных анализу и трактовке военной доктрины.

Крупномасштабные наступательные операции — операции на театре войны (операции группы фронтов) — на протяжении нескольких десятилетий, как уже отмечалось выше, считались венцом советской военной мысли, советского военного искусства. В первой половине 80-х годов

это было зафиксировано и в «Военном энциклопедическом словаре»: «Стратегическое наступление — основной вид стратегических действий Вооруженных Сил, применяемый для достижения стратегических целей, осуществляется путем ведения стратегических наступательных операций объединений и соединений всех видов Вооруженных Сил на одном или нескольких ТВД (стратегических направлений) по единому замыслу и плану высшего командования. В результате стратегического наступления достигается разгром стратегической группировки войск (сил) противника, а иногда и вывод из войны одного или нескольких государств и овладение стратегическими районами, что обуславливает коренное изменение военно-политической обстановки или окончание войны»¹²⁵.

Совершенно очевидно, что для СССР не могло быть иной, нежели данной в энциклопедии, формулы ведения войны в годы разделенности Востока и Запада конфронтацией и «холодной войной», поставившей одного из победителей гитлеровской Германии в положение «осажденной крепости». Выход из такого положения, естественно, предполагался на путях милитаризованной политики, идеологии и активной наступательной стратегии. Психологически это было объяснимо, ведь такая безальтернативная энциклопедическая формула достижения политических целей в большой войне выводилась на основе победоносных стратегических наступательных операций завершающего периода Великой Отечественной войны, когда их результатом становился выход из гитлеровской коалиции Финляндии, Словакии, Венгрии, Румынии. На протяжении полувека советская наука считала эти операции непревзойденным триумфом военного искусства социалистического государства.

Мы уже отмечали инерционность военной машины, которой требуется время, чтобы начать работать по новым стратегическим правилам. Новые положения советской военной доктрины и следующие из нее оперативно-стратегические установки принимались с трудом и не сразу могли отразиться на оперативной и боевой подготовке войск, тем более на пространственно-временных параметрах их стратегического развертывания, требующего серьезной перестройки, иного эшелонирования и дислокации. Так, в 1988 году генерал-полковник М.А.Гареев обратил внимание на значительные недостатки, выявленные во

время тактических боевых учений, и дал ряд рекомендаций, направленных на то, чтобы оборонительные действия отрабатывались более эффективно*.

Весьма важным для понимания оценки советскими военачальниками грядущих стратегических изменений в военной доктрине является толкование содержания заложенного в нее принципа разумной (оборонной) достаточности, сделанное начальником Генерального штаба генералом армии М.А.Моисеевым. Он выделил пять главных параметров, обеспечивающих в физическом измерении реализацию принципа оборонной достаточности: (1) придание Вооруженным Силам ненаступательной структуры; (2) предельное ограничение в их составе ударных систем; (3) изменение дислокации в расчете на выполнение строго оборонительных задач; (4) снижение параметров мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, а также (5) уменьшение объемов военного производства¹²⁶.

Следует отметить, что изменения в военно-технической части советской военной доктрины, имеющие прежде всего отношение к стратегии ведения большой войны в Европе, предполагали аналогичные изменения и в доктрине другой стороны.

* «...На двусторонних учениях, если даже обе стороны действуют только по своим решениям, все же в конечном итоге наступающая сторона получает успех и продвигается на значительную глубину, а обороняющаяся сторона при всех обстоятельствах теряет занимаемые позиции и отходит. Почти не отрабатывается, например, восстановление положения в обороне путем проведения решительных контратак, срыв наступления противника и вообще успешное ведение оборонительного боя. В результате у личного состава может сложиться впечатление, что оборона практически не может противостоять наступлению противника, что, конечно, неправильно как с точки зрения учебной, так и воспитательной. Поэтому желательно, не ослабляя внимания к обучению войск наступательному бою, вместе с тем планировать и такие учения, где в конечном итоге обороняющаяся сторона получила бы преимущество и имела бы возможность во всех деталях отработать успешное ведение оборонительного боя». Гареев в этих целях рекомендует применять следующий прием: «Наступающая сторона на таких учениях может действовать по своим решениям, но быть представленной несколько меньшим количеством войск, а иногда просто обозначаться». (Гареев М.А. Развитие форм и методов оперативной и боевой подготовки Советской Армии // Военная мысль. — 1986. — № 2. — С.49—50.)

Во второй половине 80-х годов в СССР начали складываться благоприятные условия для освобождения военной теории и практики от идеологизированных подходов. В отличие от прошлого новые взгляды на соотношение между наступлением и обороной в военной стратегии и оперативном искусстве уже во многом стали производными реалистичной политики, учитывающей не только собственный, но и мировой опыт и тенденции военно-силового поведения на международной арене. Важно, что эта политика была поддержана и понята в среде военных и гражданских специалистов, в какой-то мере причастных к ее формированию и продвижению на рабочий уровень.

На пороге 90-х годов нынешнего столетия советская военная мысль стала освобождаться от тугих уз догматизма. Продиктованные временем новые геополитические императивы, отразившись в военной доктрине, двинули вперед военную стратегию. С завершением существования Союза ССР тяжесть дальнейшего поступательного и — главное — гармоничного развития военной политики и стратегии легла на плечи нового поколения военных и гражданских профессионалов России. Что можно пожелать им, завершая этот скромный труд? **Ради будущего России не забывать в настоящем ее прошлого...**

Вместо заключения

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЕННАЯ МОЩЬ РОССИИ

Прекращение «холодной войны» не сменилось новым, стабильным режимом международных отношений, формированием «нового международного порядка», на что рассчитывали многие политические деятели и аналитики.

Хотя ряд конфликтов, имевших место в период «холодной войны», прекратились, возникло множество новых, в том числе на территории бывшего Советского Союза да и самой России, а также на территории бывшей Югославии, в Юго-Восточной Европе. Международное сообщество во многом оказалось неготовым к разрешению таких конфликтов с использованием международных институтов, начиная с Организации Объединенных Наций, несмотря на значительное возрастание роли этих институтов.

Не уменьшилась угроза распространения оружия массового поражения и средств его доставки большой дальности, в том числе и способного достигать территории Российской Федерации и ее союзников из районов острых военно-политических конфликтов. Парирование этой угрозы требует не только национальных, но и международных усилий.

Существует опасность предъявления территориальных претензий к России на различных участках по периметру наших границ. Эти претензии в настоящее время выдвигаются некоторыми маргинальными группами в странах, сопредельных с Российской Федерацией, однако они могут стать предметом и межгосударственных споров и даже столкновений.

Для России исключительно важное значение имеют прежде всего международные отношения на территории бывшего Советского Союза — в первую очередь взаимодействие с Украиной, Белоруссией, Казахстаном. При этом значение

российско-украинских отношений выходит далеко за рамки СНГ и даже за рамки Европы в целом; от этих отношений во многом зависит состояние всей мировой политики.

Многое в обеспечении безопасности России будет определяться тем, как пойдут процессы реинтеграции на территории бывшего Советского Союза. Социокультурные, экономические и геополитические предпосылки для усиления такого процесса налицо. Большая часть населения Российской Федерации и Советского Союза за несколько десятилетий формирования страны образовала своего рода суперэтнос, включающий в себя как славянские, так и неславянские компоненты.

Можно предположить — и для этого есть немалые основания, — что на территории бывшей Российской империи и распавшегося Советского Союза возникнет в той или иной форме новое евразийское государственно-политическое образование, где Российская Федерация выступит в качестве системообразующего ядра, вокруг которого на равноправной и взаимовыгодной основе объединятся другие государства.

В то же время очевидно, что потенциал реинтеграции не реализуется автоматически, без целенаправленных усилий со стороны ответственных перед своими народами политических и общественных деятелей, лидеров новой для нас нарождающейся рыночной экономики. Формирование такого образования во многом и будет определять потребности национальной, в том числе военной, безопасности нашей страны.

В рамках этого общего процесса может возникнуть целый ряд острых конфликтных и кризисных ситуаций, способных угрожать и территориальной целостности Российской Федерации. Однако в обозримой перспективе, по признанию подавляющего большинства специалистов, для Российской Федерации вероятность ядерной войны или большой войны с применением обычных вооружений весьма невысока. Для возникновения такой войны нет серьезных политических или экономических предпосылок.

В целом в международных отношениях основная борьба за влияние проходит в экономической, финансовой и научно-технической сферах, из которых Советский Союз в последние 10 — 15 лет своего существования был почти исключен. В итоге стартовые условия у России для борьбы в этих сферах выглядят значительно хуже не только по

сравнению с развитыми странами Запада и Японией, но и по сравнению с целым рядом «новых индустриальных стран». Но было бы неверным ставить Россию в один ряд со слаборазвитыми странами — прежде всего в силу сравнительно высокого уровня культуры, образования, традиций промышленного производства.

Одним из важнейших ресурсов завоевания Россией достойного места в мировой иерархии государств, если она не хочет превратиться в сырьевой придаток, периферию мировой экономики, является оборонный комплекс, куда на протяжении многих десятилетий шли лучшие кадры, делались крупнейшие материальные вложения. Этот ресурс, к сожалению, так и не был должным образом использован в силу серьезных ошибок в политике конверсии и отсутствия долгосрочной национальной промышленной политики.

Нельзя не отметить, что конверсия — не совсем точный и даже во многом дезориентирующий термин для обозначения того, как должно преобразовать этот оборонный комплекс. Надо прежде всего вести речь о диверсификации оборонных предприятий. Ряд специалистов у нас и за рубежом неоднократно подчеркивали: невозможно на «чисто рыночной основе» конверсировать оборонную промышленность. После войны многие сугубо военные заводы в США были просто закрыты, что оказалось рациональнее. Но это стало возможным лишь при высокой мобильности рабочей силы в стране, при общем быстром росте гражданской экономики, при развитой системе социального страхования, возникшего еще в рамках предвоенного «нового курса» Рузвельта, и т.п.

В России, других странах бывшего СССР сложились иной характер общества, иная экономика, где к началу 90-х годов не менее семидесяти городов оказались почти полностью зависимыми от оборонных производств.

При жесткой системе централизованного планирования старая политика конверсии, каковой она была к концу 80-х годов, имела определенные шансы на успех. Оборонным заводам и КБ было поручено производить технику для пищевой промышленности, бытовую электронику и т.п. Подобные задания действовали в существовавшей тогда системе цен и спроса. Многие из таких заданий были старательно выполнены, хотя за это и пришлось заплатить немалую цену. При общем спаде производства в

1991 году выпуск конверсионных товаров — холодильников, телевизоров, стереомагнитофонов и др. — значительно возрос. Но с начала 1992 года наступил «великий передел» цен. Резко изменились издержки производства — как реакция на искусственно занижаемые в течение десятилетий цены на исходные материалы и комплектующие изделия. При этом скачок цен в оборонном секторе как на военную, так и на гражданскую продукцию оказался более значительным, чем в гражданском. Раньше оборонный рубль был намного «тяжелее», нежели рубль, например, в гражданском машиностроении. По имеющимся данным, например, в производстве танков, боевой авиации рубль был дороже доллара в 8 — 10 раз. Многие предприятия приспособивались к изменению цен, кто-то даже нарастил производство бытовых товаров. Но эти товары все больше скапливались на складах: произошло резкое сокращение потребительского спроса. К тому же рынок оказался не защищен от наплыва импортных изделий.

Напомним еще раз, что главную ценность в оборонной промышленности представляют высококвалифицированные кадры. Не следует недооценивать и систему образования, доставшуюся России в наследство от Советского Союза.

При всем важном значении экономических, финансовых и политических факторов в международной борьбе за влияние значительная роль сохраняется здесь и за военной мощью государств. Для России наличие достаточно мощных вооруженных сил является, наряду с политическими и иными мерами, одним из важнейших условий предотвращения агрессии против нее самой и ее союзников. Имея крупные арсеналы ядерного оружия, прежде всего стратегического, Россия и после распада Советского Союза остается военной сверхдержавой.

Основой сдерживания вероятного противника от агрессии остается возможность причинить ему крупный ущерб при любом варианте его действий, даже при попытке нанесения им внезапного обезоруживающего и обезглавливающего удара. Сотни ядерных боеприпасов, доставляемых до цели, наносящих огромные разрушения, ведущие к потерям десятков миллионов человеческих жизней, и обеспечивают эффект сдерживания. Понимание агрессором неотвратимости возмездия, угрозы гибели населения в колоссальных размерах делает любые политические цели, которые могли бы быть поставлены при раз-

вертывании такой войны, бессмысленными. Если же учитывать вторичные и третичные последствия сколько-нибудь крупномасштабного применения ядерного оружия, то ядерное сдерживание выглядит еще более убедительным. Именно этим в первую очередь и определяется устойчивость военно-стратегического равновесия.

Как подчеркивалось выше, теория ядерного сдерживания, политическое значение ядерного оружия в обеспечении безопасности, определение соответствующих потребностям сдерживания размеров ядерного арсенала страны должны стать предметом самого пристального внимания специалистов как в политическом, так и в военном секторах нашего общества.

Серьезную угрозу для стратегической стабильности представляет создание одной из сторон системы ПРО, способной значительно ослабить ответный удар другой стороны. Поэтому важным элементом обеспечения стратегической стабильности продолжает оставаться Договор по ПРО 1972 года.

Как уже отмечалось выше, наличие ядерного оружия и малая вероятность ядерной и большой обычной войны против России не означают отсутствия опасности региональных и локальных вооруженных конфликтов и войн, затрагивающих интересы России. Кроме того, существует определенная вероятность крупных войн в различных регионах мира, не затрагивающих напрямую Россию и ее ближайших союзников, но способных резко дестабилизировать всю международную обстановку.

Характер сколько-нибудь масштабных вооруженных конфликтов и войн, в которые может быть вовлечена Российская Федерация, во многом будет определяться доминирующими тенденциями в развитии средств вооруженной борьбы. Главенствующую роль приобретает проблема завоевания информационного превосходства в управлении войсками (силами) и оружием. Уже в мирное время готовится и ведется перманентная информационная борьба даже между союзниками по различным военно-политическим блокам. В военное же время она может принять характер широкомасштабных специальных операций. От результатов борьбы в информационной сфере зависит господство в воздухе и господство в средствах огневого поражения.

Применение боевых сил и средств носит все более комплексный межвидовой характер. В период первой ми-

ровой войны успех в бою и соответственно в операции определялся прежде всего превосходством в средствах огневого поражения на поле боя — артиллерии, которая прокладывала дорогу пехоте или, наоборот, делала наступление невозможным. Во время второй мировой войны задача обеспечения господства в огневом поражении артиллерийскими средствами не была снята, так же как и действия пехоты, но первой задачей стало достижение господства в воздухе. В современных условиях ни одна из этих задач не снимается, однако все они предваряются задачей достижения информационного превосходства.

На это должны быть нацелены значительные, все более возрастающие усилия в оснащении Вооруженных Сил России соответствующей техникой, в отработке необходимой тактики, способов осуществления в случае надобности и крупномасштабных операций. Этой задаче должны быть подчинены и соответствующие усилия по обеспечению необходимыми материалами Вооруженных Сил РФ.

Все более важную роль в вооруженных конфликтах будут приобретать нелетальные средства борьбы, воздействующие как на личный состав, так и на технику противоборствующих сторон.

Успех или неуспех в войнах настоящего и будущего определяется не только боевыми действиями и их политическим и экономическим обеспечением, но и во все большей мере их освещением в средствах массовой информации, имеющих уже сейчас глобальный характер. Это также предъявляет свои требования к вооруженным силам, способам и средствам ведения вооруженной борьбы.

Наиболее ярким примером в этом отношении является война коалиционных сил против Ирака в Персидском заливе в 1991 году, включая операцию «Буря в пустыне», когда многие боевые эпизоды освещались телевидением в массовом порядке, на весь мир, в прямом включении.

Развитие системы международных отношений не привело на смену «двухполюсной конфигурации» мировой политики ни эру «кондоминиума» двух сверхдержав, ни создание какого-либо «мирового концерта» великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Не произошло и качественного роста роли крупных международных институтов — начиная с ООН и ОБСЕ, хотя их значение в мировой политике сейчас гораздо выше, чем каких-либо международных образований в прошлом.

Это обстоятельство стремится, в частности, использовать НАТО, которая всеми силами старается продлить свое существование и после завершения «холодной войны», после распада своего главного антагониста — Организации Варшавского Договора. Но сама НАТО отнюдь не является монолитом, хотя за десятилетия существования в ней отработаны механизмы сглаживания противоречий, методы достижения подчас весьма действенного консенсуса. В блоке наблюдается явное стремление установить контроль над процессами, происходящими в сфере жизненно важных интересов России и ее союзников. Расширение состава НАТО противоречит идее формирования общеевропейской системы безопасности.

Не следует при этом упускать из виду и тот факт, что шаг за шагом расширяет свое влияние в Европе Западноевропейский союз, взаимодействующий с НАТО, но одновременно и соперничающий с ней. Повышается активность группы северных стран Европы, объединенных в соответствующую региональную организацию. В Центральной и Восточной Европе действует «вышеградская группа», которая пережила «развод» Чехии и Словакии и крупные перемены в государственном руководстве отдельных стран, в том числе приход к власти социал-демократов в Венгрии. Наряду с этим после завершения двухполюсного противостояния во многом сохранили свою роль, а кое в чем даже расширили свое влияние отдельные государства-нации — Франция, Германия, Италия и ряд других стран.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах мира — вместе с ростом значения международных и региональных организаций сохраняют свою роль и традиционные центры силы в виде государств и их коалиций.

В результате политика национальной безопасности России и в ее военном аспекте реализуется в многомерной системе координат. Нельзя огрублять, упрощать ту международную среду, в которой существует Россия, иначе она просто не сможет воспользоваться многими возможностями, открывающимися перед ней, для обеспечения своих национальных интересов.

Эти возможности в самом общем виде заключаются в активном участии в формировании выгодных России и не противоречащих интересам международного сообщества в целом различных субрегиональных, региональных и глобальных балансов сил. Внешняя политика станет тем эф-

фективнее, чем в большей степени она будет учитывать прагматические, конкретные интересы России. В нынешней обстановке этим интересам отвечает гибкая политика многовариантного партнерства с отдельными государствами или группами стран, заинтересованными в сотрудничестве с ней. Такой подход обеспечит России необходимую свободу маневра на международной арене. Определение же стратегических союзников должно соответствовать интересам державы. Причем при выборе союзников нельзя оставаться во власти иллюзий подобно тому, как это было присуще советскому руководству. Зачастую отношение СССР к своим партнерам и союзникам характеризовалось причудливой смесью цинизма и идеализма. В результате были растрочены огромные ресурсы, а надежных друзей оказалось крайне мало. Это послужило одной из причин распада СССР и коалиции его союзников.

Не умаляя значения российско-американских отношений, необходимо подчеркнуть значимость для России отношений с Китаем и Индией в Азии, а в Европе — восстановление традиционных связей одновременно с Францией и Германией. Для российской политики в целом благоприятным фактором является то, что между этими странами усилиями французских и германских политиков послевоенного периода преодолен мощнейший антагонизм, существовавший на протяжении веков. Весьма важны для России отношения и с такими странами, как Болгария, Словакия, Югославия, а также Куба, Монголия и др.

Мир, оказавшийся в 90-х годах перед лицом одной сверхдержавы, немедленно начал переформировываться так, чтобы эта однополюсность не продолжалась слишком долго. США к началу 90-х годов по многим экономическим показателям пришли ослабленными. Несколько десятилетий «холодной войны», которую Америка вела с Советским Союзом и как бы выиграла, не прошли бесследно даже для нее. Все более активно проявляют себя новые «центры силы» мировой политики — прежде всего по параметрам промышленно-экономической и финансовой мощи, уровню развития культуры.

Задача России во внешнем мире состоит в том, чтобы находить и максимально использовать возможности участия в различных альянсах и коалициях, учиться действовать в многомерной системе координат, руководствуясь собственными долгосрочными национальными интереса-

ми, строго выдерживая свою стратегическую линию. Одним из основных инструментов такой политики является военное и военно-техническое международное сотрудничество. Достижения России в разработке и производстве различных видов важнейших вооружений получают все большее признание и при правильной постановке дела превращаются в важный инструмент формирования балансов сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в районе Персидского залива, на Ближнем Востоке в целом, в ряде районов Латинской Америки и в других регионах. В военном сотрудничестве важную роль играет подготовка военных кадров в высших военных заведениях России, где учатся и зарубежные специалисты и где все слушатели впитывают в себя лучшие достижения российской культуры в целом, осваивают русский язык — один из официальных языков ООН.

* * *

Идея национальной безопасности России, в том числе военной, является производной от идеи национального развития страны в целом, ее места в мире, в иерархии наиболее развитых государств. Формирование новой военно-политической и военно-стратегической концепции, строительство Российских Вооруженных Сил неотделимы от такого рода национальной самоидентификации.

Без мощной экономики, без мощной промышленности, стабильных финансов суверенитет и подлинная безопасность России не могут быть обеспечены, Россия не сможет иметь необходимые ей вооруженные силы, не опираясь на целенаправленную долгосрочную промышленную политику. Одной из важнейших основ формирования российской промышленной политики является глубокое осознание национальных интересов и национальных целей страны. Россия — государство с богатейшей традицией понимания своего места в мире. Ощущение значимости своей страны — в крови у большинства россиян, и в этом нет ничего зазорного.

Нечто похожее имело место в Японии после поражения во второй мировой войне. Жители Страны восходящего солнца были уязвлены, унижены, но не захотели примириться с этим. Наоборот, они желали доказать всему миру, и прежде всего Соединенным Штатам, что смогут по

крайней мере сравниться с ними в гражданской экономике и утвердить японское общество и японскую культуру среди ведущих в мире.

С японским послевоенным опытом немало общего имеет опыт развития Германии, Франции, Испании, Южной Кореи. При всей национальной специфике каждой из этих стран удалось главное — достичь определенного уровня общественного согласия относительно долгосрочной национальной идеи, объединяющей личные и групповые интересы.

Во второй половине 80-х — начале 90-х годов, проявляя крайности, свойственные российскому национальному характеру, мы качнулись от мессианства и самовосхваления в сторону самоуничтожения, перечеркивая все то, что было ценного в нашем обществе даже по самым высоким мировым стандартам.

Хочется надеяться, что все-таки наступает время национального отрезвления, восстановления уважения к самим себе, к собственной культуре, истории, сколь бы тяжелой и трагичной она ни была во многих своих периодах.

Россиянам, как многоэтнической нации во главе с русскими, необходимо формирование среди прочих качеств устойчивого чувства национального эгоизма, спаянного со здоровым честолюбием, жаждой доказать, что и мы можем жить не хуже народов развитых стран Запада или Японии, не жертвуя при этом своей культурно-национальной самобытностью и подлинным суверенитетом.

Не могу не повториться и не сказать, что именно такое чувство помогло Франции остаться самой собой, восстановить свое подлинное величие. Тщательное сбережение и приумножение своего национального культурного достояния помогли противостоять мощнейшему наплыву американской «массовой культуры», встать на ноги и добиться выдающихся результатов в экономике, промышленности, в социальной сфере таким странам, как Германия, Япония, Италия, потерпевшим сокрушительное поражение во второй мировой войне.

В становлении новой российской государственности, поиске Россией своего прочного места в мире особая роль принадлежит русскому языку. Развитие русского языка, прежде всего литературного, должно стать одним из основных направлений государственной культурной политики.

Эта политика ни в коей мере не должна ущемлять права всех этносов, национальностей России в отношении их языков, диалектов, не должна носить характера политики русификации, подобной той, что проводилась при императоре Александре III.

Большую опасность представляет упрощение и огрубление языка — в результате утрачивается способность адекватно оценивать и описывать все более усложняющийся мир. Уже не первый раз в этом столетии появляющийся «новояз» представляет огромную угрозу нашей российской культуре. В сфере национальной безопасности, в военно-политической сфере, где от нюансов и полутонов подчас зависят вопросы жизни и смерти, особенно в острых кризисных ситуациях, четкость и ясность языка приобретают особое значение.

Развитие русского языка как главного фактора культуры — это и одно из важнейших средств сохранения единства страны, нашей территориальной целостности, а также обеспечения ее влияния не только в ближнем зарубежье, но и во многих других районах мира. Главенствующее внимание к языку должно пронизывать всю воспитательную работу в армии и на флоте, при подготовке офицерских кадров. Вспомним, что одним из достижений великого созидателя единой Франции герцога Ришелье было создание Института французского языка и всяческое поощрение французских писателей и драматургов, развивавших единый литературный язык этой страны.

Для единства России, усиления ее влияния в мире Пушкин, создавший современный литературный язык нашей страны, сделал больше, чем многие тысячи самых крупных государственных сановников и генералов.

Сегодня мы, так же как Германия и Испания, Япония или Южная Корея, нуждаемся в объединительных идеях. Это уже осознала наиболее активная часть нашего общества — политики, ученые, журналисты, общественные деятели, руководители партий, профсоюзов, предприниматели и, что особенно важно, лидеры промышленности и передовые рабочие. Именно этой части общества через коллективное сознание и предстоит формировать национальные цели и определять национальные интересы, базирующиеся на идеях общественного согласия, консолидации, способные поставить Россию на путь стабильного демократического общественного развития.

Одна из высших, если не самая высокая национальная цель России состоит в стремлении обеспечить своему народу достойную жизнь, тогда Россия сможет занять достойное место в мировой иерархии промышленно развитых государств. Сравнительный анализ реальных и потенциальных возможностей России позволяет говорить о том, что в обозримой перспективе она способна войти в число трех-четырех наиболее развитых в социально-экономическом и научно-техническом отношении стран мира, а не просто добиться членства в «большой семерке», превратив ее в «восьмерку».

Занять достойное место означает, прежде всего, достичь прочного положения на мировых рынках наукоемких технологий. Специалисты нашей страны принадлежат к той немногочисленной элите в международном сообществе, которая способна создавать и эксплуатировать сверхсложные технические системы, требующие, в свою очередь, высокого уровня организации, обеспечения кооперации сотен предприятий, НИИ и КБ.

Для того чтобы отечественная промышленность была готова двигаться по более эффективному пути, необходимы соответствующая национальная индустриальная политика, национальный консенсус по этому вопросу. Лидером в сфере высоких технологий могут быть (в числе некоторых других направлений) авиационная и космическая отрасли, с которыми связан целый комплекс высоких и средних технологий и новейших материалов. Здесь у страны есть достижения мирового уровня — например, в СВЧ-электронике, но имеются и слабые места, и даже провалы, а в целом эти отрасли способны выполнить роль «локомотивов», которые потянут за собой экономику России в целом.

Нужна и соответствующая стратегия проникновения на самые доходные рынки. Стратегия завоевания достойного места в мировом сообществе — это во многом стратегия умелого определения ниши для отечественной продукции, в том числе с помощью кооперации с правильно выбранными иностранными партнерами.

Этому должна помогать и внешняя политика: она прежде всего должна содействовать завоеванию российской продукцией международных рынков.

Государственная поддержка российского предпринимательства, разумный и эффективный протекционизм —

необходимые составляющие общего успеха. Учитывая специфику России, трудно ожидать сколько-нибудь существенных частных вложений в социальную сферу. Поэтому необходимы реальные социально ориентированные государственные программы.

Одной из важнейших государственных программ должно стать развитие здравоохранения, в том числе массовое производство современной отечественной медицинской аппаратуры. Среди высших приоритетов индустриального развития России должно быть и создание техники и комплексов, обеспечивающих весь цикл производства и переработки сельскохозяйственной продукции, обеспечение россиян продуктами питания по доступным ценам, создание структуры питания, соответствующей современным требованиям здравоохранения. Упор должен быть сделан на производство экологически чистых продуктов по стандартам, принятым во многих странах Западной Европы. Одним из важнейших ее инструментов может быть национальная программа развития инфраструктуры — транспорта, связи и пр. Национальная инфраструктура остро нуждается в быстрой модернизации. Она также призвана обеспечить единство нашей страны, прежде всего полнокровную культурную, экономическую, финансовую связь между Дальним Востоком и остальной частью России.

В России остро ощущается нехватка различных транспортных средств, средств связи и телевидения. А на отечественных заводах, верфях в последние годы стоят готовые самолеты, суда, локомотивы, спутники. В самой развитой рыночной экономике государство прямо и опосредованно вкладывает деньги в транспорт, связь, энергетику, а также в образование, науку, культуру — даже за счет увеличения дефицита бюджета. Такие вложения при правильной постановке дела обернутся для потребителя снижением тарифов. Вложения государства в инфраструктуру — это не субсидии убыточным предприятиям. Это деньги, которые начнут работать и вернуться в казну через несколько лет. Развитием инфраструктуры государство стимулирует создание рынка сразу по нескольким направлениям.

Частью промышленной политики является формирование мощных финансово-промышленных корпораций, способных на равных конкурировать с крупнейшими субъектами мировой экономики. Этот процесс, в станов-

ление которого свою лепту внес и автор, начался в России, он стал охватывать и страны ближнего зарубежья.

Говоря о создании жизнеспособных промышленных компаний, акционерных финансово-промышленных групп, необходимо подчеркнуть, что это — длительная и тяжелая работа, рассчитанная на перспективу. Надо расстаться с нетерпением и надеждами на мгновенное чудо, как бы этого ни хотелось. Сформулировав долгосрочные цели и консолидировав на такой основе страну, убедив народ в правильности стратегии государства, наиболее политически активная часть общества должна обеспечить условия и возможность выполнения поставленных задач.

Но одними гигантами задачу создания динамичной экономики и устойчивой социальной среды не решить. Необходимо развитие и среднего и мелкого предпринимательства — в связке с крупной промышленностью, с крупными финансово-промышленными образованиями. Такая тенденция возникла в конце 80-х годов, когда пошло создание «малых предприятий» на базе крупных заводов, конструкторских бюро.

Развитие мелкого и среднего предпринимательства в рамках общей промышленной политики должно способствовать формированию устойчивого, обширного среднего слоя населения, «среднего класса», без которого не может быть ни устойчивой демократической политической системы, ни развитого внутреннего рынка для отечественной промышленности. России необходима и определенная прослойка национальной сравнительно деполитизированной технократии, работающей на упрочение государства, но мыслящей прежде всего категориями «стоимость — эффективность», добывающей максимальной продуктивности экономики и промышленности. Вообще происхождение классов, слоев населения — это, как справедливо отмечал великий русский историк В.О.Ключевский, дело двоякое. Оно зиждется как на политическом, так и на экономическом основаниях: сверху — волей власти и снизу — экономическим процессом¹.

Именно «средний класс» призван стать основным источником пополнения российского офицерского корпуса.

Наличие общего мощного промышленного потенциала — основа для производства оборонной продукции, для должной технической оснащенности Вооруженных Сил. Во многих развитых странах национальная продукция

гражданского назначения в силу ожесточенной конкурентной борьбы стала по своему уровню превосходить соответствующую военную продукцию; в оборонных производстве, исследованиях и разработках, особенно с 80-х годов, в США и других развитых странах во все большей степени начинают использоваться достижения гражданской сферы, а не наоборот.

Переходя к собственно проблемам строительства Вооруженных Сил России (а именно этот термин предпочтительнее термина «реформа», в значительной степени дезориентирующего читателя, как и термин «конверсия»), можно выделить прежде всего пять направлений.

Первое — это изменение системы комплектования ВС. Поэтапный переход на смешанную систему комплектования стал одним из главных элементов нынешнего строительства Вооруженных Сил. Но пока многие набранные по контракту военнослужащие еще по своей профессиональной подготовке не удовлетворяют требованиям Вооруженных Сил.

Весь офицерский корпус, включая высшие чины, перешел на контрактный принцип. Это явление большой важности.

К сожалению, государство не всегда способно выполнить свои обязательства перед военнослужащими. Еще не до конца осознана суть контрактной системы, но она станет понятной в ближайшие пять лет. Самосознание офицерского корпуса, переходящего на договорные отношения с государством, становится более соответствующим формирующемуся гражданскому обществу. В этой связи исключительно важно, чтобы государство тщательно соблюдало свои обязательства, установленные законом.

Второе — это система военного образования. В России есть военные академии высокого уровня, где складываются свои научные школы, где работают ученые с мировым именем, как военные, так и гражданские. Привлекательность этих академий для наших офицеров высока потому, что в них наряду с хорошим уровнем специальной подготовки высок и уровень преподавания общеобразовательных дисциплин. А во многих высших военных училищах сложилась иная ситуация. Жизнь показывает, что, по-видимому, следует значительно расширить сеть кадетских, суворовских и нахимовских училищ, в которые поступает один из 8 — 10 желающих. Развитие сети таких училищ — важное дело для

всего общества, а не только для армии и флота. Они помогают отобрать многих энергичных и смелых ребят. Больше внимания надо уделять подготовке младших командиров, сформировать профессиональную прослойку сержантов и старшин в боевых частях, что, в свою очередь, повысит авторитет офицерского корпуса.

Третий компонент — изменение структуры Вооруженных Сил, системы их управления. Министерство обороны России унаследовало весьма сложную, во многом громоздкую структуру, систему управления. Но когда это министерство начало свою работу, было не до изменения структуры: требовалось не допустить потери управления войсками. Был момент, когда многим стало не по себе от одной мысли, что такая машина, обладающая ядерным, химическим оружием, огромными запасами обычных боеприпасов и вооружений, распадется или потеряет пространственно-временную ориентацию в совершенно новых политических и идеологических условиях.

Неизбежным представляется сокращение числа видов Вооруженных Сил и родов войск. Однако эту задачу не так легко решить, как кажется многим, не соприкоснувшись с ней на практике. Она прежде всего связана с наличием жестких ограничений в системах управления и снабжения, изменение которых требует весьма значительных затрат.

Министерство обороны во все большей степени трансформируется в орган политического, административного и хозяйственно-экономического управления Вооруженными Силами через соответствующие центральные органы и главкоматы. Управление Вооруженными Силами осуществляется министром обороны через Генеральный штаб — как главный орган оперативного управления войсками. В свою очередь, Генеральный штаб будет управлять войсками (силами) через создаваемые межвидовые оперативно-стратегические командования по направлениям (зонам) и по функциональному назначению. Такое построение соответствует характеру будущих войн и вооруженных конфликтов. Главкоматы видов Вооруженных Сил совмещают в себе, в зависимости от специфики, административные и оперативные функции за пределами того, что находится непосредственно в ведении Генштаба.

Мероприятия по трансформации видов Вооруженных Сил и родов войск необходимо проводить прежде всего с

учетом имеющихся систем управления. При этом многие специалисты рекомендуют радикальное сокращение фронтовых комплектов (в силу того, что позиционная война, в которой командование строилось фронтами, ушла в прошлое), корректировка армейских, корпусных, дивизионных и бригадных структур. В составе Вооруженных Сил преимущественно остаются лишь те армии (флотилии) и корпуса (эскадры), которые располагают реальными войсками.

Основой сил сдерживания ядерной и крупномасштабной обычной войн против России и ее союзников на обозримую перспективу остаются стратегические ядерные силы. В то же время немаловажную роль в сдерживании агрессии призвано сыграть и тактическое ядерное оружие, особенно на авиационных носителях.

Четвертое — система снабжения армии — это непосредственная производная от экономической системы страны. В прежние времена действовал предельно централизованный метод: условно говоря, продукты могли отправляться с Дальнего Востока на Украину через склады в Московском округе и наоборот. В 1992 — 1995 годах многое удалось изменить, оптимизировать соотношение между центральными закупками и тем, что делают военные округа, флоты, воздушные армии, армии ПВО, РВСН. Но основная работа еще впереди. Новая система поставок, менее централизованная, требует усиления контроля за расходованием средств, учета региональных особенностей ценообразования на продукцию и услуги, потребляемые армией и флотом.

Сейчас армия и флот интегрируются в систему формирующейся рыночной экономики со всеми сопутствующими плюсами и минусами. Отрицательные моменты во многом создают питательную среду для коррупции, которой сегодня поражено общество.

Наконец, пятое — отношения Вооруженных Сил с промышленностью. Раньше между армией и собственно промышленными предприятиями действовали девять промышленных министерств, специальные подразделения Госплана, Комиссия по военно-промышленным вопросам Совета Министров СССР, не говоря уже о соответствующих подразделениях ЦК КПСС. Случалось, что такая система навязывала Вооруженным Силам то, что им не было нужно. Но зато представители Вооруженных Сил включа-

лись в списки лауреатов Государственных премий, Героев Социалистического Труда. А дорогостоящие системы при этом сдавались в эксплуатацию не доведенными до нужной кондиции. С большим отставанием развивалась инфраструктура, особенно в Военно-Морском Флоте. Например, тяжелый ракетный крейсер «Киров» после того, как был принят, пришлось еще несколько лет доделывать, чтобы он стал боееспособным. Так же дело обстояло и с самолетами нескольких типов.

Сейчас мы движемся к методам отношений с промышленностью, принятым во всех цивилизованных странах. Предприятия любых форм собственности все больше имеют дело напрямую с генеральным заказчиком из числа подразделений Министерства обороны. В этих отношениях далеко не все благополучно. Они также нуждаются в усилении экономического анализа, контроля, в том числе надведомственного. Проблемой для Вооруженных Сил остается незавершенность структурных преобразований в промышленности. Во многих отраслях разделены, как и прежде, конструкторские бюро и серийные заводы. Иногда случается, что эти структуры выступают конкурентами на мировых рынках. Потенциальные покупатели российской оборонной продукции зачастую не знают, с кем же иметь дело.

В целом строительство Вооруженных Сил России, их реформирование идет, но не так быстро и глубоко, как хотелось бы.

Историей отпущено нам определенное время для реформы. Но не надо думать, что оно бесконечно. Самая тяжелая проблема продвижения вперед в деле реформ — это финансовая. Обилие средств на оборону не стимулирует реформы, но и острейший их недостаток, который мы сегодня испытываем, сковывает наше продвижение вперед в реформировании Вооруженных Сил. Вообще следовало бы подчеркнуть: строительство Вооруженных Сил — это дело не только военного ведомства. Это общегосударственная задача.

* * *

Армия — орудие политики, но политики государства, поскольку армия — институт государства. Столетиями в разных странах армию использовали и для решения задач внутренней политики. Но со временем происходило и бо-

лее четкое разделение функций армии и полиции, армии и жандармерии, армии и национальной гвардии; они стали заниматься в основном разными задачами и делами. Теперь, когда армия многих государств превратилась в громадную силу, любое ее «телодвижение» стало особенно заметным. В нашей стране, как и в других ядерных государствах, на армии лежит еще особая ответственность — охрана оружия массового поражения, недопущение его несанкционированного использования в какой-либо форме. Вся идеология армии прежде всего нацелена на отражение внешней агрессии. И тем не менее, в ряде случаев даже в самых развитых государствах в экстремальных условиях армия использовалась для того, чтобы вовремя прекратить беспорядки, если у других формирований для этого не хватало сил.

В последние годы, к сожалению, со стороны разных политических групп делались попытки апеллировать к армии, перетянуть ее на ту или другую сторону. Занятие это весьма опасное. Армия — институт сравнительно жесткий, во многом консервативный, она должна быть и для себя самой, и для общественного мнения воплощением стабильности. В армии существует четкая линия субординации, она должна точно знать, кому подчиняется. Это требование проистекает из природы самих вооруженных сил.

Система гражданского управления и контроля над Вооруженными Силами в России еще только формируется, хотя в нее уже заложен ряд важных элементов. Это относится прежде всего к полномочиям Президента как Верховного Главнокомандующего и Правительства, которые отражены в новой российской Конституции и в Законе об обороне, к роли Государственной Думы в отношении определения расходов на оборону и др. Система гражданского контроля над Вооруженными Силами и другими войсками необходима не только с точки зрения обеспечения политической стабильности, но и для повышения эффективности расходования средств, выделяемых на оборону, определения оптимальных путей строительства армии и флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Волкогонов Д. А. Девятый вал Вандей // Литературная газета. — 1990. — 30 мая.
- ² См. Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. — В двух книгах. — Кн. 1. — М., Новости, 1992. — С. 238.
- ³ Центральный Государственный Архив Советской Армии (далее — ЦГАСА). — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 390. — Л. 1206.
- ⁴ См. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917 — 1920 гг. — М., Наука, 1988. — С. 55; Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. — 1989. — № 9. — С. 233.
- ⁵ См. Гражданская война 1918 — 1921 гг. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, Р. П. Эйдемана. — Т. 2. — М., Военный вестник, 1928. — С. 95.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 313.
- ⁷ Там же. — Т. 40. — С. 119.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 7. — С. 519.
- ⁹ Военное дело. — 1920. — 10 мая. — С. 1.
- ¹⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания (вторая часть) // Военно-исторический журнал. — 1989. — № 12. — С. 57.
- ¹¹ Правда. — 1920. — 12 сент.
- ¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. — 1990. — № 5. — С. 143 — 144.
- ¹³ Тухачевский М. Н. Война классов. Статьи 1919 — 1920 гг. — М., Государственное издательство, 1921. — С. 36.
- ¹⁴ Альфа. О работе реввоенсоветов Армий и Фронтов // Военное дело. — 1920. — № 1. — С. 10 — 12.
- ¹⁵ Тухачевский М. Н. Указ. соч. — С. 36.
- ¹⁶ Цит. по Кокошин А. А. Свечин о войне и политике // Международная жизнь. — 1988. — № 10. — С. 134.
- ¹⁷ Цит. по Цыбульский И. В. Военные классики о взаимосвязи политики и стратегии // Военная мысль. — 1993. — № 9 — С. 78.

- ¹⁸ Свечин А. Стратегия. — М., Военный вестник, 1927. — С. 30 — 31.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Клаузевиц К. О войне. — Пер. с немецкого. — Т. 1. — М., Госвоениздат, 1937. — С. 23.
- ²¹ Там же. — С. 54.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. — С. 56.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 215.
- ²⁵ Там же. — Т. 26. — С. 24.
- ²⁶ См., например, Рыбкин Е.И. Ленинские принципы философско-социологического анализа войн и современность // Военно-теоретическое наследие В.И.Ленина и проблемы современных войн. /Под ред. генерал-майора А.С. Миловидова. — М., Воениздат, 1987. — С. 51 — 52.
- ²⁷ Мольтке Г. Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке. — Пер. с немецкого. — Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1913. — С. 14.
- ²⁸ См. подробнее Кокошин А.А. Бисмарк и Мольтке // Международная жизнь. — 1990. — № 7.
- ²⁹ Фельдмаршал Мольтке. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. Пер. с немецкого. — М., Воениздат, 1938. — С. 9.
- ³⁰ Свечин А. Указ. соч. — С. 20.
- ³¹ Там же. — С. 19.
- ³² Свечин А. История военного искусства. Часть III. — Новейшее время. 1814 — 1914 гг. — М., Высший военный совет, 1923. — С. 112.
- ³³ Свечин А. Стратегия. — С. 30.
- ³⁴ См. Жилин П. Дискуссия о единой военной доктрине // Военно-исторический журнал. — 1961. — № 5, — С. 12 — 23.
- ³⁵ См. История первой мировой войны 1914 — 1918 гг. — Т. 1. — М., Наука, 1975. — С. 182 — 183.
- ³⁶ Там же. — С. 183.
- ³⁷ Военное дело. — 1920. — № 2.
- ³⁸ Незнамов А. Военная доктрина // Военное дело. — 1920. — № 4. — С. 99.
- ³⁹ Уборевич И. О военной доктрине // Военное дело. — 1920. — № 10. — С. 291.
- ⁴⁰ См. Вацетис И. Доктрина штыка и огня // Красная Армия. — 1920. — № 16 — 17. — С. 33 — 43.
- ⁴¹ См. Jacobs W.D. Frunze: The Soviet Clausewitz. 1885 — 1925. The Hague, Martinus Nijhoff, 1969.
- ⁴² Фрунзе М.В. Избранные произведения. — Т. II. — М., Воениздат, 1957. — С. 7.
- ⁴³ Там же. — С. 8.
- ⁴⁴ Там же. — С. 8 — 9.
- ⁴⁵ Там же. — С. 11.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Свечин А. Итоги гражданской стратегии // Военное дело. — 1919. — № 20. — С. 658.

⁴⁸ См. Симонов К.М. Беседы с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским. Глазами человека моего поколения. — М., Изд. АПН, 1989. — С. 448 — 449.

⁴⁹ Фрунзе М.В. Указ.соч. — Т. II. — С. 8.

⁵⁰ Военный вестник. — 1922. — № 5 — 6. — С. 33.

⁵¹ Основная военная задача момента. Дискуссия на тему о единой военной доктрине. Стенографический отчет 2-го дня совещания военных делегатов XI съезда РКП. 1 апреля 1922 г. Российский военный редакционный совет. — М., 1922. — С. 69.

В оглавлении этого важного документа имеется пояснение: «Продаже не подлежит. Продажа будет преследоваться как рахищение народного достояния».

⁵² Тухачевский М.Н. К вопросу о современной стратегии // Война и военное искусство в свете исторического материализма. Сборник статей. — М. — Л., Госиздат, 1927. — С. 120, 121.

⁵³ Там же. — С. 120.

⁵⁴ Основная военная задача момента. — С. 65.

⁵⁵ Там же. — С. 10.

⁵⁶ Доклад т. Троцкого о Красной Армии на XI съезде РКП // Военный вестник. — 1922. — № 7. — С. 49.

⁵⁷ Речь тов. Троцкого на праздновании 4-й годовщины Красной Армии на военно-академических курсах высшего командного состава РККА // Военная наука и революция. — Книга первая. — М., Гослитиздат, 1922. — С. 284.

⁵⁸ См. Петровский Д. Совещание военных делегатов XI съезда РКП. — Военный вестник. — 1922. — № 8. — С. 14.

⁵⁹ См. Большая советская энциклопедия. — Изд. 1-е. — Т. 12. — М., 1928. — С. 163.

⁶⁰ См. Мальцев Н.А. Кадровая или милиционная? (О принципах комплектования Советских Вооруженных Сил) // Военно-исторический журнал. — 1989. — № 11. — С. 30 — 40; Ващенко П.Ф., Рунов В.А. Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. — 1989. — № 12. — С. 33 — 40.

⁶¹ См. Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. — М., Наука, 1973. — С. 166 — 173.

⁶² См. Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. — М., Изд. МГУ, 1990.

⁶³ См. Война и революция. — 1927. — № 10 — 11. — С. 26; Рязанов В.Д. Марксизм и военное дело // Военный вестник. — 1926. — № 3. — С. 14 — 15. См. также Гареев М.А. М.В.Фрунзе — военный теоретик. — М., Воениздат, 1985. — С. 394.

⁶⁴ Свечин А. Стратегия. — С. 45.

⁶⁵ Шапошников Б. Мозг армии. // Военный вестник. — 1927. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 113.

⁶⁶ Василевский А.М. Дело всей жизни. — М., Политиздат, 1973. — С. 126 — 127.

⁶⁷ См. Некрич А.М. 1941. 22 июня. — М., Наука, 1965. — С. 86 — 87.

⁶⁸ Военно-исторический журнал. — 1988. — № 6. — С. 6.

⁶⁹ Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира // Знамя. — 1989. — № 10. — С. 40.

- ⁷⁰ Военно-исторический журнал. — 1990. — № 5. — С. 22.
- ⁷¹ Там же. — С. 23.
- ⁷² См. Беседа с генерал-лейтенантом Н.Г. Павленко // Советская культура. — 1988. — 22 авг.
- ⁷³ Василевский А. Товарищ Сталин — строитель Вооруженных Сил Советского государства // Военная мысль. — 1949. — № 12. — С. 26.
- ⁷⁴ Головкин А.Г. И.В. Сталин — создатель Советского Военно-Морского Флота и организатор его побед // Морской сборник. — 1949. — № 12. — С. 81.
- ⁷⁵ Воронов Н. Сталин и современная артиллерия // Военная мысль. — 1949. — № 12. — С. 105.
- ⁷⁶ См. Курасов В. Выдающийся военный деятель сталинской школы. (К 70-летию со дня рождения К.Е.Ворошилова.) // Военная мысль. — 1951. — № 2. — С. 23 — 38.
- ⁷⁷ Цит. по Михайлов Л. Суд без чести // Красная Звезда. — 1990. — 16 июня.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Ленинский курс XXII съезда КПСС (редакционная статья) // Военная мысль. — 1962. — № 4. — С. 13.
- ⁸⁰ Малиновский Р.Я. Бдительно стоять на страже мира. — М., Воениздат, 1962. — С. 5.
- ⁸¹ Бирюзов С. Новый этап в развитии Вооруженных Сил и задачи обучения и воспитания войск // Коммунист Вооруженных Сил. — 1964. — № 4. — С. 18.
- ⁸² Ротмистров П. Причины современных войн и их особенности // Коммунист Вооруженных Сил. — 1963. — № 2. — С. 29.
- ⁸³ Военная стратегия. — Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Изд. 2-е. — М., Воениздат, 1963. — С. 24.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ См. Козлов С.Н., Смирнов М.В., Базь И.С., Сидоров П.А. О советской военной науке. — М., Воениздат, 1964. — С. 255.
- ⁸⁶ Ломов Н. Советская военная доктрина // Военная мысль. — 1963. — № 1. — С. 16.
- ⁸⁷ Кулиш В. О взаимосвязи политики и военной стратегии // Военная мысль. — 1962. — № 4. — С. 31.
- ⁸⁸ Военная стратегия. — С. 23 — 24.
- ⁸⁹ См. Мильштейн М.А., Слободенко А.К. О буржуазной военной науке. — Изд. 2-е. — М., Воениздат, 1961. — С. 113 — 118.
- ⁹⁰ Повалий М. Политика и военная стратегия // Военная мысль. — 1970. — № 7. — С. 10 — 11.
- ⁹¹ Цит. по Военная стратегия. — С. 24.
- ⁹² Там же. — С. 24 — 25.
- ⁹³ Там же. — С. 25.
- ⁹⁴ Шиляг В., Попов М., Кондратков Т. Политика и ядерная война // Военная мысль. — 1966. — № 12. — С. 11.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Козлов С. Н., Смирнов М.В., Базь И.С., Сидоров П.А. Указ. соч. — С. 255.

- ⁹⁷ Гречко А.А. Вооруженные силы Советского государства. — Изд. 2-е. — М., Воениздат, 1975. — С. 32.
- ⁹⁸ Огарков Н.В. История учения о безопасности. — М., Воениздат, 1985. — С. 58 — 59.
- ⁹⁹ Там же. — С. 59.
- ¹⁰⁰ Гареев М.А. Указ. соч. — С. 394.
- ¹⁰¹ Там же. — С. 419.
- ¹⁰² Огарков Н.В. Указ. соч. — С. 88.
- ¹⁰³ Наиболее глубоко и подробно все основные случаи применения ядерного оружия в качестве средства военно-силового давления представлены в книге сотрудника Института Брукинса Ричарда Беттса. — См. Betts R.K. Nuclear Blackmail and Nuclear Balance. — The Brookings Inst., Wash., D.C., 1987.
- ¹⁰⁴ См. подробнее Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. — М., Политиздат, 1989. — С. 63.
- ¹⁰⁵ Там же. — С. 159.
- ¹⁰⁶ Горбачев М.С. За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений. — М., Политиздат, 1987. — С. 10.
- ¹⁰⁷ Язов Д. Т. Верны Отчизне. — М., Воениздат, 1988. — С. 284.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Каневский Б.К., Шабардин П.Н. К вопросу о соотношении политики, войны и ракетно-ядерной катастрофы. // Международная жизнь. — 1987. — № 10. — С. 121.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 122.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Киришин Ю.Я., Попов В.М., Савушкин Р.А. Политическое содержание современных войн. — М., Наука, 1987. — С. 35.
- ¹¹³ Грачев Н. О ракетно-ядерной войне и ее последствиях. // Международная жизнь. — 1988. — № 1. — С. 103.
- ¹¹⁴ Проэктор Д. О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне // Международная жизнь. — 1988. — № 4. — С. 80.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же. — С. 84.
- ¹¹⁷ Там же.

Глава II

- ¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. — Т. 44. — С. 78.
- ² См. Сироткин В. Пути мировой революции // Известия. — 1988. — 2 сент.
- ³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. — Т. 39. — С. 396.
- ⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. — Т. 40. — С. 245.
- ⁵ Фрунзе М.В. Указ. соч. — Т. II. — С. 14.
- ⁶ Тухачевский М.Н. Война классов. — С. 61.
- ⁷ Там же. — С. 69.
- ⁸ ЦГАСА. — Ф. 104. — Оп. 5. — Д. 65. — Л. 843.
- ⁹ Фрунзе М.В. Указ.соч. — Т. II. — С. 15.
- ¹⁰ Военный вестник. — 1922. — № 5. — С. 33.

- ¹¹ Тухачевский М.Н. Указ.соч. — Т.П. — С. 139.
- ¹² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., Советская энциклопедия, 1983. — С. 467.
- ¹³ Письмо А.А. Брусилова к н-ку Всероглавиштаба. // Военное дело. — 1920. — № 10. — С. 291.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Воззвание. Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились // Военное дело. — 1920. — № 13. — С. 386.
- ¹⁶ Обзор боевых действий Красной Армии в мае месяце 1920 г. // Военное дело. — 1920. — № 13. — С. 410.
- ¹⁷ Какурин Н. Борьба Советской России с панской Польшей // Военный вестник. — 1922. — № 7. — С. 3.
- ¹⁸ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. — М., Воениздат, 1963. — С. 167.
- ¹⁹ Свечин А. Стратегия. — С. 199.
- ²⁰ Там же. — С. 178, 177.
- ²¹ Там же. — С. 179, 41.
- ²² Там же. — С. 36.
- ²³ Там же. — С. 35.
- ²⁴ Тухачевский М. О стратегических взглядах проф. Свечина // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина. 25 апреля 1931 г. — М., Госвоениздат, 1931. — С. 14.
- ²⁵ См. Красная Звезда. — 1929. — 15 июня.
- ²⁶ К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. — 1968. — № 8. — С. 105; ЦАМО. — Ф. 15-А. — Оп. 440, 52. — Л. 399 — 413.
- ²⁷ ЦАМО. — Ф. 15-А. — Оп. 165. — Д. 3. — Л. 4 — 7.
- ²⁸ К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. — 1968. — № 8. — С. 106.
- ²⁹ См. Гордон Л., Клоков Э. Тридцатые — сороковые // Знамя — сила. — 1988. — № 4. — С. 24 — 25.
- ³⁰ Фрунзе М.В. Указ.соч. — Т. П. — С. 19.
- ³¹ Обучение войск // Военный вестник. — 1922. — № 5 — 6. — С. 33.
- ³² Современная организация конницы за рубежом и задачи конницы в современной войне // Военный вестник. — 1922. — № 7. — С. 22.
- ³³ См. Шапошников Б.М. Воспоминания // Военно-научные труды. — М., Воениздат, 1982. — С. 195 — 370.
- ³⁴ Его же. Два опыта // Военный вестник. — 1922. — № 7. — С. 14.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. — С. 15.
- ³⁷ Буденный С. М. Конница в современной войне // Записки. Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. — Т. 2. — М., Изд. Комакадемии, 1931. — С. 17.

³⁸ XVII съезд Коммунистической партии (6) 26 янв. — 10 февр. 1934 г.: Стенографический отчет. — М., Партиздат, 1934. — С. 513.

³⁹ Ворошилов К.Е. XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота // Военная мысль. — 1938. — № 3. — С. 13.

⁴⁰ См. Речь К.Е. Ворошилова на XVIII съезде партии// Стенографический отчет. — М., ОГИЗ, 1939. — С. 192.

⁴¹ Лудри И. Красный Флот в составе Вооруженных Сил Республики // Морской сборник. — 1927. — № 10. — С. 23.

⁴² Там же. — С. 26.

⁴³ Там же. — С. 25.

⁴⁴ Там же. — С. 27.

⁴⁵ Душенов К.И. К истории вопроса о «малой войне» на море. (В порядке дискуссии) // Морской сборник. — 1928. — № 4. — С. 31.

⁴⁶ Якимычев А.М. Война «малым (слабым) флотом» и «малая война» в эпоху парового флота. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917 — 1940 гг.). — М., Воениздат, 1965. — С. 701.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. — С. 703.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. Александров А.П., Исаков И.С., Белли В.А. Операции подводных лодок. — Т. 1. — Л., Изд. Военно-морской академии, 1933. — С. 401 — 402.

⁵¹ См. Кузнецов Н.Г. Накануне. — М., Воениздат, 1966. — С. 52.

⁵² Ворошилов К.Е. Оборона СССР. Избранные статьи, речи и письма. — М., Воениздат, 1937. — С. 17 — 20, 18.

⁵³ Там же. — С. 20 — 21.

⁵⁴ Там же. — С. 25.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ЦГАСА. — Ф. 33987. — Оп. 3. — Д. 347. — Л. 13, 14.

⁵⁷ Там же. — Л. 14.

⁵⁸ Там же. — Л. 16, 18.

⁵⁹ Там же. — Л. 21.

⁶⁰ Шапошников Б. Ответ на записку А.Свечина «Будущая война и наши военные задачи» // ЦГАСА. — Ф. 33987. — Оп. 3. — Д. 347. — Л. 32.

⁶¹ Там же. — Л. 34.

⁶² Там же. — Л. 34 — 35.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. — Л. 36.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. — Л. 37.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См. Коротков И.А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. — М., Наука, 1980. — С. 129.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Венцов С. И. Итоги и перспективы мобилизационной работы // Мобилизационный сборник. — 1926. — № 2. — С. 17.

- ⁷¹ Соколов Г. Современная завеса и вопросы стратегического прикрытия // Война и революция. — Кн. 4. — М., Госиздат, 1928. — С. 17.
- ⁷² Свечин А. Стратегия. — С. 296.
- ⁷³ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917 — 1940 гг.). — М., Воениздат, 1965. — С. 208 — 209.
- ⁷⁴ Там же. — С. 213.
- ⁷⁵ См. Начальный период войны. (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны.) / Под общей редакцией С. П. Иванова. — М., Воениздат, 1974. — С. 75.
- ⁷⁶ Там же. — С. 79.
- ⁷⁷ См. Эйдеман Р.П. К вопросу о характере начального периода войны // Война и революция. — 1931. — № 8. — С. 12.
- ⁷⁸ См. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917 — 1940 гг.). — С. 636.
- ⁷⁹ См. Егоров А.И. Тактика и оперативное искусство на новом этапе // Военно-исторический журнал. — 1963. — № 10. — С. 35.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. — Т. II. — М., Воениздат, 1964. — С. 217.
- ⁸² Там же. — С. 217 — 219.
- ⁸³ Там же. — С. 217.
- ⁸⁴ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн). — М., Воениздат, 1940. — С. 9, 29.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ XVII съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М., Партиздат, 1934. — С. 11.
- ⁸⁷ Там же. — С. 12.
- ⁸⁸ Еще более определенно в отношении Японии как наиболее вероятного противника СССР высказался на этом съезде народный комиссар обороны К.Е.Ворошилов, подчеркнув при этом хорошие отношения СССР с Турцией, Персией и Афганистаном. См. XVII съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). — С. 234 — 235.
- ⁸⁹ Там же. — С. 12.
- ⁹⁰ Там же. — С. 630.
- ⁹¹ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. — Т. II. — М., Воениздат, 1964. — С. 235.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же. — С. 239.
- ⁹⁴ См. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. — М., Воениздат, 1989. — С. 127.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ См. Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). — М., Политиздат, 1949. — С. 23, 28 — 29.
- ⁹⁷ Там же. — С. 29.
- ⁹⁸ Там же. — С. 40, 42 — 43.
- ⁹⁹ См. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. — 1990. — №5. — С. 38.

- ¹⁰⁰ ЦГАСА. — Ф. 33987. — Оп. 3. — Д. 1380. — Л. 3; Ф. 25888. — Оп. 13. — Д. 76. — Л. 1.
- ¹⁰¹ ЦГАСА. — Ф. 25888. — Оп. 14. — Д. 2. — Л. 20.
- ¹⁰² Известия. — 1989. — 1 июля.
- ¹⁰³ Цит. по Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 5. — С. 192, 191.
- ¹⁰⁴ Цит. по Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 198.
- ¹⁰⁵ Там же. — С. 199.
- ¹⁰⁶ См. История военного искусства. Сборник материалов. — Вып. IV. — Т. II. — М., Воениздат, 1952. — С. 276 — 277, 278.
- ¹⁰⁷ См. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М., АПН, 1969. — С. 205.
- ¹⁰⁸ См. Радзиевский А.И. Танковый удар. — М., Воениздат, 1977. — С. 8.
- ¹⁰⁹ См. Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. — 1988. — № 1. — С. 139 — 141.
- ¹¹⁰ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн). — М., Воениздат, 1940. — С. 9.
- ¹¹¹ Там же. — С. 72.
- ¹¹² Там же. — С. 73.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Эти альтернативы выявлены и проанализированы в фундаментальном труде Д. М. Проэктора «Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939 — 1945» (М., Наука, 1972).
- ¹¹⁵ См. Иссерсон Г. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). — М., Госвоениздат, 1926. — С. 55 — 59.
- ¹¹⁶ См. Захаров М.В. Указ. соч. — С. 194.
- ¹¹⁷ Весьма примечателен в этом отношении сборник «Бои на Карельском перешейке» (М., Госполитиздат, 1941), особенно статья генерал-майора инженерных войск А.Хренова «Линия Маннергейма».
- ¹¹⁸ См. Захаров М.В. Указ. соч. — С. 195.
- ¹¹⁹ Там же. — С. 204.
- ¹²⁰ Там же. — С. 213.
- ¹²¹ Там же. — С. 214, 216.
- ¹²² Там же. — С. 216.
- ¹²³ См. Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. — М., Политиздат, 1968. — С. 191 — 196; Василевский А.М. Дело всей жизни. — М., Политиздат, 1974. — С. 117.
- ¹²⁴ См. Захаров М.В. Указ. соч. — С. 217.
- ¹²⁵ Там же. — С. 218.
- ¹²⁶ Там же. — С. 219.
- ¹²⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. — С. 220.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ См. Захаров М.В. Указ. соч. — С. 221.
- ¹³⁰ См. Филиппи А. Припятская проблема. — Пер. с немецкого. — М., Воениздат, 1959. — С. 40 — 41.
- ¹³¹ Жуков Г.К. Указ. соч. — С. 243.
- ¹³² Архив Министерства обороны СССР. — Ф. 48-А. — Оп. 1554. — Л. 257 — 259.

- ¹³³ Жуков Г.К. Указ.соч. — С. 224.
- ¹³⁴ См. Новобранец Г. Накануне войны // Знамя. — 1990. — № 6. — С. 176.
- ¹³⁵ См. Мильштейн М. По данным разведки... Еще раз о 22 июня 1941 года // Новое время. — 1990. — № 26. — С. 31 — 33.
- ¹³⁶ Жуков Г.К. Указ.соч. — С. 224.
- ¹³⁷ Незнамов А. Оборонительная война. (Теория вопроса.). — Часть I. Стратегия. — СПб., Издано при содействии Николаевской академии Генерального штаба, 1909. — С. 9.
- ¹³⁸ Военная мысль. — 1951. — № 2. — С. 20.
- ¹³⁹ См. История военного искусства. Рук.авт.колл. Панов Б.В. — М., Воениздат, 1984. — С. 447; Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). Под научным руководством профессора, генерала армии М.М.Козлова. — М., Изд. Военной академии Генерального штаба, 1985. — С. 468.
- ¹⁴⁰ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — Изд. 5-е. — М., Воениздат, 1948. — С. 43 — 44.
- ¹⁴¹ См. Ворошилов К.Е. Гениальный полководец Великой Отечественной войны // Большевик. — 1949. — № 24. — С. 39 — 45.
- ¹⁴² Таленский Н. К вопросу о характере законов военной науки // Военная мысль. — 1953. — № 9. — С. 31.
- ¹⁴³ См. Исаев Ф. Военный гений Сталина // Новое время. — 1949. — № 52. — С. 26; Таранчук М.В. Постоянно действующие факторы, решающие судьбу войны. — Изд. 2-е. — М., Воениздат, 1954. — С. 32.
- ¹⁴⁴ Ответ товарища И.В.Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия // Военная мысль. — 1951. — № 10. — С. 4.
- ¹⁴⁵ Трагедия Хиросимы и Нагасаки. Документы // Международная жизнь. — 1990. — № 7. — С. 144.
- ¹⁴⁶ См. Цымбурский В. Некоторые вопросы эволюции понятия «военной опасности» в советской военной доктрине. — М., ИСКАН, 1989. — С. 14 — 15.
- ¹⁴⁷ См. Кирьян М.М., Бабин А.И., Кравченко И.М. и др. История военного искусства. Под ред. П.А.Жилина. — М., Воениздат, 1986. — С. 394.
- ¹⁴⁸ См. Betts R.K. Op. cit. — P.36.
- ¹⁴⁹ См. Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. — С. 466.
- ¹⁵⁰ Правда. — 1954. — 13 марта.
- ¹⁵¹ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. — Т. 8. — М., Политиздат, 1956. — С. 432.
- ¹⁵² Малиновский Р.Я. Бдительно стоять на страже мира. — М., Воениздат, 1962. — С. 12.
- ¹⁵³ Там же. — С. 13.
- ¹⁵⁴ Там же. — С. 19.
- ¹⁵⁵ См. Правда. — 1960. — 15 янв.
- ¹⁵⁶ Цит. по Аджубей А., Грибачев Н., Жуков Г. и др. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США 15 — 27 сентября 1959 года. — М., Госполитиздат, 1960. — С. 307 — 308.

- ¹⁵⁷ Правда. — 1961. — 25 окт.
- ¹⁵⁸ Штеменко С. Научно-технический прогресс и его влияние на развитие военного дела // Коммунист Вооруженных Сил. — 1963. — № 3. — С. 25.
- ¹⁵⁹ Павловский И. Сухопутные войска Советских Вооруженных Сил // Военная мысль. — 1967. — № 11. — С. 36, 37.
- ¹⁶⁰ См. Доценко В. Советское военно-морское искусство в послевоенный период // Морской сборник. — 1989. — № 7. — С. 22.
- ¹⁶¹ Там же. — С. 23.
- ¹⁶² Речь тов. Р.Я.Малиновского // Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 янв. — 5 февр. 1959 г.: Стенографический отчет. — Т. II. — М., Политиздат, 1959. — С. 126.
- ¹⁶³ Малиновский Р.Я. Указ. соч. — С. 22.
- ¹⁶⁴ Там же. — С. 23.
- ¹⁶⁵ Бирюзов С. Новый этап в развитии Вооруженных Сил и задачи обучения и воспитания войск // Коммунист Вооруженных Сил. — 1964. — № 4. — С. 18.
- ¹⁶⁶ Ломов Н. Советская военная доктрина // Военная мысль. — 1963. — № 1. — С. 23.
- ¹⁶⁷ Там же. — С. 25.
- ¹⁶⁸ Военная стратегия /Под ред. Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. Издание третье, дополненное, переработанное. — М., Воениздат, 1968. — С. 225.
- ¹⁶⁹ Ротмистров П. О роли внезапности в современной войне // Военная мысль. — 1955. — № 2. — С. 20.
- ¹⁷⁰ Крылов Н. Ракетно-ядерный щит Советского государства // Военная мысль. — 1967. — № 11. — С. 20.
- ¹⁷¹ Якубовский И. 50 лет Вооруженных Сил СССР // Военная мысль. — 1968. — С. 29.
- ¹⁷² Повалий М. Развитие советской военной стратегии // Военная мысль. — 1967. — № 2. — С. 74.
- ¹⁷³ Коммунист. — 1961. — № 1. — С. 20.
- ¹⁷⁴ Ротмистров П. Причины современных войн и их особенности // Коммунист Вооруженных Сил. — 1963. — № 2. — С. 27.
- ¹⁷⁵ Соколовский В., Чередниченко М. Военная стратегия и ее проблемы // Военная мысль. — 1968. — № 10. — С. 36. (Эта статья вышла в свет уже после кончины В.Д. Соколовского.)
- ¹⁷⁶ Иванов С. Советская военная доктрина и стратегия // Военная мысль. — 1969. — № 5. — С. 48.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Куликов В. Новый учебный год в Армии и на Флоте // Военная мысль. — 1973. — № 1. — С. 4 — 5.
- ¹⁷⁹ См., например, Волюшин Л. И. Теория глубокой операции и тенденции ее развития // Военная мысль. — 1978. — № 8. — С. 25.
- ¹⁸⁰ Куликов В. Указ.соч. — С. 5.
- ¹⁸¹ См. Земсков В. Характерные стратегические черты мировых войн // Военная мысль. — 1974. — № 7, 8.
- ¹⁸² См. Военная мысль. — 1974. — № 7. — С. 32.
- ¹⁸³ Гречко А.А. Вооруженные Силы Советского государства. — М., Воениздат, 1974. — С. 176 — 177.

- ¹⁸⁴ См. Земсков В. Характерные стратегические черты мировых войн // Военная мысль. — 1974. — № 7. — С. 33.
- ¹⁸⁵ См. Лосик О. Время и танки // Военная мысль. — 1973. — № 1. — С. 88 — 89.
- ¹⁸⁶ См. Локальные войны. История и современность. Историко-теоретическое исследование / Авт. колл. под руководством генерала армии И.Т.Шаврова. — М., Изд. Академии Генерального штаба, 1975. — С. 292.
- ¹⁸⁷ См., например, Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. — М., Наука, 1988. — С. 26 — 29, 48.
- ¹⁸⁸ См. Кокошин А.А. США в системе международных отношений 1980-х годов. — М., Международные отношения, 1984. — С. 69.
- ¹⁸⁹ Цит. по На маневрах «Океан» / Под ред. адмирала М.Н.Захарова. — Владивосток, Изд. политуправления Краснознаменного Тихоокеанского флота, 1970. — С. 9.
- ¹⁹⁰ См. Зверев Б.И. В.И. Ленин и флот (1918 — 1920). — М., Воениздат, 1978. — С. 291.
- ¹⁹¹ На маневрах «Океан». — С. 27 — 28.
- ¹⁹² См. Горшков С. Г. Морская мощь государства. — М., Воениздат, 1976. — С. 411.
- ¹⁹³ Чернавин В.Н. Его жизнь — верность долгу и флоту // Морской сборник. — 1990. — № 3. — С. 89.
- ¹⁹⁴ Горшков С. К вопросу о стратегии вооруженной борьбы на океанских театрах // Военная мысль. — 1974. — № 7. — С. 47.
- ¹⁹⁵ Горшков С. Г. Морская мощь государства. — С. 409.
- ¹⁹⁶ Там же. — С. 410.
- ¹⁹⁷ Огарков Н.В. Указ.соч. — С. 17.
- ¹⁹⁸ Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР. Зарождение. Развитие. Современность. — М., Воениздат, 1985. — С. 217.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны. — М., Политиздат, 1982. — С. 7.
- ²⁰¹ См., например, Огарков Н.В. Подвиг, равного которому не знала история // Зарубежное военное обозрение. — 1989. — № 4. — С. 7.
- ²⁰² Язов Д. Т. О военном балансе сил и ракетно-ядерном паритете // Правда. — 1988. — 8 февр.
- ²⁰³ Бабанов А.А. Вооруженные Силы СССР после войны. — М., Воениздат, 1987. — С. 257.
- ²⁰⁴ Цит. по Вестник Академии наук СССР. — 1983. — № 9. — С. 48.
- ²⁰⁵ Огарков Н. Защита социализма: опыт истории и современность // Красная Звезда. — 1984. — 9 мая.
- ²⁰⁶ См. Военный энциклопедический словарь. — М., Воениздат, 1983. — С. 842.
- ²⁰⁷ См. Журкин В.В. Нет — концепциям ядерной войны / Новый мировой порядок и политическая общность. — М., Наука, 1983. — С. 12.
- ²⁰⁸ См. Велихов Е.П. Наука и актуальные проблемы борьбы

против угрозы ядерной войны // Вестник Академии наук СССР. — 1983. — № 9. — С. 24 — 25.

²⁰⁹ Огарков Н.В. История учит бдительности. — С. 51.

²¹⁰ Цит. по Октябрь. — 1985. — № 12. — С.157 — 158.

²¹¹ Разработки советских врачей, во многом опиравшиеся на выводы, ранее сделанные их американскими коллегами, были опубликованы в книге Чазов Е.И., Ильин Л. А., Гуськова А.К. Ядерная война: медико-биологические последствия. — М., Изд. АПН, 1984. — С. 239.

²¹² Результаты этих исследований в наиболее развернутом виде были представлены в книге под ред. Велихова Е.П. Климатические и биологические последствия ядерной войны. — М., Мир, 1986.

²¹³ Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР. (Анализ развития вооружения, организации и способов действия.) / Под ред. генерал-лейтенанта Кирьяна М.М. — М., Воениздат, 1982. — С. 312.

²¹⁴ Там же. — С. 313.

²¹⁵ Гареев М.А. Указ. соч. — С. 237.

²¹⁶ Евсеев А.И. О некоторых тенденциях в изменении содержания и характера начального периода войны // Военно-исторический журнал. — 1985. — № 11. — С. 18.

²¹⁷ Ахромеев С. Превосходство советской военной науки и советского военного искусства — один из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне // Коммунист. — 1985. — № 3. — С. 62.

²¹⁸ Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. — С. 478.

²¹⁹ См. Салманов Г.И. Советское военное искусство за 70 лет // Военная мысль. — 1988. — № 2. — С. 36.

²²⁰ См. Вьюненко М.П., Макеев Б.Н., Скугарев В.Д. Военно-Морской Флот: роль, перспективы развития, использование. — М., Воениздат, 1988. — С. 33.

²²¹ См. Пирумов В.С., Червинский Р.А. Радиоэлектронная борьба на море. — М., Воениздат, 1987. — С. 5 — 13.

²²² См. Огарков Н.В. История учит бдительности. — С. 54.

²²³ Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР. — С. 228.

²²⁴ Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР. — С. 301, 302.

²²⁵ См. Шабанов В. «Обычная» война: новые опасности // Новое время. — 1986. — 14 янв. — С. 8.

²²⁶ Соколов С. Л. Победа, обращенная в настоящее и будущее // Правда. — 1986. — 9 мая.

²²⁷ Язов Д. Т. Военная доктрина Варшавского Договора — доктрина защиты мира и социализма // Правда. — 1987. — 27 июля.

²²⁸ См. выступление министра обороны США на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам. US Strategic Doctrine. Hearings, 97th Cong., 2nd Sess., US Senate. 1982. — Dec. 19. — P.12.

²²⁹ National Security Strategy of the United States. The White House. Jan.1987. — Wash., 1987. — P.4.

²³⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. — М., Политиздат, 1986. — С. 65.

²³¹ Огарков Н.В. Подвиг, равного которому не знала история. — С. 7.

²³² Язов Д. На началах реализма и баланса интересов // Правда. — 1989. — 9 февр.

²³³ Моисеев М. Советская военная доктрина: реализация ее оборонительной направленности // Правда. — 1989. — 13 марта.

²³⁴ Его же. Истоки напряженности // Правда. — 1989. — 4 мая.

²³⁵ Ахромеев С. Ф. Военно-морские силы и всеобщая безопасность // Правда. — 1988. — 5 сент.

²³⁶ Чернавин В. Готовь себя к современному бою // Морской сборник. — 1989. — № 1. — С. 3.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. — С. 8.

²³⁹ Иванов И.Д. Американские корпорации и милитаризм // США: экономика, политика, идеология. — 1986. — № 2. — С. 22 — 23.

²⁴⁰ См. Арбатов Г. Милитаризм и современное общество // Коммунист. — 1987. — № 2. — С. 113 — 114.

²⁴¹ Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. — М., Молодая гвардия, 1984. — С. 129.

²⁴² Журкин В., Караганов С., Кортунов А. Вызовы безопасности — старые и новые // Коммунист. — 1988. — № 1. — С. 44.

²⁴³ Благоволин С. Геополитические аспекты оборонительной достаточности // Коммунист. — 1990. — № 4. — С. 115.

²⁴⁴ В наиболее обобщенном виде идеи автора были позднее представлены в брошюре Арбатов А.Г. Оборонительная достаточность и безопасность. — М., Знание, 1990.

²⁴⁵ См. Арбатов А.Г. К вопросу о достаточности противовоздушной обороны // Военная мысль. — 1989. — № 12. — С. 41 — 45.

Глава III

¹ Фрунзе М.В. Указ. соч. — Т. II. — С. 17.

² Там же.

³ Основная военная задача момента. Дискуссия на тему о единой военной доктрине. Стенографический отчет 2-го дня совещания военных делегатов XI съезда РКП 1-го апреля 1922 г. — М., 1922. — С. 53 — 54.

⁴ Зайончковский А.М. Лекции по стратегии, читанные на Военно-академических курсах высшего состава и в Военной академии РККА в 1922 — 1923 гг. (Неопубликованный машинописный текст). — М., 1923. — С. 47.

⁵ Там же. — С. 39.

⁶ Свечин А. Эволюция военного искусства. — Т. 2. — М., 1927. — С. 227.

⁷ Верховский А.И. Основы нашей тактики. Огонь, маневр, маскировка. — М., Военный вестник, 1928. — С. 129.

⁸ Тухачевский М.Н. О характере современных войн в свете решений VI Конгресса Коминтерна / Записки Коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны. — М., Изд. Комкадемии, 1930. — С. 24.

⁹ См. Суслов П. О характере будущей войны по Свечину // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина. — М., Госвоениздат, 1931. — С. 67.

¹⁰ См. Михневич Н.П. Стратегия. — Кн. I. — СПб, Комиссионер военно-учебных заведений, 1911. — С. 147.

¹¹ Там же. — С. 146 — 147.

¹² Незнамов А. Оборонительная война. (Теория вопроса.) — Часть I. Стратегия. — С. 10.

¹³ Там же. — С. 10, 12.

¹⁴ Там же. — С. 17.

¹⁵ Свечин А.А. Эволюция стратегических теорий // Война и военное искусство в свете исторического материализма. Сборник статей. — М. — Л., 1927. — С. 73.

¹⁶ См. Клаузевиц К. О войне. — Пер. с немецкого. — Т. II. — М., Госвоениздат, 1937.

¹⁷ См. Свечин А. Клаузевиц (серия «Жизнь замечательных людей»). — М., Журнально-газетное объединение, 1935. — С. 258 — 259.

¹⁸ Свечин А.А. Эволюция стратегических теорий. — С. 74.

¹⁹ Там же.

²⁰ Свечин А. Стратегия. — С. 247.

²¹ Там же. — С. 210.

²² См. Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX века. — М., Наука, 1974. — С. 98 — 105.

²³ Свечин А. Опасные иллюзии // Военная мысль и революция. — 1924. — Март. — С. 49.

²⁴ Там же. — С. 51, 52.

²⁵ Там же. — С. 50.

²⁶ См. Зубок В.М., Кокошин А.А. Упущенные возможности 1932 года? // Международная жизнь. — 1989. — № 1. — С. 128.

²⁷ Там же. — С. 132.

²⁸ АВП СССР. — Ф. 423. — Оп. 1. — П. 18. — Д. 81. — Л. 39.

²⁹ Примечательна в этом отношении беседа советского военного эксперта С.Венцова с британским экспертом вице-адмиралом Паундом 28 апреля 1932 г. АВП СССР. — Ф. 415. — Оп. 9. — П. 7. — Д. 11. — Л. 90, 92.

³⁰ АВП СССР. — Ф. 423. — Оп. 1. — П. 3. — Д. 10. — Л. 62, 65, 66, 76, 79.

³¹ См. Семенов В.А. Краткий очерк развития советского оперативного искусства. — М., Воениздат, 1960. — С. 114 — 122; Коротков И.А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. — М., Наука, 1980. — С. 147 — 161.

³² См. Иссерсон Г.С. Конспект лекций по теории глубокой тактики, читанных на оперативном факультете Академии им. М.В. Фрунзе в 1932 г. — М., Изд. Академии им. М.В. Фрунзе, 1933.

³³ См. Захаров М.В. Указ.соч. — С. 88.

³⁴ Там же.

- ³⁵ Там же. — С. 89.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Полевой устав РККА (проект). — М., Воениздат, 1939. — С. 9.
- ³⁸ См. Военно-исторический журнал. — 1968. — № 8. — С. 110.
- ³⁹ См. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — С. 205.
- ⁴⁰ См. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. /Отв.ред. О.А.Лосик. — М., Воениздат, 1979. — С. 910.
- ⁴¹ См. Цена Победы // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 3. — С. 15.
- ⁴² Наибольшую известность получила статья Шлыкова В.В. «И танки наши быстры» (Международная жизнь. — 1988. — № 9. — С. 117 — 129).
- ⁴³ См. Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. — М., Воениздат, 1973. — С. 14.
- ⁴⁴ Кузнецов Н.Г. Накануне. — М., Воениздат, 1966. — С. 257.
- ⁴⁵ Там же. — С. 260.
- ⁴⁶ ЦГА ВМФ. — Ф. Р. — 1877. — Оп. 9с. — Д. 56. — Л. 125 — 127.
- ⁴⁷ См. Краснов В. Линкоры типа «Советский Союз» // Морской сборник. — 1990. — № 5. — С. 60 — 61.
- ⁴⁸ См. Краснов В. Крейсера типа «Кронштадт» // Морской сборник. — 1990. — № 8. — С. 54 — 55.
- ⁴⁹ ЦГА ВМФ. — Ф. Р. — 1877. — Оп. 9с. — Д. 56. — Л. 163 — 175.
- ⁵⁰ См. Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Указ.соч. — С. 21.
- ⁵¹ Там же. — С. 19 — 20.
- ⁵² См. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М., Наука, 1967. — С. 149 — 154.
- ⁵³ Архив Министерства обороны СССР. — Ф. 48-А. — Оп. 1554. — Д. 90. — Л. 260 — 262.
- ⁵⁴ См. Жуков Г.К. Указ. соч. — С. 281.
- ⁵⁵ См. Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939 — 1945. — С. 127.
- ⁵⁶ Шлиффен. Канны (с приложением избранных статей и речей). — Пер. с немецкого. — Изд. 2-е. — М., Госвоениздат, 1938. — С. 350.
- ⁵⁷ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — Изд. 5-е. — М., Воениздат, 1948. — С. 196 — 197.
- ⁵⁸ Симонов К.М. Указ. соч. — С. 292.
- ⁵⁹ См. Гареев М.А. Указ. соч. — С. 429.
- ⁶⁰ Цит. по Черкасов П. Мифология или история? // Новый мир. — 1989. — № 9. — С. 258.
- ⁶¹ Еременко А. Некоторые вопросы контрнаступления по опыту Великой Отечественной войны // Военная мысль. — 1951. — № 2. — С. 39.

- ⁶² См. Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период — С. 468.
- ⁶³ См. История военного искусства / Рук.авт.колл. Б.В. Панов. — М., Воениздат, 1984. — С. 447.
- ⁶⁴ См. Гриф секретности снят. Откуда угроза // Военно-исторический журнал. — 1989. — №2. — С. 27 — 31.
- ⁶⁵ Там же. — С. 24 — 25.
- ⁶⁶ См. Горшков С. Г. Морская мощь государства. — М., Воениздат, 1976. — С. 290.
- ⁶⁷ Военная стратегия. — Изд. 2-е. — М., Воениздат, 1963. — С. 169.
- ⁶⁸ Там же. — С. 173.
- ⁶⁹ Там же. — С. 370.
- ⁷⁰ Там же. — С. 371.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. — С. 372.
- ⁷³ Завьялов И. Соревнование между наступательными и оборонительными средствами и его влияние на способы ведения военных действий // Военная мысль. — 1970. — № 7. — С. 22.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. — С. 23.
- ⁷⁶ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. — Т. II. — М., Политиздат, 1961. — С. 117.
- ⁷⁷ Цит. по Кисунько Г. Деньги на оборону. Четыре монолога о секретах «закрытой» науки // Советская Россия. — 1990. — 5 авг.
- ⁷⁸ Забелок Б., Ашкерев В. Противоракетная оборона — актуальная проблема военного искусства // Военная мысль. — 1961. — № 10. — С. 40.
- ⁷⁹ Известия. — 1967. — 10 февр.
- ⁸⁰ Завьялов И. Указ.соч. — С. 29.
- ⁸¹ Батицкий П. Войска противовоздушной обороны страны // Военная мысль. — 1970. — № 7. — С. 36.
- ⁸² Павловский И. Сухопутные войска // Военная мысль. — 1973. — № 4. — С.30.
- ⁸³ См. Вареников В.И. Некоторые проблемы развития успеха в наступательных операциях // Военная мысль. — 1979. — № 8. — С. 35.
- ⁸⁴ См., например, Лушев П.Г. К вопросу о достижении оперативной внезапности // Военная мысль. — 1980. — № 2. — С. 30.
- ⁸⁵ См. Юрпольский И.И. Эволюция взглядов на ведение наступательных операций сухопутных войск // Военная мысль. — 1976. — № 6. — С. 20 — 25.
- ⁸⁶ Джорджадзе И.И. Эволюция взглядов на ведение наступательных операций сухопутных войск // Военная мысль. — 1976. — № 10. — С. 48.
- ⁸⁷ Демидков Г.И. Эволюция взглядов на ведение наступательных операций сухопутных войск // Военная мысль. — 1976. — № 11. — С. 53.
- ⁸⁸ Там же. — С. 54.
- ⁸⁹ Смирнов М.В. Эволюция взглядов на ведение наступательных операций сухопутных войск // Военная мысль. — 1976. — № 11. — С. 55.

- ⁹⁰ Там же. — С. 56.
- ⁹¹ Устинов Д.Ф. Отвести угрозу ядерной войны. — М., Политиздат, 1982. — С. 11.
- ⁹² Там же. — С. 7.
- ⁹³ Огарков Н.В. История учит бдительности. — С. 77.
- ⁹⁴ См. Откуда исходит угроза миру. — М., Изд. АПН, 1984. — С. 13.
- ⁹⁵ См., например, Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР / Отв.ред. М.М.Кириян. — М., Воениздат, 1982. — С. 14.
- ⁹⁶ Цит. по Новое время. — 1983. — № 16. — С. 10.
- ⁹⁷ См. Велихов Е.П. Наука работает на безъядерный мир // Международная жизнь. — 1988. — № 10. — С. 50 — 51.
- ⁹⁸ См. Космическое оружие: дилемма безопасности / Под ред. Велихова Е.П., Сагдеева Р.З., Кокошина А.А. — М., Мир, 1986. — С. 182.
- ⁹⁹ См. Шабанов В. Что стоит за «технологическим рывком» в космос? // Известия. — 1985. — 27 июля.
- ¹⁰⁰ См. Вьюненко Н.П., Макеев Б.Н., Скугарев В.Д. Указ.соч. — С. 237.
- ¹⁰¹ См. Гареев М.А. Указ. соч. — С. 230.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. — С. 244.
- ¹⁰⁴ См. Марышев А.П. Некоторые вопросы стратегической обороны в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. — 1986. — № 6. — С. 9 — 16; Бателов А.Н. Пути повышения устойчивости оперативной обороны // Военно-исторический журнал. — 1987. — № 5. — С. 16 — 24; Гуров А.А. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальный период войны // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 8. — С. 47 — 54; Хорьков А.Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. — 1987. — № 12. — С. 32 — 41.
- ¹⁰⁵ См. Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. — 1989. — № 5. — С. 61.
- ¹⁰⁶ См. Сандалов Л.М. Стояли насмерть // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 10, 11, 12; 1989. — № 2, 6.
- ¹⁰⁷ См. Сандалов Л.М. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 10. — С. 6 — 7.
- ¹⁰⁸ Марышев А.П. Указ. соч. — С. 16.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Кокошин А., Ларионов В. Курская битва в свете современной оборонительной доктрины // Мировая экономика и международные отношения. — 1987. — № 6; Постников С. И. Развитие советского военного искусства в Курской битве // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 7. — С. 18.
- ¹¹¹ Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Берлин, 28 — 29 мая 1987 г. — М., Политиздат, 1987. — С. 7.
- ¹¹² Там же. — С. 10.

- ¹¹³ См. Родионов И.Н. Ленин и современная военная мысль // Военная мысль. — 1990. — № 4. — С. 16.
- ¹¹⁴ См. Вестник МИД СССР. — 1987. — № 1. — С. 52.
- ¹¹⁵ Там же. — С. 56, 57.
- ¹¹⁶ Язов Д.Т. На страже мира и социализма. — М., Воениздат, 1987. — С. 33.
- ¹¹⁷ Салманов Г.И. Советское военное искусство за 70 лет // Военная мысль. — 1988. — № 2. — С. 32.
- ¹¹⁸ Коробушин В.В. О повышении эффективности военно-научных исследований // Военная мысль. — 1988. — № 5. — С. 42.
- ¹¹⁹ Там же. — С. 40 — 41.
- ¹²⁰ См. Евлахов В.М. Некоторые вопросы теории и практики контрнаступления // Военная мысль. — 1989. — № 10. — С. 12.
- ¹²¹ Куликов В.Г. О военно-стратегическом паритете и достаточности для обороны // Военная мысль. — 1988. — № 5. — С. 10.
- ¹²² Куликов А.С., Нефедов А.Д. Позиционные и маневренные действия: роль и место в оборонительной операции // Военная мысль. — 1990. — № 3. — С. 24.
- ¹²³ Андреев В.Ф. Военно-стратегический паритет как фактор сдерживания // Военная мысль. — 1989. — № 2. — С. 47.
- ¹²⁴ Доценко В. Советское военно-морское искусство в послевоенный период // Морской сборник. — 1989. — № 7. — С. 28.
- ¹²⁵ Военный энциклопедический словарь. — С. 711.
- ¹²⁶ Моисеев М. Советская военная доктрина — реализация ее оборонительной направленности // Правда. — 1989. — 13 марта.

Вместо заключения

¹ См. Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. — Т. VI. Специальные курсы. — М., Мысль, 1989. — С. 444 — 445.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

<i>Авксентьевский К.А.</i> — 22	Бернал Дж. — 153
Адариди К. — 35	Бернгарди — 62
Алафузов В.А. — 56,57	Беттс Р. — 263
Александр I — 186	Бирюзов С.С. — 59,145,153
Александр III — 250	Бисмарк О. — 28,32
Александров А.П. — 93	Благоволин С.Е. — 173
Александров В.В. — 163	Блюхер В.К. — 23,49,107
Альтфатер В.М. — 20	Богданов В.С. — 193
Аммосов С.Н. — 192	Борисов В.Е. — 34
Андреев В.Ф. — 235,236	Браун Г. — 221
Андропов Ю.В. — 163	Браухич В. фон — 40
Арбатов А.Г. — 173	Брежнев Л.И. — 66,59,163,223
Арбатов Г.А. — 172,272	Брусилов А.А. — 21,22,80,81
Аркадьев М.И. — 193	Брюнинг Г. — 188
Арцимович Л.А. — 223	Буденный С.М. — 23,24,53,88, 89
Ахромеев С.Ф. — 160,164,171	Будкер Г.И. — 223
	Бункин Б.В. — 14
<i>Бабаджанян А.Х.</i> — 165	
Баграмян И.Х. — 52	<i>Варенников В.И.</i> — 217
Багратион П.И. — 186	Варрон Т. — 185,203
Барклай де Толли М.Б. — 186	Варфаломеев Н.Е. — 192
Батенин Г.В. — 15	Василевский А.М. — 39,48,52, 55,122,125,127,204
Батицкий П.Ф. — 216	Ватутин Н.Ф. — 127,128
Бек Ю. — 110	Вацетис И.И. — 20,35,36
Белицкий С.М. — 192	Велихов Е.П. — 161,224,271
Белков Н.Н. — 193	Венцов С.И. — 100,103,191, 273
Белли В.А. — 93	Верховский А.И. — 11,176,178, 179,180,202,203
Беллинсгаузен Ф.Ф. — 155	Вилкатс — 136
Белоус В.С. — 15	Виноградов М. С. — 15
Бенеш Э. — 50	
Беринг В. — 155	
Берия Л.П. — 54,55,135	

Витгенштейн П.Х. — 186
Витковский А.Н. — 15
Волконогов Д.А. — 16
Воронов Н.Н. — 55
Ворошилов К.Е. — 18,22,42,
44,45,49,56,90,94,95,111,146,
180,194,266
Врангель П.Н. — 21,37

Гай Г.Д. — 22
Галлер Л.М. — 56,57
Гамарник Я.Б. — 18
Ганнибал — 83,177,185,203
Гареев М.А. — 15,67,68,164,
226,227,233,237,238
Гейдрих Р. — 50
Гинденбург П. фон — 28
Гинзбург А.С. — 163
Гитлер А. — 5,40,83,99,106,107,
109,110,108,114,128,129,131,
165,173,203,208
Глушко В.П. — 138
Говоров Л.А. — 52
Голиков Ф.И. — 55,130
Голицын Г.С. — 163
Головко А.Е. — 55
Голушкевич В.С. — 54
Голль, Ш. де — 9
Горбатов А.В. — 50
Горбачев М.С. — 70,71,169,
171,174
Городовиков О.И. — 23
Горшков С.Г. — 141,157,158
Грачев Н. — 72
Гречко А.А. — 66,152,153,154
Гришанов В.М. — 156,157
Громыко А.А. — 59,163
Гувер Г. — 189
Гудериан — 11
Гусев С.И.(Драбкин) — 18,42

Даниленко И.С. — 15
Дельбрюк Г. — 180
Демидков Г.И. — 218
Деникин А.И. — 22

Джорджадзе И.И. — 218
Дзержинский Ф.Э. — 80
Дубынин В.П. — 14
Думенко Б.М. — 23
Душенов К.И. — 92
Дуэ Дж. — 11

Евсеев А.И. — 164
Егоров А.И. — 20,50,103,104,
130,193,194
Егорьев А. — 191
Егорьев В. Н. — 20
Екатерина II (Великая) — 6,34
Елчанинов А.Г. — 34
Еременко А.И. — 52,206

Жданов А.А. — 118,120
Жлоб Д.П. — 23
Жубер Б. — 34
Жуков Г.К. — 51,52,53,54,55,
56,57,58,122,127,128,129,130,
131,132,137,185,202,204,228
Журкин В.В. — 161,173

Завьялов И. — 211,212,215,216
Зайнчковский А.М. — 11,34,
35,176
Запорожец А.И. — 117
Захаров М.В. — 122,127,193
Зиновьев Г.Е. — 44
Зоденштерн — 128
Зубков Р.А. — 15

Иван IV (Грозный) — 29
Иванов И.Д. — 172
Иванов С. — 150
Израэль Ю.А. — 163
Исаков И.С. — 93
Иссерсон Г.С. — 11,38,106,120,
121,122,123,130,192

- Какурин Н.Е.* — 82
Калиновский К.Б. — 193
Камснев Л.Б. — 44
Каменев С.С. — 20,50,82
Капица П.Л. — 162
Караганов С.А. — 173
Карл XII — 177
Касенков М.М. — 15
Кингстон-Макклори Э.Дж. — 64
Киров С.М. (Костриков) — 18
Кишин Ю.Я. — 71
Кисунько Г.В. — 213
Клаузевиц К. — 5,27,29,30,31,
 37,47,64,70,73,180,181,183,
 184
Ключевский В. О. — 253
Кожанов И.К. — 92
Кожевников С.К. — 128
Козлов С.Н. — 65
Коленовский А.К. — 192
Колчак А.В. — 37
Кон Ф.Я. — 80
Конев И.С. — 52,54
Константин Николаевич,
вел.кн. — 44
Константинов Б.П. — 223
Корк А.И. — 20,49
Корнилов Л.Г. — 22
Коробушин В.В. — 15,234
Королев С.П. — 138
Коротков И.А. — 14
Кортунов А.В. — 173
Костяев Ф.В. — 20
Косыгин А.Н. — 214
Кривцов Е. — 35
Крузенштерн И.Ф. — 155
Крылов Н.И. — 148
Кузнецов Н.Г. — 56,57,93,141,
 197
Кулик Г.И. — 119
Куликов А.С. — 235
Куликов В.Г. — 14,151,152,
 169,235
Кулиш В.М. — 11,15,62,99
Кун Б. — 18
Курасов В.В. — 56
Кутузов М.И. — 186,206
Куусинен О.В. — 115,116
Лазарев М.П. — 155
Ланговой А. — 191
Лапчинский А.Н. — 103,192
Ларионов В.В. — 15,230
Лаун Б. — 163
Лебедев П.П. — 20
Леваль — 28
Леер Г.А. — 101
Ленин В.И. — 19,20,30,75,76
Лиддел-Гарт Б. — 11,189
Лисянский Ю.Ф. — 155
Лобов В.Н. — 15
Ломов Н.А. — 14,61,147,148
Лосик О.А. — 165
Лудри И.М. — 91,92
Людендорф Э. — 28,32,41,62,63
Мажино А. — 190
Макартур Д. — 137
Макдональд Ж. — 34,186
Макнамара Р. — 221
Маландин Г.К. — 128
Маленков Г.М. — 135,137,
 138,202
Малик Я.А. — 135
Малиновский Р.Я. — 52,58,59,
 61,140,142,143,144,145,146,
 147,153,219
Маннергейм К. — 267
Маркс К. — 30
Мархлевский Ю.Ю. — 80
Марышев А.П. — 229
Меликов В.А. — 176,179
Мерецков К.А. — 50,52,125
Мехлис Л.З. — 118
Микоян А.И. — 135
Мильштейн М.А. — 14,62
Миронов В.П. — 14
Миронов Ф.К. — 20
Митчелл У. — 11
Михайлов Г.А. — 15
Михневич Н.П. — 27,181,183
Моисеев М.А. — 170,196,238
Моисеев Н.Н. — 163

Молотов В.М. — 115,125,135
 Мольтке-младший — 203
 Мольтке-старший Г. — 28,31,
 32,41,183
 Моро Ж. — 34
 Муклевич Р.А. — 26,93
 Муссолини Б. — 173
 Мэхен А. — 26
 Мясников Г.А. — 76

Наполеон I — 6,39,83,181,183,
 185,187,206
 Неделин М.И. — 139
 Незнамов А.А. — 34,35,36,40,
 132,176,181,182,184,203
 Нефедов А.Д. — 235
 Никитин Н.Л. — 128
 Николай I — 8
 Николай II — 35
 Нимитц А.В. — 20
 Новиков А.А. — 54,57
 Новобранец В.А. — 130

Обысов И.П. — 194
 Огарков Н.В. — 67,68,69,159,
 161,162,165,170,221
 Огородников Ф. — 35
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) — 18

Павленко Н.Г. — 22,54
 Павлов А.В. — 22
 Павловский И.Г. — 143,159,
 165,217
 Пальмерстон Г. — 156
 Паунд — 273
 Петин Н.Н. — 20
 Петр I (Великий) — 6,29,
 155,177,178
 Петровский В.Ф. — 233
 Петровский Д. — 43
 Пилсудский Ю. — 80
 Пирумов В.С. — 15
 Повалий М. — 63,148
 Полинг Л. — 153

Половинкин С.М. — 193
 Попов В.М. — 72
 Постников С.И. — 230
 Примаков В.М. — 49
 Проектор Д.М. — 15,72,73,267
 Прухняк Э.Я. — 80
 Пугачев Е.И. — 34
 Путна В.К. — 49
 Пушкин А.С. — 250

Раттэль Н.И. — 20
 Рейган Р. — 69,168,169,215,
 222,223,225
 Ренье Ж. — 186
 Ришелье, кардинал — 250
 Родионов И.Н. — 233,234
 Рокоссовский К.К. — 50,52,
 53,228,229
 Ротмистров П.А. — 59,147,
 149,150,165
 Рузвельт Ф.Д. — 242
 Рыбалко П.С. — 54
 Рыбальчук С.Т. — 193
 Рычагов П.В. — 50,110

Савин А.И. — 223
 Савушкин Р.А. — 72
 Салманов Г.И. — 164,234
 Самсонов А.В. — 38,121,182
 Сандалов Л.М. — 229
 Свечин А.А. — 11,25,26,27,28,
 29,32,33,35,40,46,47,48,61,
 64,82,83,84,85,86,96,97,98,
 99,100,101,103,113,129,130,
 146,176,177,179,180,183,184,
 185,186,187,200,202,232
 Седякин А.И. — 192
 Семейко Л.С. — 15
 Сесил Р. — 189
 Симонов К.М. — 205
 Склянский Э.М. — 21
 Скоков В.В. — 15
 Слободенко А.К. — 62
 Смилга И.Т. — 79
 Смирнов М.В. — 19,219

- Смушкевич Я.В. — 50
 Снесарев А.Е. — 11
 Соколов С.Л. — 14,167
 Соколовский В.Д. — 54,60,66,
 148,150,153,211,220
 Сорокин И.Л. — 23
 Сталин (Джугашвили) И.В. — 18,
 27,44,45,48,49,50,53,54,55,
 56,57,58,62,87,107,108,109,
 113,114,117,118,125,127,
 129,131,134,135,136,137,195,
 196,197,204,205,206,208,210,
 228
 Стенчиков Г.Л. — 163
 Степанов Г.А. — 56,57
 Суворов А.В. — 34
 Суслов П. — 180
- Таленский Н.* — 135
 Телегин Н.Ф. — 54
 Тимошенко С.К. — 23,90,122,
 125,127,129,202
 Типо-Сайб — 83
 Толбухин Ф.И. — 52
 Томин Н.Д. — 23
 Тормасов А.П. — 186
 Триандофиллов В.К. — 97,192,
 193,194
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 17,
 42,43,45
 Тухачевский М.Н. — 22,23,24,
 25,26,28,31,41,42,46,49,50,52,
 61,78,79,82,85,86,97,104,105,
 108,109,130,146,179,180,192,
 194
 Тюренин А. — 39
- Уборевич И.П.* — 22,35,36,
 49,52,192
 Удино Н. — 186
 Уншлихт Ю. (И.С.) — 79,80
 Устинов Д.Ф. — 160,163,221
- Федосов Е.А.* — 15
- Федько И.Ф. — 22
 Фельдман Б.М. — 49
 Флеров Г.Н. — 14
 Фош Ф. — 184
 Франко Б. — 109
 Фрунзе М.В. — 22,37,38,39,
 40,41,42,43,44,68,78,79,87,
 175,176,192
- Хирота К.* — 110
 Хренов А. — 267
 Хрушев Н.С. — 56,57,58,59,
 60,61,140,141,142,143,149,
 208,213,228
- Чазов Е.И.* — 163
 Челомей В.Н. — 223
 Чемберлен Н. — 110
 Червов Н.Ф. — 233
 Чередниченко М. — 148,150
 Чернавин В.М. — 157,171,172
 Чичерин Г.В. — 94
- Шабанов В.М.* — 166,167,223,
 224
 Шапошников Б.М. — 20,47,
 61,63,96,98,99,100,101,102,
 103,111,112,113,127,130,
 146,193
 Шахурин А.И. — 57
 Шварц — 79
 Шварценберг — 186
 Шелленберг В. — 50
 Шендриков А.Н. — 193
 Шиловский Е.А. — 192
 Шипунов А.Г. — 15
 Ширяев С.И. — 128
 Шлиффен А. фон — 32,62,
 177,203
 Шлыков В.В. — 274
 Штауффенберг фон — 5
 Штеменко С.М. — 54,143
 Штерн Г.М. — 50

Эйдеман Р.П. — 22,49,102

Эйхе Т.Х. — 22

Эмилий Павел — 185

Энгельс Ф. — 19,30

Юрпольский И.И. — 218,219

Язов Д.Т. — 70,71,160,168,
170,233

Якир И.Э. — 49,52

Яковлев А.Н. — 172

Якубовский И.И. — 148

Якымычев А.М. — 92,93

Янушкевич — 35

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
-----------------------	---

<i>Глава I. Взаимоотношения политики и военной стратегии</i>	16
--	----

1. Революционные военные советы и политические комиссары	17
2. О господстве политики над военной стратегией	25
3. У истоков «единой военной доктрины»	34
4. Концепция «интегрального полководца»	46
5. Трагедия 1937–1938 годов и новое поколение советских военачальников	48
6. Советское военное искусство в первые послевоенные годы	53
7. Политика и военачальники в хрущевский период	56
8. Ядерное оружие и соотношение между политикой и стратегией	63
9. Политика и стратегия в 80-е годы	67
10. Модификация формулы Клаузевица	70

<i>Глава II. Оценки угрозы безопасности СССР, характера, вероятности и способов ведения будущей войны</i>	74
---	----

1. Войны революционные или войны национальные	77
2. Маневренный характер будущей войны и роль стратегической конницы	87

3. Роль флота в будущей войне: «борьба за проливы» или «оборона заливов»	90
4. Конкретные оценки военно-политической обстановки во второй половине 20-х — начале 30-х годов	94
5. Теория начального периода войны	100
6. Оценки перемен в военно-политической обстановке после прихода к власти в Германии нацистов	106
7. На подступах к Великой Отечественной войне 1941—1945 годов	116
8. Ядерное оружие в первые послевоенные годы (вторая половина 40-х — начало 50-х)	132
9. Ракетная техника и попытки пересмотра военно-политической ситуации во второй половине 50-х — начале 60-х годов	138
10. Концепции начального периода войны и отражения внезапного нападения	146
11. О локальных и ограниченных войнах	149
12. Период разрядки и стагнации	151
13. Новая роль для океанского Военно-Морского Флота	155
14. Преемственность и революционность 80-х годов	158

Глава III. Наступление и оборона в советской военной стратегии и оперативном искусстве

1. Дебаты в 20-е годы	175
2. Всеобщая конференция по разоружению (1932 — 1934 гг.)	187
3. Советские теории «глубокого боя» и «глубокой операции»	192
4. Наступательные устремления Сталина в военно-морской сфере	196
5. Как мыслились первые стратегические операции накануне Великой Отечественной войны	198
6. После второй мировой войны	204
7. 60-е годы — усиление роли наступательных операций	208
8. Диалектика обороны и наступления в стратегической ядерной сфере	213

9. Теория «глубокой операции» в 70-е годы	217
10. Первая половина 80-х годов	220
11. «Оборонная достаточность» и новое соотношение между обороной и наступлением	226

<i>Вместо заключения. Национальная безопасность и военная мощь России</i>	<i>240</i>
---	------------

<i>Примечания.....</i>	<i>259</i>
------------------------	------------

<i>Указатель имен</i>	<i>278</i>
-----------------------------	------------

Монография

Кокошин Андрей Афанасьевич

АРМИЯ И ПОЛИТИКА

**Советская военно-политическая
и военно-стратегическая мысль
1918–1991 годы**

Редактор *Л.А.Завальная*

Оформление художника *Е.И.Ильина*

Художественный редактор *Н.Д.Смольникова*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *Э.С.Казанцева*

Компьютерная верстка *Г.Д.Волковой*

ИБ № 2272

Сдано в набор 7.06.95. Подписано в печать 7.08.95
Формат 84х108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л.15,12.
Усл.кр.отт. 15,12. Уч.-изд. л. 16,91.
Изд.№ 3-и/95. Заказ № 276

Издательство "Международные отношения"
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства "Международные отношения"
в Тульской типографии,
г. Тула, 300600, пр. Ленина, 109